

ОРЕНБУРГ
В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

неизвестное
из жизни города

рассекреченные
документы

неопубликованные
воспоминания

архивные находки

история и судьбы

из семейных архивов

редкие фотографии

Алла
Владимировна
Федорова

Алла Владимировна Федорова

ОРЕНБУРГ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

- *неизвестное из жизни города*
- *рассекреченные документы*
- *неопубликованные воспоминания*
- *архивные находки*
- *истории и судьбы*
- *из семейных архивов*
- *редкие фотографии*

Оренбургское книжное издательство"
1995

Научный редактор В. А. Ежов,
лауреат Государственной премии СССР,
доктор исторических наук, профессор
Рецензенты: П. Б. Белозеров, доктор исторических наук, профессор И. З. Захаров, доктор
исторических наук, профессор

Книга издана на средства администрации города Оренбурга

сАО "Оренбургское книжное издательство", 1995
ISBN 5-88788-002-3

Автор книги - Алла Владимировна Федорова -

в течение многих лет возглавляла кафедру истории Отечества Оренбургской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат исторических наук, доцент. Она - член проблемного совета "Российская Федерация во второй мировой войне" Государственного Комитета Российской Федерации по высшему образованию, член Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград в годы второй мировой войны, участница многих международных, республиканских, региональных, областных научных конференций по проблемам истории второй мировой войны; ею опубликовано более 50 научных работ.

Дорогой читатель!

В истории каждого народа, любой страны есть события, которые определяют будущую жизнь на многие-многое годы вперед. И лишь по прошествии этих лет люди в состоянии до конца понять, что стояло на карте, чему они были свидетелями. Потомки начинают анализировать не только каждый год конкретной исторической ситуации, но и каждый день, каждый час.

Именно теперь, в этот непростой для страны период, настала пора изучать не только трезвым разумом, но и внимательным, чутким сердцем отошедшую от нас на полвека историю Великой Отечественной войны, перебирая дату за датой, событие за событием, судьбу за судьбой. Именно сегодня появилась возможность со всей исчерпывающей полнотой узнать многое из того, что было скрыто за грифом секретности, а потом год за годом раскрывалось и становилось известным.

Настала пора, отдавая дань памяти тем, кто погиб на полях сражений или, увенчанный победными наградами, вернулся с фронта, сказать высокие слова благодарности. Эти слова

должны быть сказаны всем, кто приближал день Великой Победы здесь, в глубоком уральском тылу, жертвовал своим здоровьем, своими последними силами во имя общего дела.

Их остается все меньше и меньше - ветеранов ратного и трудового подвига тех "сороковых роковых" лет. Воздадим же должное, пока они живы, их делам, их мужеству, терпению, бескорыстию. И самое главное: мы не должны забывать о подвигах старшего поколения ради того, чтобы нынешние юные граждане России знали, кому они обязаны своей жизнью.

Глава администрации города *Геннадий Донковцев*

Предисловие

Все дальше уходят события Великой Отечественной войны. Минуло пятьдесят с того чудного весеннего дня, имя которому Великая Победа. Цвел и благоухал обновленный май. У всех в душе звонили колокола радости, маня счастливым ожиданием выстраданной мирной жизни.

Уходят годы, а имена героев остаются. Их списки полнятся все больше и больше, летопись дописывает новые и новые страницы того героического времени, в котором есть место и отдельным личностям, и населенным пунктам.

Многие города страны носят гордое звание героев вместе с легендарными воинами. Но массовый героизм, стойкость и мужество проявили и те, кто жил и трудился в тыловых городах, вышедших на передовую народного патриотизма.

Эта книга - дань памяти тем суровым дням, когда решалась судьба нашей Родины, и людям, чьи силы были отданы освобождению от ненавистного врага на трудовом фронте. На ее страницах воссоздается история города, именовавшегося в те годы Чкаловым, города-тыловика и города-воина. Здесь формировалась не одна дивизия, многие соединения доблестной Красной Армии, коим присвоено наименование городов, спасенных ими, очищенных от фашистских захватчиков.

И здесь же обеспечивались нужды фронта. В первый период войны в город пришло более сорока предприятий, среди них завод № 545, изготавливавший винтовочные патроны. Он начал выпускать продукцию уже в декабре 1941 года, на его счету 74 095 тысяч штук патронов. В течение 47 месяцев работы в условиях эвакуации 545-й завод шестнадцать раз завоевывал призовые места среди предприятий Наркомата вооружения.

Не один десяток лет архивы хранили тайну деятельности этого и подобных ему предприятий, таких, как, например, 47-й авиационный, выпускавший боевые машины, или "Автозапчасть", на котором делали взрыватели для мин.

Город-тыловик отправлял боеприпасы, продовольствие, обмундирование, раскрывал свои милосердные объятия десяткам госпиталей, поднимавших раненых, формировал концертные фронтовые бригады, дал пристанище многим деятелям культуры, творчество которых порой вдохновляло и позволяло возвыситься до той нравственной высоты, за которой начинался подвиг во имя счастья новых поколений.

Книга охватывает период с июня 1941 по май 1945 года, но подавляющая часть материалов относится к первым годам войны - самому тяжелому ее временному отрезку. Все документальные свидетельства взяты из фондов архивов Оренбурга, Москвы, Ленинграда, Ворошиловграда ныне Санкт-Петербурга, Луганска соответственно. При написании работы использовались газетные публикации, свидетельства очевидцев и участников событий далеких военных лет.

Нельзя обойтись без слов глубокой признательности и искренней благодарности работникам этих учреждений, и особенно старшему научному сотруднику Центра документации новейшей истории Г. И. Хвостовой, всем, кто откликнулся на приглашение поделиться своими воспоминаниями, а также руководителю клуба "Поиск" оренбургской школы № 25 Л. Г. Удотову.

Книга построена только на документальной основе. Большинство архивных материалов публикуется впервые. Хотя есть и известные читателю источники. Но они нужны для обозначения канвы событий.

В книге через документы воссоздаются будни военного времени. Автор не претендует на полноту охвата событий. Но главная линия в летописи, связанной с жизнью военного Чкалова-Оренбурга, обозначена. Она свидетельствует о мужестве и стойкости оренбуржцев, а также москвичей, ленинградцев, луганцев, одесситов, киевлян, живших в условиях эвакуации. Они прошли через тяжелейшие испытания Великой Отечественной, и низкий им за то поклон.

На защиту Отечества.

Война - жесточе нету слова.
Война - печальней нету слова.
Война - святее нету слова

В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Еще не может быть и нет.
А. Твардовский

Уж сколько произведений вмещает летопись Великой Отечественной войны, но даже спустя пятьдесят лет ее нельзя назвать полной. Она продолжает волновать участников и очевидцев тех событий, как и тогда, в те тяжелейшие годы.

В воскресный день 22 июня 1941 года в четыре часа фашистская Германия и ее союзники - Финляндия, Венгрия и Румыния вероломно вторглись на территорию нашей страны. На огромном протяжении западной границы СССР от Баренцев, а до Черного моря развернулись невиданные кровопролитные сражения. Гитлер планировал в два - три месяца разгромить Красную Армию, ликвидировать советское государство, истребить миллионы людей. ЦК партии и правительство создали Государственный Комитет Обороны, сосредоточивший всю полноту власти. По их призыву "Все для фронта, все для победы!" наш народ выступил на защиту Отечества от фашизма.

Еще накануне войны люди жили в тревожном ожидании: успешное наступление Гитлера в Европе беспокоило всех. И все равно война оказалась неожиданностью. Вечером митинги прошли в драмтеатре, где присутствовало 750 человек, в парке им. В. И. Ленина - 300, в саду имени Октябрьской Революции - 400, саду им. Карла Либкнехта - 1900, в цирке - 1500. Люди собирались у репродукторов, внимательно слушая передачи о немецкой агрессии.

Газета "Правда" 24 июня 1941 года писала: "Вчера утром до начала работы и днем во время обеденных перерывов на всех предприятиях и в учреждениях города Чкалова проходили митинги. На шорно-седельной фабрике митинг состоялся утром перед началом работы. Выступавшие чувством негодования говорили о нападении фашистов и обещали всемерно помогать Красной Армии в борьбе с немецкими оккупантами".

На швейной фабрике митинги прошли в обеденный перерыв по цехам. "Я только что проводила в Красную Армию своих сына и дочь, - заявила пожилая работница Ахматова - Расставаясь, мы договорились, что они там..., а я здесь, вместе со всем нашим коллективом швейниц, будем, не считаясь со временем, работать еще с большей энергией, чтобы в достатке снабжать бойцов и командиров Красной Армии и Военно-Морского Флота всем необходимым". Коллектив фабрики принял решение ежемесячно один выходной работать в Фонд обороны.

Это был единый патриотический порыв. Рабочие литейного цеха паровозовагоноремонтного завода на своем митинге приняли обязательство поднять производительность труда на 150 процентов. На заводе имени С. М. Кирова смена мастера Забровского обещала выполнять производственное задание не ниже чем на 120 процентов. А вот что сказал выступивший на митинге Коряков (мельзавод № 5): "Никакие происки кровавых фашистов не поколеблют наших рядов. Я получил повестку от райвоенкомата и с радостью иду на защиту нашего родного Отечества".

На митингах и собраниях принимались резолюции, в которых оренбуржцы заверяли руководство страны в том, что они отдадут все силы для защиты Родины. "Коллектив завода считает себя мобилизованным до полной победы над коварным врагом - фашизмом" - так решили для себя рабочие паровозоремонтного завода (ПВРЗ).

Многолюдные митинги и собрания прошли и в военных училищах Оренбурга. На митинге в шестой авиаэскадрилье Оренбургской школы пилотов выступили капитан В. И. Туровский, летчики-инструкторы Ф. И. Сокрутов, А. В. Мельников и другие. Они обязались ускорить выпуск летчиков для фронта.

Командиры и курсанты Оренбургского зенитного училища, выступая на собраниях, с гневом клеймили фашистских агрессоров и готовы были немедленно отправиться на фронт, чтобы принять личное участие в защите Родины от оккупантов. Такая массовость была характерна не только для начального периода. На протяжении всей войны в Оренбурге время от времени проходили многолюдные митинги и собрания. В своих выступлениях трудящиеся давали клятву отомстить за близких и родных, брали повышенные производственные обязательства. Повсеместно на предприятиях, в учреждениях оренбургские труженики выносили решения ежемесячно отчислять однодневные заработки в Фонд обороны Родины.

В городе развернулась мобилизация мужчин призывного возраста в Красную Армию. Райвоенкоматы работали с небывалым напряжением: с утра до вечера здесь толпились призывники и их родственники. У многих в глазах застыли слезы. Никто не знал, удастся ли увидеть своих мужей, отцов, братьев и сыновей живыми.

На призывных пунктах выступали лекторы, профессиональные и самодеятельные артисты, звучала музыка. Мобилизация проходила с большим подъемом. Многие мужчины, особенно молодого возраста, подавали заявления о добровольном зачислении в Красную Армию и немедленной отправке на фронт. Они шли мстить за поруганную землю, за сожженные города и села.

Так, 8 июля 1941 года группа рабочих, техников и инженеров ПВРЗ (всего 59 человек) в своем заявлении писала: "Мы ясно представляем, какая серьезная опасность нависла над нашей родной землей. Поэтому мы, рабочие, техники и инженеры паровозоремонтного завода, добровольно идем в ряды действующей Красной Армии. Мы здесь, на производстве, работали по-стахановски, и на фронте, в войне против озверелого врага, будем дорожить честью своей Родины, будем беспощадно громить фашистов" 2.

Рабочий Буденный, несмотря на свой пожилой возраст, писал: "Сил нет сидеть здесь, в далеком тылу. Хочу пойти на передовую линию огня и показать, на что способны закаленные еще в годы гражданской войны бойцы"3.

И таких заявлений о добровольном вступлении в Красную Армию и отправке на фронт в военкоматы города поступало немало, причем не только от мужчин, но и от молодых женщин. Вот документальное свидетельство: "В первый же день войны в военные комиссариаты, районные и городские комитеты партии приходили сотни женщин и заявляли о своей готовности пойти на фронт, отмечалось в докладной в Москву.

В тревожные годы Великой Отечественной войны областной военный комиссариат возглавлял подполковник Иван Илларионович Жиленков. Работники военкомата приложили много труда и усилий в проведение мобилизации оренбуржцев на защиту Родины.

Пример добровольчества подавали коммунисты и комсомольцы. В первую неделю войны из города ушло на фронт более тысячи добровольцев, среди них 750 коммунистов.

Граждане сердцем почувствовали, какая страшная опасность нависла над нашей Родиной, и внутренне подтянулись, стали крепче духом, общая беда сплотила людей.

На предприятиях повысилась дисциплина, поднялась производительность труда. Каждый на своем рабочем месте старался дать как можно больше продукции. Многие перевыполняли обязательства, взятые на митингах и собраниях.

В информации того времени сообщалось, что на предприятиях города с первых же дней войны заметно вырос выпуск продукции, особенно для Красной Армии. Так, рабочие вагонотоварного цеха ПВРЗ 23 июня 1941 года план ремонта товарных вагонов выполнили на 144 процента. А токари механического цеха Студенников, Мальцев, Яковлев выполнили норму на 280 процентов. Перевыполнили свои задания бригады кровельщиков, плотников и котельщиков.

Рабочие шпалопропиточного завода производственный план в этот день выполнили на 113 процентов, а бригада мастера Федотова - на 233.

На заводе "Красный партизан" так же возросла производительность труда. Многие перевыполняли свои задания. Кузнец Лысенко вместо двухсот противоугонных клинцев выдал пятьсот. Перевыполняли нормы и электросварщики Ширшов, Спасенко, Пегов, Казаков и другие.

Поднялась производительность труда и на шорно-седельной фабрике. Так, 23 июня Лебекина выполнила план на 245 процентов, Иванова - на 153, Скурыдина - на 297. Заметно улучшили свою работу и труженики завода имени С. М. Кирова. Задание 24 июня токари Первушина и Музыченко выполнили: на 340 и на 380 процентов соответственно, а весь завод в этот день дал 111 процентов плана. То же самое можно сказать о коллективах железнодорожного депо, крупозавода и других предприятий города. Трудовая дисциплина заметно укрепилась, люди острее стали чувствовать свою ответственность за судьбу Отечества.

С первых дней войны серьезная работа развернулась и по вовлечению на производство женщин. Они заменили ушедших на фронт мужчин. В информации обкома партии от 8 августа 1941 года сообщалось: "На предприятиях города Чкалова с момента объявления войны стали работать 1523 женщины, и создан резерв из женщин в количестве 1922 человек на случай мобилизации мужчин".

Женщины и девушки встали к станкам, сели на автомашины, стали работать в госпиталях... Своим трудом женщины-патриотки помогли Родине выстоять в смертельной схватке с фашизмом.

Началась подготовка резервов для Красной Армии, формировалось народное ополчение. Население охотно шло в ряды ополченцев. В июне 1941 года в народное ополчение было подано свыше восьми тысяч заявлений, комиссиями было отобрано более шести тысяч человек. Уже к 10 июля 1941 года в городе вступило в народное ополчение 6283 человек, в том числе 1718 женщин. Полностью сформировали один батальон, три роты, шесть взводов и пять дружин, которые и приступали к занятиям. На 12 июля 1941 года по городу Оренбургу подано заявлений в народное ополчение 11339 человек, из них 4090 женщин. По Дзержинскому району было подано 2263 заявления, по Кировскому - 3170, по Кагановичскому - 5906.

В результате вместо планировавшегося полка была создана дивизия народного ополчения. В нее вошло 11 тысяч добровольцев, в том числе 5 тысяч женщин. На пунктах всеобщего ополченцы знакомились с оружием, учились стрелять, бросать гранаты, практиковались в сооружении окопов, оказании первой медицинской помощи раненым.

На июнь 1942 года в народное ополчение города было подано свыше пяти тысяч заявлений от мужчин и женщин. 4500 оренбуржцев заявили о добровольном вступлении в ряды РККА. В народное ополчение записалась большая группа сотрудников Оренбургской хирургической железнодорожной больницы.

С началом войны в городе развернулась подготовка населения к противовоздушной и противохимической обороне. Действовал штаб ПВО, а на предприятиях и в многоквартирных домах были созданы группы самозащиты, в которых состояли десятки тысяч горожан.

Большой вклад в подготовку боевых резервов для фронта внесли и оборонные организации, которые с первой же недели войны начали обучать снайперов, пулеметчиков и т. д. К маю 1942 года в городе были созданы спецкоманды автоматчиков - 50 человек, снайперов - 220 человек.

Активно готовились кадры медицинских сестер. На предприятиях и в крупных учреждениях создавались санитарные дружины.

С 22 июня по 22 июля 1941 года в городе работало 18 групп по подготовке 515 медицинских сестер, к началу сентября их численность увеличилась до 25 с 660 обучающихся. К концу апреля 1942 года в Оренбурге подготовили 778 медсестер, на курсах сандружинниц обучались 524 человека и 168 медсестер.

К середине 1942 года курсы медицинских сестер закончили 618 человек, из них ушли на фронт 218, в санитарные поезда направлено 48 дружинниц, подготовлено 33 начальника санитарных постов. Весной 1942 года 1300 городских девушек обучались военному делу, к маю 1942 года 240 из них выехали на фронт.

В школах, средних и высших учебных заведениях с начала учебного года стала широко практиковаться сдача норм на значки БГТО и ГТО. В 146 кружках ГТО занималось 4200 человек, в том числе 3500 женщин.

На военный лад перестраивалась и агитационная работа; В широких проемах Дома офицеров и других местах появились "Окна ТАСС" и щиты с призывами к населению принять активное участие в разгроме врага. Газеты и радио передавали сводки Информбюро, сообщали населению о перестройке в работе предприятий города и области. Лекторы и агитаторы рассказывали жителям города о серьезном положении, призывали к бдительности и мобилизации всех ресурсов на разгром фашистских оккупантов. Они воспитывали у населения ненависть к фашистским оккупантам, укрепляли чувство патриотизма, призывали отдать все силы на защиту Родины от коварного врага.

Война потребовала резкого увеличения командных кадров. Для этого в стране открывались новые и расширялись существовавшие военные училища.

В Оренбурге до войны было несколько таких училищ, в военное время к ним добавились еще два новых: танковое и пулеметное. Эти новые учебные заведения необходимо было разместить. Под танковое училище предложили здание на улице Правды, где сейчас музей изобразительных искусств. Батальоны курсантов расположились в Караван-Сарае, на улицах Ленинской, 63 (ныне это здание экономического факультета Оренбургской сельскохозяйственной академии) и Советской, 5. Танкодром базировался за городом, правее дороги на Каргалу. В разных приспособленных помещениях некоторое время размещалось и пулеметное училище.

Деятельность военных училищ срочно перестраивалась в соответствии с требованиями обороны страны. Возросли наборы курсантов, сокращались сроки их обучения, вся учеба носила главным образом практический характер. Так, Ш зенитно-артиллерийском училище в первый месяц войны приступило к учебе 1,5 тысячи человек, значительно больше, чем занималось в мирное время. Возросло число кур-бантов и в военно-авиационной школе пилотов.

Военные училища комплектовались в основном за счет юношей Оренбургской и соседних областей, многие были из Оренбурга. Среди курсантов заметно увеличилось число лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, в Оренбургском училище зенитной артиллерии, например они, составляли 20 процентов.

Сроки обучения курсантов были сокращены до 6-9 месяцев. Занятия шли по 10-12 часов в сутки, главным образом за пределами помещения. Никто не роптал, так как все понимали необходимость хорошей практической подготовки будущих офицеров для успешной борьбы с фашистами. В училищах часто проводились марш-броски, практические стрельбы, спортивные соревнования. Будущие летчики осваивали технику пилотирования на аэродроме около Менового двора. Курсанты пулеметного училища часто занимались тактикой на южной окраине города: в Зауральной роще, в районе Ситцовки, Карачей, Менового двора. Остатки окопов, вырытых ими в годы войны в Зауральной роще, сохранились до наших дней.

Подполковник Н. Василенко, служивший тогда командиром взвода курсантов танкового училища, вспоминает: "В первые годы войны курсанты изучали материальную часть легких танков (Т-26, Т-50, Т-70), а также американских танков М-3 (малый) и М-3 (средний). С августа 1944 года все 64 взвода училища перешли на изучение самоходной артиллерийской установки

(САУ-76). Обучение проходило по ускоренной программе (10-12 месяцев). Занимались ежедневно по 8-10 часов, и 4 часа отводилось на самоподготовку. На личные дела времени почти не оставалось. Практика по вождению машин проводилась на танкодроме. Командный и преподавательский состав давал курсантам, как теоретические знания, так и практические навыки. Мы старались воспитать у курсантов чувство ненависти к фашистским оккупантам и беззаветную преданность Советской Родине".

С начала войны из Саратовского танкового училища прибыл один из курсантских батальонов с командирами и техникой для укрепления базы только что созданного танкового училища.

Учебного корпуса в училище не было, теоретические занятия проводились в казармах, а практические - на танкодроме. На протяжении всей войны курсанты участвовали в весенне-полевых и уборочных работах в колхозах и совхозах, в подсобном хозяйстве училища. Они работали на очистке путей от заносов, на заготовке дров.

В истории танкового училища есть и такой факт. В 1942 году в течение полутора зимних месяцев 60 процентов курсантов были освобождены от "наружных занятий" из-за отсутствия обуви.

За годы войны в училище было подготовлено более 6,5 тысячи офицеров-танкистов и самоходчиков. Первый выпуск танкистов в количестве 165 человек состоялся 12 февраля 1942 года, а всего на протяжении 1942 года их было 15 (практически ежемесячно). В 1943 году - 3, в 1944 - 11, в 1945 - 3 (до мая).

Большая часть выпускников принимала активное участие в боях с немецко-фашистскими оккупантами. 15 сентября 1944 года выпускник училища младший лейтенант Александр Назаров информировал начальника училища, что в его бригаде сражались выпускники Герои Советского Союза В. И. Ерасов и И. Проходченко. "При взятии Двинска,- писал лейтенант А. А. Григорьев,- первыми ворвались в город воспитанники ... училища Вознесенский, Соколов, Жирнихин, Красников". В Белгороде героически проявил себя воспитанник ЧТУ лейтенант Андрей Попов. Он погиб в том бою, и на улице, названной его именем, стоит бронзовый бюст. Группа выпускников ЧТУ отличилась в боях за Сталинград в районе Грачевой балки. Участником сражения на Курской дуге был акбулачанин Ж.Г. Ковалев. Боевой путь он закончил в Берлине¹².

Героизм, стойкость, организованность и дисциплинированность выпускников училища проявились в практических делах на фронте. Многие из них награждены орденами и медалями.

Так же напряженно работали и другие училища. Под руководством командиров и преподавателей курсанты стремились быстрее овладеть теоретическими знаниями и Практическими навыками, чтобы успешно бить фашистских оккупантов.

В зенитно-артиллерийском училище обучение осложнялось тем, что не хватало боевой техники. До конца 1941 года не было 37-миллиметровых зенитных пушек, из положенных 64 зенитных орудий калибра 76 и 85 миллиметров имелось лишь 1913. Однако постепенно училище пополнялось и новой боевой техникой.

В октябре 1941 года, когда фашистские войска рвались к Москве, по заданию командования в училище из числа курсантов был срочно сформирован стрелковый батальон, который принял участие в защите столицы.

Общая численность переменного состава курсантов составляла 1600 человек. 29 ноября 1941 года были выпущены первые 200 лейтенантов, в декабре - еще 430.

По указанию штаба и обкома ВКП(б) в первый год войны на базе училища было сформировано несколько батальонов политбойцов из коммунистов и комсомольцев области. 12 ноября 1941 года первый батальон политбойцов в составе 424 человек выехал на фронт¹⁵. Вскоре за ним ушел и второй батальон из 501 политбойца. Они занимались политическим воспитанием стрелковых рот, укреплением воинской дисциплины бойцов, участвовали в разгроме немцев под Москвой и в последующих боях с фашистскими войсками.

В училище развернулось соревнование между взводами, батареями и дивизионами. Оно сыграло важную роль в повышении качества подготовки командиров-зенитчиков, в частности в воспитании необходимых боевых и морально-политических качеств. При клубе был создан ансамбль красноармейской песни и пляски в составе 120 человек. Здесь же родилась "Песня зенитчиков", в которой были такие слова:

Жерла пушек направлены в небо,
Ждет сигнала зенитный расчет.
На любой высоте, где б он ни был,
Мы фашистский собьем самолет.

Проведенные в январе 1942 года тактические учения двух дивизионов училища показали хорошую выучку курсантов. Учения проходили двое суток в полевых условиях при сильном морозе. Несмотря на это, курсанты с задачами успешно справились.

Весной 1942 года училище перешло сначала на девятимесячный, а с лета - на десятимесячный срок обучения. К этому времени обновился состав командиров и преподавателей, в который вошла группа офицеров-фронтовиков; они обучали курсантов, основываясь на своем боевом опыте.

В период боев под Сталинградом, когда создалась угроза налетов фашистской авиации на Оренбург, командование ЮЖУРВО поставило задачу: силами курсантов организовать противовоздушную оборону города. С этой целью были выделены три батареи, которые круглосуточно несли боевое дежурство. Одна предназначалась для защиты авиационного завода, другая - для защиты мостов через реки Урал и Сакмара и третья дежурила рядом с училищем. К счастью, налетов вражеской авиации не было. Кроме того, из зенитчиков была сформирована батарея, участвовавшая в разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом.

Будущие офицеры училища были готовы идти на фронт немедленно, о чем не раз просили своих командиров. Курсанты-выпускники в 1943 году организовали сбор средств среди личного состава на строительство зенитной батареи малого калибра. Они собрали 335,5 тысячи рублей. Эту инициативу одобрил Государственный комитет обороны.

В этом же году дивизион курсантов в составе трех батарей проходил стажировку в Горьком. Зенитчики участвовали в отражении налетов фашистской авиации на автозавод, где в то время выпускались танки.

С октября 1943 года срок обучения курсантов увеличился до 1,5 лет. С этого времени на учебу принимались только бойцы из действующей армии. Это способствовало дальнейшему повышению качества подготовки офицеров-зенитчиков. По субботам и воскресеньям курсанты занимались в различных кружках и спортивных секциях.

В 1944 году в училище была принята группа воинов, Героев Советского Союза, это сержанты А. Ф. Бондарь, П.И. Корсаков, Б. И. Быков, К. П. Кайдалов и К. М. Павлов. Они отличились, будучи командирами орудий, на 1-м Украинском фронте.

Училище зенитной артиллерии в Оренбурге закончило много интересных людей. В военное время в нем обучался праправнук А. С. Пушкина С. Е. Клименко. Приказом по училищу от 10 мая 1943 года сержант Клименко был зачислен курсантом в 8-ю батарею училища. Учился он увлеченно. На одном из комсомольских собраний в декабре 1943 года его отметили в числе лучших курсантов, которые проявляют исключительное старание в учебе, активно участвуют в общественной работе, служат примером дисциплинированности и организованности. На практических занятиях взвода Клименко отличался высоким знанием и четким выполнением обязанностей бойца при наступлении и в обороне. Сергей Евгеньевич с отличием закончил первый курс и весной 1944 года был переведен на второй. За отличную учебу сержанту С. Е. Клименко вынесли благодарность, которой удостоились лишь 18 курсантов из 260.

После выпуска С. Е. Клименко назначили инструктором в Московский учебный лагерь войск зенитной артиллерии. Он готовил командиров автоматических 37-миллиметровых зенитных пушек. После войны работал военным переводчиком. Как специалист по японскому языку трудился в Государственном комитете по телевидению и радиовещанию.

Среди курсантов зенитного училища было немало тех, кто проявил истинный героизм и мужество на фронтах войны. За успехи в политической и боевой подготовке курсантов в 1944 году большая группа офицеров была удостоена правительственных наград. В декабре этого же года училище было награждено Боевым Знаменем.

Всего за годы войны училище сделало 12 выпусков, подготовив для фронта около 5 тысяч офицеров-зенитчиков 18. Многие из них отважно сражались с немецко-фашистской авиацией на фронтах войны, за героизм и мужество награждены медалями и орденами. Выпускник училища А. Власов писал: "Не долгие часы, когда наступит расплата за все те злодеяния, которые причинил нам фашизм. ...Когда-то на страницах истории будут записаны дела бойцов, командиров, которые ценой больших усилий прорвали кольцо блокады города Ленинграда. Это будет!.."

Некоторые выпускники училища стали Героями Советского Союза: А. А. Брыкин, И. П. Сорокин, В. М. Козлов и другие.

Огромную работу по подготовке летчиков для фронта провело Оренбургское летное училище, которое в годы войны называлось школой летчиков 19. Здесь тоже с первых дней войны коренным образом был пересмотрен весь учебный процесс. С учетом требований фронта и в этой школе занятия велись по 10-12 часов, а полеты - круглосуточно. По мере освоения теоретических знаний и практики полетов курсанты становились летчиками и начинали свой боевой путь.

В авиаэскадрильях училища были созданы ремонтные группы, которые следили за состоянием материальной части и в случае необходимости быстро ремонтировали ее. В авиаремонтной мастерской авиамеханики и рабочие трудились, не считаясь со временем, и обеспечивали учебный процесс необходимой техникой. Только в октябре 1941 года они

отремонтировали 150 авиамоторов и 20 самолетов, поставили вооружение на 23 самолета Р-5 и ТБ-3 20.

С весны 1942 года в школе перешли на изучение лучшего тогда в мире самолета-штурмовика ИЛ-2. Он имел хорошую скорость, броню и мощное бортовое вооружение (две 23-миллиметровые пушки, два пулемета и восемь реактивных снарядов).

В школьных авиаремонтных мастерских одноместные ИЛ-2 были переоборудованы под учебные самолеты с двойным управлением, что позволило летчикам-инструкторам более эффективно проводить учебные полеты курсантов, которые быстрее овладевали техникой пилотирования. Опыт по подготовке школы летчиков был обобщен и передан в другие авиаучилища, готовившие летчиков на самолеты ИЛ-2.

Чтобы изучить опыт боевого применения штурмовиков, 590 инструкторов и преподавателей школы летчиков выезжали на стажировку во фронтовые части штурмовой авиации и затем передавали свои знания курсантам. Большую помощь школе оказали преподаватели Военно-воздушной академии, эвакуированной в годы войны в Оренбург из Москвы.

Выпускники мужественно сражались на многих фронтах Великой Отечественной войны и заслужили высокие отзывы командиров авиачастей. "Все летчики, прибывшие из 1-й Чкаловской военно-авиационной школы, подготовлены хорошо, быстро осваивают курс боевого применения" - писал майор И. Б. Беличенко.

Уже в первые дни войны на базе школы летчиков были сформированы четыре авиаполка ночных бомбардировщиков (593-й, 616-й, 617-й, 624-й). В эти полки были выделены лучшие кадры и самолеты.

Осенью 1941 года при школе летчиков проходили летную подготовку несколько авиачастей. Летчики тренировались в технике пилотирования, ночном бомбометании, в посадке без прожекторов. А в суровом 1942 году из курбантов был срочно сформирован стрелковый батальон, который участвовал в боевых действиях на Воронежском фронте.

Будущие летчики во время учебы успешно занимались спортом, участвовали в кроссах, марш-бросках, в различных спортивных соревнованиях. Преподаватели заботились и о Настроении будущих воинов. В свободное время они имели возможность слушать лекции, смотреть кинофильмы, видеть выступления артистов театров и художественной самодеятельности города.

В ноябре 1944 года по итогам боевой подготовки и идейно-политического воспитания курсантов школа летчиков заняла одно из первых мест среди училищ Военно-воздушных Сил. Коллективу учебного заведения были вручены Красное знамя и Грамота Президиума Верховного Совета СССР.

Школа готовила квалифицированные кадры летчиков не только для Военно-воздушных Сил нашей страны, но и для Нольши. В 1944-1945 годах в школе было подготовлено 46 пилотов для армии этой страны.

Многие выпускники школы пилотов продемонстрировали образцы мужества и героизма в борьбе с фашистскими оккупантами. Достаточно сказать, что 260 летчикам было присвоено звание Героя Советского Союза, 220 из них получили это высокое звание в период Великой Отечественной войны.

Такая же интенсивная подготовка командных кадров велась и в школе штурманов, и в пулеметном училище, которое выпустило четыре тысячи офицеров-пулеметчиков. Чкаловское военно-пулеметное училище было организовано в середине лета 1942 года в бывшем здании кавалерийских подразделений по переулку Брыкина. Здесь были основные казармы для личного состава, подсобные помещения, склады. Штаб училища размещался по улице Пионерской, где сейчас Дворец бракосочетания. Две роты располагались в помещениях по улицам Гая и Кирова.

Формировал училище участник войны генерал-майор А. Г. Селюков. К июню - августу 1942 года в училище прибыли офицеры из госпиталей, воинских частей. Среди них Д. Н. Грановский, А. М. Труфанов, А. С. Березов, М. И. Король, Ф. К. Лоскутов и другие. Командирами взводов стали выпускники Краснохолмского училища А. П. Печеркин, Г. Н. Пустовой, В. К. Меркушев, Ф. В. Лушников, Ю. И. Парашенко. Набор курсантов проводился в основном из молодежи Оренбургской и соседних областей.

Занятия проходили в полевых условиях, в Зауральной роще и за Овчинным городком, в районе горы Сулак, где местность была изрыта окопами и траншеями. Старица реки Урал использовалась для форсирования реки с оружием и в обмундировании.

Практические стрельбы из пулеметов и стрелкового оружия проводились в любую погоду на стрельбище (пехотном полигоне), правее нынешнего Дворца культуры "Россия", на территории школы № 49; танковый полигон был в районе школы № 32. Занятия проходили в условиях, приближенных к боевым.

В годы Великой Отечественной немало выпускников Оренбургского пулеметного училища были отмечены правительственными наградами.

А всего за годы войны все училища города подготовили более двадцати тысяч командиров для действующей армии. Подавляющее большинство офицеров мужественно сражалось на фронтах войны с немецко-фашистскими захватчиками. Они внесли весомый вклад в разгром гитлеровской Германии, в защиту нашей Родины.

В военное время в Оренбурге находились эвакуированное 2-е Бердичевское пехотное училище (1941 - июль 1942 гг.), кавалерийское училище, расформированное 15 июля 1942 года, школа санинструкторов. Кроме того, в городе функционировали школа младших ветфельдшеров при военном госпитале № 359 на триста человек, Краснознаменная высшая офицерская школа противовоздушной обороны Красной Армии (1 июля 1943 года - 8 ноября 1944 года).

В Оренбурге и его окрестностях в годы Великой Отечественной формировались различные воинские соединения, части и подразделения. Среди них 11-я кавалерийская дивизия, а также 360-я и 211-я стрелковые дивизии. В близлежащих населенных пунктах дислоцировались соединения 211-й стрелковой дивизии: 887-й полк - в Павловке, 884-й - в Черноречье, 896-й - в Нижней Павловке, 829-й - в Подгородней Покровке, 376-я мотострелковая разведрота - в Нежинке, 572-й отдельный саперный батальон - в Нижней Павловке, 725-й отдельный батальон связи - в Нежинке и т. д.

В Оренбурге находились также 136-я отдельная авиа-эскадрилья связи, 249-я автотранспортная рота, 165-й и 2-й автотранспортные батальоны. Кроме того, в городе располагались управление 13-й запасной дивизии, 6-й запасной Железнодорожный полк.

Из тыловых артиллерийских учреждений близ города находились: артиллерийский арсенал № 1 на станции Донгуз (1 февраля 1942 года - 1 ноября 1944 года), окружной артиллерийский склад вооружения, научно-испытательный зенитный полигон, курсы младших артиллерийских техников дивизионной артиллерии.

Осенью 1941 года, будучи в Оренбурге, член ГКО маршал ШЗЕ. Ворошилов ознакомился с ходом формирования 11-й кавалерийской и 360-й стрелковой дивизий, готовящихся к выезду на фронт.

Позже в городе были сформированы 55-я и 56-я стрелковые бригады, 155-й и 169-й мотострелковые батальоны, 4 авиаполка, 2 дивизиона бронепоездов, 5 зенитных батарей, 2 железнодорожных поезда для восстановления связи и сигнализации на освобожденных территориях, несколько полевых хирургических, инфекционных и эвакогоспиталей, два дезинфекционных отряда.

Части и соединения после формирования отправлялись на фронт или в прифронтовые районы. В 1942 году, например, помощь фронту выглядела так (данные неполные):

25 января	в Москву	38-я автобронетанковая мастерская
30 января	на фронт	449-й полевой ветлазарет
4 февраля	в Тамбов	прачечно-дезинфекционный отряд № 3877
8 февраля	на фронт	полевой подвижной госпиталь
9 февраля	на Волховский фронт	полевая хлебопекарня № 2725.
12 марта	на фронт	банно-дезинфекционный поезд
29 марта	на фронт	211-я стрелковая дивизия
5 апреля	на фронт	649-й авиаполк ночных бомбардировщиков
21 мая	в Ульяновский флотский экипаж	180 девушек, из них: Кировский райвоенкомат - 80 человек, Дзержинский - 60, Кагановический - 40.
27 июля	на фронт	34-й авиаполк
24 декабря	на фронт	140-й отдельный батальон связи
30 декабря	в Москву	учебный полигон Высшей воздушной академии им. К. Е. Ворошилова
1 января	в Балашов	эвакогоспиталь № 412

Красная Армия постоянно нуждалась в новом пополнении, и поэтому женщины заменяли мужчин там, где это было возможно. В апреле 1942 года поступил приказ из Центра направить десять женщин в Хабаровское краевое управление связи. Приказ был выполнен. Подготовленных связисток отправляли и в районы боевых действий. Так, 90 человек пополнили ряды защитников Волховского фронта, 106 женщин готовились туда ехать, 94 человека были направлены в радиополк, расположенный в Горьком. В это же время по мобилизации под Сталинград из Дзержинского района Оренбурга отправили 200 девушек-комсомолок, из Кагановического - 150, из Кировского - 195.

29 июля 1942 года Кировский райвоенкомат для службы на Дальнем Востоке мобилизовал 300 девушек, Кагановический - 200, Дзержинский - 300. Поток людей на фронт не ослабевал. Сроки подготовки к военным действиям были самые сжатые. Так, в 1943 году 13-я запасная стрелковая дивизия ежемесячно отправляла на фронт 15 стрелковых рот, 6 пулеметных, 2 роты

истребителей танков, 5 минометных рот, 4 батареи 45-миллиметровых пушек и 120-миллиметровых минометов, роту тылового обслуживания.

Подготовленные в городе офицеры и бойцы участвовали в битве за Москву, били врага под Сталинградом, мужественно сражались на Курской дуге, освобождали от фашистов территорию СССР и страны Восточной Европы. Славный боевой путь прошла, например, 360-я стрелковая дивизия. В декабре 1941 года она заняла оборону на Волоколамском шоссе, сменив знаменитую Панфиловскую дивизию. В боях по защите столицы командиры и рядовые бойцы дивизии проявили бесстрашие и мужество. Ветераны с гордостью носят медали "За оборону Москвы".

В дальнейшем дивизия была включена в состав 4-й ударной армии и сражалась на Калининском фронте. Она освобождала от фашистов города Пено, Андреаполь, Торопец. В боях за город Невель "воины 360-й стрелковой дивизии отмечалось в приказе Верховного Главнокомандующего, - проявили массовый героизм и высокое боевое мастерство". Дивизия получила наименование "Невельская".

3 сентября 1942 года командование дивизии обратилось к руководству Оренбургской области с письмом, в котором просило "некоторое количество людей на пополнение..." Вскоре в дивизию прибыло 250 девушек-добровольцев.

Дивизия с боями прошла более 850 километров и закончила свой путь в составе Первого Прибалтийского фронта, освободив город Тукум в Латвии. За период с декабря 1941 года по 9 мая 1945 года она освободила 1500 населенных пунктов. В ходе сражений немало оренбуржцев осталось на полях сражений в Московской, Калининской (ныне Тверской), Псковской областях, в Белоруссии и Латвии. Сотни командиров и бойцов награждены боевыми орденами и медалями.

Долгим и трудным был боевой путь и 11-й кавалерийской дивизии. Боевое крещение личный состав ее получил в Подмоскowie в составе 7-го кавкорпуса. Затем бойцы воевали на территории Смоленской и Калининской областей, в Белоруссии, на Украине, а также освобождали Польшу и Чехословакию.

Серьезным испытанием для личного состава дивизии были бои за город Валуйки. Генерал армии М. И. Казаков в своей книге "Над картой былых сражений" так описывает 101 бой: "Ошеломив противника залпом "катюш", 11-я кавдивизия атаковала его в конном строю. Случилось это в яркий солнечный день. Кавалеристы неслись по снежному полю в своих черных бурках с развевающимися башлыками. Блеск клинков, крики "ура", скачущие лошади - все это окончательно деморализовало гитлеровцев. В непродолжительном сражении противник потерял более 1500 человек. Началась массовая сдача в плен".

За проявленный в этом сражении героизм дивизии было присвоено звание гвардейской. Она стала именоваться 8-й гвардейской имени Ф. И. Морозова дивизией, получила орден Красного Знамени.

Серьезный бой выдержала дивизия при освобождении районного центра Волоконовка. Здесь совершил свой бессмертный подвиг Т. П. Курочкин, уроженец села Колычеве Шарлыкского района, закрывший своим телом амбразуру дзота, ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Благодарные жители Волоконовки назвали одну из улиц своего села его именем.

Полки 8-й гвардейской кавдивизии отличились в боях с немецко-фашистскими войсками в районах Харькова, Львова, Броды, Ровно. Конники оттеснили фашистов и ворвались на окраину Ровно, а потом в ожесточенных боях очистили от врага весь город. За этот подвиг дивизии было присвоено наименование "Ровенская".

Трудящиеся Ровно писали оренбуржцам - воинам 8-й гвардейской дивизии: "Ваш город дорог ровенчанам тем, что гвардейская кавалерийская имени Морозова дивизия, состоявшая из ваших земляков, 2 февраля 1944 года в кровопролитных боях освободила Ровно от немецких захватчиков".

Дальнейший путь дивизии проходил по территории Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии. Боевой путь ее закончился в Праге.

Мужественно сражались с немецкими оккупантами и воины 211-й стрелковой дивизии. Сформированная весной 1942 года в Оренбурге, она уже в мае вступила в первые бои на территории Орловской области. Но самым трудным испытанием для ее воинов стало знаменитое сражение на Курской дуге, в котором им пришлось принять непосредственное участие. Многие оренбуржцы погибли в этой грандиозной и кровавой битве, но ценой своих жизней они вместе с другими советскими войсками обеспечили полный разгром немецко-фашистской армии. Воины дивизии впоследствии освобождали Украину и Белоруссию, Польшу и Чехословакию. 211-й присвоено наименование "Черниговская", так как она принимала активное участие в освобождении от врага этого украинского города.

Самоотверженно воевали с немецко-фашистскими оккупантами воины и других частей и подразделений, направленных из города на различные фронты Великой Отечественной. Один из них - 617-й авиаполк. Он был сформирован в декабре 1941 года на базе школы пилотов и

вылетел на Калининский фронт, где включился в активные боевые действия. Нередко пилоты делали за ночь по 3-4 вылета. А всего только на Калининском фронте они сделали 1695 боевых вылетов, уничтожив, пять пунктов со штабами, шесть складов с военным имуществом фашистов, до восьми батальонов пехоты, а также много вражеских самолетов. Летом 1942 года летчики полка получили самолеты-штурмовики ИЛ-2 и вылетели в Сталинград, где участвовали в грандиозной Сталинградской битве. Группа штурмовиков полка в районе Гумрака разгромила большую танковую колонну фашистов. Впоследствии полк принимал участие в исторической битве на Курской дуге, в битве за Днепр. В феврале 1944 года полку было присвоено звание гвардейского.

В дальнейшем летчики-гвардейцы освобождали Львов, Яссы, Кишинев, воевали против немцев в Румынии, Югославии, Венгрии. Полк был награжден орденом Суворова III степени. Многие летчики удостоены звания Героев Советского Союза: Б. И. Гарин, И. Н. Алимкин, В. Т. Алексухин и другие, многие награждены орденами Ленина и Красного Знамени.

Мужественно сражались с врагами летчики и других полков, сформированных на базе школы летчиков. Героями Советского Союза стали И. М. Кузнецов, А. В. Хухрин, И. М. Кухарев, Н. В. Максимов, М. К. Нагульян, В. В. Маркин, А. Д. Путин.

Мастерами штурмовых ударов зарекомендовали себя на фронте многие другие выпускники школы летчиков. Так, летчики С. Д. Прутков и Ф. В. Тюленев, участвуя в Сталинградской битве, разработали новый тактический прием боевого использования штурмовиков, так называемый "круг самолетов", когда боевые машины, выходя на цель, перестраивались в круг и один за другим последовательно атаковали объекты. Эффективность бомбежек при этом маневре заметно возросла. Их опыт стал достоянием летчиков других фронтов. Этот тактический прием использовали и пилоты пикирующих бомбардировщиков.

Тринадцать летчиков школы совершили воздушные тараны, среди них была женщина Екатерина Зеленко. Пилот Ю. М. Балабин стал на фронте опытным разведчиком, Героем Советского Союза. Мастером штурмовых ударов был Герой Советского Союза Н. А. Евсюков.

Большую помощь оказала авиация, доставляя партизанам вооружение и боеприпасы, переправляя раненых.

В мае 1942 года выпускник школы летчиков Г. Я. Бахчиванджи первым в мире совершил полет на реактивном самолете.

Всего за годы войны 220 выпускников Оренбургской школы пилотов за мужество и героизм получили высокое звание Героя Советского Союза, а девять человек - И. С. Полбин, Т. Я. Бегельдинов, Л. И. Беда, Е. П. Федоров, И. Ф. Павлов, С. Д. Луганский, А. С. Смирнов, В. Н. Осипов, С. И. Грицевец - стали дважды Героями.

Неувядаемой славой покрыли себя на фронте и многие выпускники зенитно-артиллерийского училища. Они сражались под Москвой, защищали Ленинград, участвовали в Сталинградской битве, в грандиозном сражении под Курском и в последующем наступлении Советской Армии. Бывшие курсанты отважно вели борьбу с самолетами, танками, живой силой фашистов, защищали от налетов вражеской авиации города и железнодорожные узлы.

Примеров мужества и героизма, бывших курсантов училища можно привести много. Вот некоторые из них: храбро дрался с фашистами выпускник училища, уроженец Оренбурга А. А. Брыкин. Батарея старшего лейтенанта А. А. Брыкина в первые дни войны прикрывала полевой аэродром под Новоград-Волынским. Зенитчики отбивали одну атаку за другой. Сбили в этом бою два немецких самолета. Вскоре появились фашистские танки. Завязался тяжелый бой, в ходе которого молодой офицер, заменив смертельно раненного наводчика, лично подбил четыре танка врага. Танковая атака фашистов была отбита. Впоследствии ему с батареей пришлось участвовать в Сталинградской битве, в сражении на Курской дуге, где его зенитная батарея уничтожила 13 самолетов врага. Став командиром зенитного полка, А. А. Брыкин принимал участие в боях под Кировоградом. Его полк первым вступил в польский город Ченстохов. 1360-й Ченстоховский полк зенитной артиллерии успешно обеспечил переправу советских войск через реку Одер, сбив 18 вражеских самолетов и уничтожив 7 танков. Весной 1945 года А. А. Брыкину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Среди отважных зенитчиков, бывших курсантов училища, был и И. П. Сорокин, командир зенитной батареи, участник Курской битвы и форсирования Днепра. Батарея И. П. Сорокина во время боев на Днепровском рубеже сбивала 20 фашистских самолетов. За героические подвиги, совершенные во время переправы через Днепр, И. П. Сорокин удостоен звания Героя Советского Союза. Звание Героя было присвоено и выпускнику училища В. М. Козлову. В битве на Днепре его батарея уничтожила 13 вражеских самолетов, а также геройски проявила себя в боях на Курской дуге.

Высокое воинское мастерство показал на фронте и старший лейтенант П. С. Бимбаш, вскоре ставший подполковником, командиром зенитно-артиллерийского полка. Были дни, когда его полк сбивал по двенадцать самолетов врага. Заслуги П. С. Бимбаша отмечены многими боевыми орденами и медалями.

Командование фронтовых частей в своих письмах в училище высоко оценивало боевую подготовку его питомцев. Так, командир зенитной части, в которой служил выпускник училища Л. Н. Пушкарев, сообщил: "Заместитель командира 1 батареи старший лейтенант Л.Н. Пушкарев проявил себя стойким и храбрым командиром..."

С 1 ноября во время массовых налетов (до 68 самолетов) авиации противника на трассу Ладожского озера взвод под командованием Л. Пушкарева сбил 12 самолетов врага..."

Мужественными и знающими офицерами зарекомендовал - себя в действующей армии выпускники училища Г. Перминов, П. Я. Устименко, П. М. Пожидаев, И. Жуков, В. Д. Подун, Н. И. Елисеев и многие другие, же самоотверженно сражались с фашистскими оккупантами выпускники танкового и пулеметного училища.

Добрую славу о себе оставили воспитанники военных училищ Оренбурга. Многие из них погибли, защищая свое Отечество. Их имена навсегда останутся в благодарной памяти народа. На их подвигах подрастающие поколения воспитываться в духе верности своей Родине.

Доблестно сражались за свое Отечество и другие оренбургцы. В самом начале войны прославился бывший актер драмтеатра стрелок-радист И. М. Бражников. Блокируя переправу через реку Днестр, он вместе с экипажем сбил три вражеских самолета. За проявленное мужество был удостоен звания Героя Советского Союза.

Немало оренбургцев воевало в партизанских отрядах, многие боролись с фашистами в составе движений Сопротивления на польской, французской, итальянской, греческой земле. В годы войны на всю страну прославился партизанский командир Батя - бывший слушатель Оренбургской совпартшколы Г. М. Линьков. В начале войны Линьков попросил, чтобы его направили в тыл врага, и осенью года в белорусских лесах он создал партизанский отряд, к которому присоединились разрозненные партизанские силы. На счету этого соединения сотни уничтоженных фашистов, много боевой техники, мостов и коммуникаций.

Вскоре партизаны наладили связь с Большой землей, и самолеты по ночам доставляли им вооружение, боеприпасы, продовольствие, а из партизанского лагеря вывозили раненых. В 1942 году соединение Бати переправилось через реку Березину и, укрывшись в лесах Полесья, развернуло широкую диверсионную деятельность. Партизаны взорвали десятки железнодорожных составов с боевой техникой и фашистами. Соединение Бати нанесло ощутимый урон немецкой армии. Г. М. Линькову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Такого же звания удостоен посмертно татарский поэт Муса Джалиль. В годы войны он был политруком в одной из частей 2-й Ударной армии. Попав в окружение, раненый М. Джалиль оказался в плену. В лагере для военнопленных под Берлином он создал подпольную группу, которая не допустила отправки на Восточный фронт легиона "Идель Урал". Легионеры подняли восстание и перешли на сторону советских партизан. Группа Мусы была связана с польскими партизанами. Но гестаповцам удалось узнать о подпольной деятельности Джалиля и его друзей. Все они были арестованы, переведены в Моабитскую тюрьму и по решению фашистского суда приговорены к смерти. Осенью М. Джалиль был казнен. Но Родина не забыла своего поэта и солдата.

Вместе с мужчинами храбро сражались с врагом и оренбургские женщины. Весной 1942 года два эшелона девушек-добровольцев выехали на фронт. Они служили в прожекторных подразделениях, участвовали в исторической Сталинградской битве и последующих наступательных сражениях Советской Армии вплоть до битвы за Берлин.

А сколько медсестер, уроженок Оренбурга, принимали участие в боях, спасая жизни раненым воинам. Многие работали в полевых госпиталях, в эвакопоездах, были шоферами.

Оренбургцы самоотверженно сражались с немецко-фашистскими оккупантами за честь и свободу своей Родины. Многие из них погибли на полях сражений. Их имена навечно высечены на граните около Вечного огня на проспекте Победы. Вечная им Слава!

Время дорисовало летопись тех героических лет, пополнится она новыми сведениями и в последующие годы.

Место эвакуации - Чкалов

Ты в глубоком,
далеком тылу
Стал для фронта
испытанным другом.
А. Коваленков. "Город в степи".

1944 год.

С каждым годом мы все больше удаляемся от тех тяжелейших лет. Уходят годы, но многие события продолжают волновать и сегодня. Одна из страниц истории войны связана со спасением людей и предприятий от цепких лап жестокого врага. Эвакуация велась в спешном порядке. Нужно было не только успеть вывезти оборудование и рабочих, но и поставить

предприятия "на ноги", чтобы они скорее могли служить нуждам фронта. Свидетели той поры помнят, как в Оренбург один за другим прибывали эшелоны.

То был июнь 1941-го.

В конце месяца в городе появились первые эвакуированные. Уставшие, измученные, пережившие вражеские бомбежки, видевшие своими глазами ужасы фашистского наступления, они в деталях рассказывали оренбуржцам о войне.

В самом начале июля в Оренбург прибыли семьи военнослужащих с западной границы. Среди них - семнадцатилетняя Валя Гунцева-Бодягина. Она вспоминает: "Моя мама уже была беженкой в Оренбурге в первую империалистическую войну, поэтому настояла перед комендантом Оренбурга, чтобы нас оставили в этом городе. Эшелон ушел дальше, в Челябинск, а нас разместили в помещении музкомедии, выдали матрацы, талоны на питание, по которым мы ходили в парк "Тополя" и питались там, в летнем ресторане. Нам также давали бесплатные билеты на посещение кинотеатров. Вскоре часть эвакуированных семей (гражданских) направили в разные районы области, а семьи военнослужащих разместили по три-четыре семьи в каждую комнату на Советской, 56, в доме, где жили командиры зенитно-артиллерийского училища. Над нами взяло шефство училище - это оно освободило нам несколько квартир для жилья. Наша семья и еще две семьи из Белоруссии - всего нас собралось десять человек - вселились в комнату в 20 кв. м. Жили мы дружно, нас объединяла одна судьба, делили горе и радость... От квартиры, где мы жили в Перемышле, остались лишь ключи. Отец нашел нас только после войны.

Валентина Ивановна навсегда связала свою судьбу с Оренбургом. В 1941 году она устроилась на курсы телеграфистов при Центральном телеграфе, начала работать телеграфисткой и ушла со своего поста только после выхода на пенсию. На одном месте - сорок беспрерывных лет.

Город в военное время принял тысячи эвакуированных из самых разных районов Украины, Молдавии, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Карелии, многих российских областей: Смоленской, Брянской, Калининской, Воронежской, Курской, Московской, Ленинградской и т. д. Больше всего было женщин и детей. Прибыли представители самых разных профессий, специалисты в области различных направлений народного хозяйства, науки, техники, культуры, образования... На 20 сентября 1941 года в Оренбурге разместились свыше 20 тысяч эвакуированных. А к маю 1942 года их число достигло 75 тысяч³. Для небольшого провинциального города это была большая цифра. (На 17 января 1939 года в Оренбурге насчитывалось 171,7 тысячи жителей.)

Резкое увеличение населения осложнило проблему обеспечения продовольствием. Это вынуждало секретаря Оренбургского обкома партии А. А. Дубровского неоднократно обращаться к руководителям правительства с просьбой о помощи. Уже 1 сентября 1941 года, адресуя письмо Г. М. Маленкову, члену правительства, он ходатайствует о выделении фондов для снабжения эвакуированных организаций и граждан. А в конце того же месяца А. А. Дубровский просит секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева выделить дополнительные фонды на продовольственные товары.

Но остро стояла не только проблема продовольствия. Катастрофически не хватало жилья: на строительство жилых домов типа бараков, полужемлянок и бань в Оренбурге в 1941 году было отпущено 600 тысяч рублей⁵.

Огромную работу по обслуживанию эвакуированных в годы войны провел Оренбургский эвакуационный пункт. Он был создан в соответствии с распоряжением СНК СССР и в связи с чрезвычайной ситуацией, сложившейся на станции Оренбург. В секретной докладной начальник Управления НКВД по Оренбургской области капитан И. В. Бзырин докладывал в обком партии о неимоверной скученности на городском вокзале, что привело к заболеванию детей корью. Плохо обстояло дело с отправкой пассажирских поездов, много детей и женщин располагались под лестницей, на лестнице при входе в гостиницу. В антисанитарной обстановке распространился педикулез. Многие вынуждены были находиться под открытым небом. И это в конце ноября - начале декабря, в лютую стужу.

Сложившееся положение встревожило руководство города и области. В частности, капитан И. В. Бзырин предостерегал: "Не исключена возможность появления эпидемии тифа. Необходимо принять срочные меры к разгрузке вокзала, не допуская в дальнейшем скопления там большого количества эвакуированных".

Решение об открытии эвакуационного облизполком принял 25 декабря 1941 года. В обязанность этого учреждения входило "максимальное обслуживание эвакуированных граждан, не допуская его скопления".

Первая волна эвакуации прошла, начиная с первых дней июля 1941 года, вторая началась летом 1942-го. Работники эвакуационного пункта проверяли эвакуированных граждан в проходящих и прибывающих эшелонах по списку, обеспечивали их хлебом, продуктами, талонами на обед.

Для организованной эвакуации было создано областное управление по эвакуации населения. В состав управления вошли инспекторы по трудоустройству, продвижению эшелонов и по работе эвакуопунктов, по жилищно-бытовому устройству и медицинскому обслуживанию, снабжению эвакуированного населения, по детским учреждениям¹⁰.

Списки эвакуированных присылались из районов и городов области, обрабатывались в Оренбурге в течение пяти дней и поступали в Центральное справочное бюро".

15 января 1942 года было организовано областное справочное бюро и учетное бюро в Оренбурге. На него возложили проведение учета эвакуированных, выдачу устных и письменных справок об их местонахождении, из числа тех, кого разместили на территории Оренбургской области. Бюро работало в две смены - с семи утра до двенадцати ночи.

В июле 1944 года на улице Советской, напротив кинотеатра "Октябрь", установили справочный киоск с платным телефоном "для общего пользования", где тоже можно было получить нужную справку.

Малоизвестным и недостаточно изученным является факт о том, что в годы войны в области находились эвакуированные польские граждане. Значительное число их работало в Оренбурге. В городе практически не было такого предприятия, где бы ни трудились поляки: завод "Автозапчасть", паровозоремонтный, станкостроительный, кирпичный заводы, хлебозавод № 2, стройтрест № 6, ремонтная мастерская ЮЖУРАЛВО, госпитали, театр муз-комедии, филармония, школа № 19 и т. д.¹². К примеру, в Оренбургском строительно-монтажном управлении № 25 работали 53 польских гражданина.

Те, кто мог служить в войсках, вступили в польскую армию Андерса. С 1943 года начался призыв польских мужчин и женщин в польскую дивизию имени Т. Костюшко.

В августе 1943 года Кировский райвоенкомат Оренбурга отправил в дивизию им. Т. Костюшко 37 военнообязанных. Среди них - И. Ф. Рутковский, И. П. Буликовский, В. И. Жиромский, С. А. Гжегожский и др. В этой команде были и польские женщины - В. В. Вишневецкая, М. К. Здаковская, К. Я. Гарус¹⁴.

Материальное положение польского населения, эвакуированного на Урал, было чрезвычайно тяжелым. 21 мая

1943 года СНК СССР принял постановление об их обеспечении¹⁵, а с середины 1943 года в отношении питания и всех других видов снабжения польских граждан в СССР приравнивали к советским¹⁶.

При Народном комиссариате торговли СССР создали Управление особой торговли - "Упрособторг". Оно приняло в свое ведение товарные базы бывшего Польского посольства. База "Упрособторга" существовала в Оренбурге и обслуживала 34150 польских граждан (на 20 июня 1944 года).

После окончания войны польские граждане вернулись в Польшу. Например, в мае 1946 года с эшелонам было отправлено на родину 852 человека.

Не менее напряженно, чем прием эвакуированного населения, шли разгрузка и размещение эвакуированных предприятий¹⁹. Одним из первых в Оренбург из Киева прибыл завод № 245 Главного Управления Гражданского воздушного флота (20 июля 1941 года)²⁰. Для эвакуации предприятию потребовалось 60 вагонов, но киевские городские власти смогли выделить лишь половину. Заводу удалось вывезти 70 процентов оборудования, цветных металлов, инструментов. С ним приехали только 46 рабочих, инженеров, техников. Остальные были призваны в армию, часть мобилизовали на рытье окопов. 5 сентября из Киева дополнительно прибыло еще пять платформ с заводскими материалами. Завод разместили в помещениях артели "Южный Уралец", где каждый метр был использован по назначению.

Продукция завода: подъемники самолета ПС-84, водомаслогрейки, подогревательные лампы АПЛ-1. Уже 31 августа 1941 года самолетом в Москву была отправлена первая партия подогревателей из привезенного задела. В сентябре на заводе работало лишь 45 человек. Это всего 30 процентов потребности.

Руководство Оренбурга постоянно оказывало необходимую поддержку заводу. За два месяца предприятие смогло преодолеть трудности с кадрами. На 25 октября 1941 года на заводе работали 104 рабочих, 26 инженеров и техников, 25 служащих. Дополнительно привлекли 90 человек из ремесленного училища. Однако завод продолжал нуждаться в рабочих разных квалификаций, не доставало 200 рабочих, особенно электросварщиков.

Предприятие наращивало свои мощности постепенно. План в сентябре 1941 года был выполнен на 96 процентов, в октябре - на 101.

Вслед за этим заводом город принял Великолукский паровозоремонтный. К месту назначения удалось доставить почти все оборудование. Эшелоны прибывали с 21 по 29 июля.

Из Витебска была вывезена мебельная фабрика. Эвакуация шла под бомбовыми ударами, но больших разрушений удалось избежать. 25 июля эшелоны были в Оренбурге. Тремя днями позже, 28 июля, из Гомеля, второго по величине промышленного центра Белоруссии, где насчитывалось 42 крупных предприятия, в Оренбург прибыла трикотажная фабрика имени 8-го

Марта. На следующий день в городе велась разгрузка одновременно двух предприятий: великолукского паровозоремонтного завода и артиллерийского завода из Балаклеи Харьковской области. Эшелоны этого второго предприятия прибывали вплоть до середины сентября.

К 14 сентября поступило пятнадцать эшелонов с оборудованием и людьми: 928 рабочих, 336 инженеров и служащих, а также 1300 членов их семей. Трудовой коллектив завода (официально его именовали Государственный артиллерийский ремонтно-опытный завод) разместили в доме, ранее занимаемых ГУЛАГОм НКВД. На завод возложили освоение 82-миллиметровых минометов, планируя в октябре 1941 года выпустить 15 минометов, а в последующие месяцы производить по 50 штук в месяц. Позднее 82-миллиметровые минометы были сняты с производства, и заводу надлежало производить 50-миллиметровые ротные минометы. 3 октября 1941 года начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии генерал-полковник Н. Д. Яковлев информировал оренбургские власти о предстоящих изменениях.

В этой боевой технике нуждался фронт. Она прекрасно проявила себя в боях. Полковник В. Аборенков писал: "Можно привести сотни случаев, когда массированный огонь миномета, прекращая наступление врага, уничтожал его живую силу и обеспечивал нашей пехоте устойчивую оборону занимаемых рубежей".

Возвращаясь к теме размещения эвакуированных предприятий, следует отметить, что столь же напряженными были август и сентябрь 1941 года.

Принятые экстренные меры спасли от врага важнейшее промышленное оборудование и материальные ресурсы Украины. Кроме артиллерийского завода, из Одессы вывезли оборудование "Автозапчасти" Наркомата среднего машиностроения, из Полтавы перебазировали мясокомбинат, из Луганска - завод № 545 Наркомата вооружения, из Днепропетровска - артель "Красный штамповщик". Из Киева после авиационного завода прибыли пивзавод и дрожжевой завод 25, из Харькова - завод медицинской аппаратуры.

Харьковский завод медицинской аппаратуры эвакуировался в Оренбург в ноябре 1941 года. Его разместили во дворе дома по улице Советской, 11. Завод занял помещение электромонтажной мастерской. К лету 1942 года работали механический и сборочный цехи. В Оренбурге завод был оборудован вывезенными из Харькова 35 металлорежущими станками и 4 опытно-шлифовальными станками (13 станков передали заводу № 15)26. Завод выпускал изделия для госпиталей и лечебной сети, с 1942 года был налажен выпуск глазной аппаратуры27.

К концу октября 1941 года, в момент непосредственной угрозы столице, из Москвы и Московской области в глубокий тыл была эвакуирована большая часть оборудования 498 предприятий. Среди них завод сверл, путеремонтный механический завод № 2, шнуроплетельная фабрика № 5, получившие оренбургскую прописку. В студеные ноябрьские дни стали обустраиваться завод масел № 8, отправленный со станции Люберцы и полиграфический комбинат. Ввод в строй некоторых эвакуированных предприятий потребовал более длительного времени и закончился в основном весной 1942 года. На многих предприятиях монтаж задерживался из-за опоздания эшелонов с оборудованием. Так, первый транспорт завода "Фрезер" прибыл из Москвы в Оренбургскую область 17 октября, а второй - только 6 декабря28. Завод сверл эвакуировали из Москвы в октябре 1941 года, как часть цеха сверлзавода "Фрезер" им. М. И. Калинина. При эвакуации предполагалось, что Оренбургский завод сверл станет филиалом завода "Фрезер" и будет обеспечиваться инструментом с основного завода. Это привело к тому, что оренбургский был поставлен в зависимость от московского завода "Фрезер" и Томского инструментального, что в начале войны тормозило работу завода сверл в Оренбурге. Это вынудило руководство области обратиться к члену правительства Г. М. Маленкову, так как завод, обеспечивающий сверлами всю оборонную промышленность СССР, в 1941 и 1942 годах систематически не выполнял план. Руководство области настаивало на создании при заводе своей собственной инструментальной базы.

При введении в строй эвакуированного в Оренбург завода сверл обком ВКП (б) выделил ему через облплан 100 тысяч штук кирпича и тысячу кубометров леса. Постепенно ситуация на заводе изменилась к лучшему. В 1943 году завод сверл завершил месячную программу к 23 апреля, и месячное задание обкома ВКП (б) по выпуску запасных тракторных частей выполнил к этому времени на 108,8 процента29.

Легкую промышленность города дополнили текстильные предприятия, которые позже стали Оренбургским шелкокомбинатом: это были части комбината "Красная Роза" и фабрика им. М. Горького из Москвы, фабрики имени Карпова из Павлова-Посада Московской области, имени Красной Армии и Флота со станции Софрино Северной железной дороги и "Молот и Серп" со станции Хорлово30.

План размещения текстильных фабрик утвердил Наркомат текстильной промышленности 14 января 1942 года. Неделю спустя этот вопрос рассматривали на совещании при секретариате легкой и пищевой промышленности Оренбургского обкома ВКП (б), где были внесены некоторые

коррективы. Чтобы сохранить эвакуированные предприятия и не дробить их оборудование, Карповскую шелкоткацкую фабрику разместили на Зеленом базаре в одноэтажных зданиях. На предназначенном для фабрики им. Карпова Гостином дворе решили расположить московскую шелкоткацкую фабрику "Красная Роза". Ржевская фабрика и часть московской фабрики им. М. Горького въехали в гараж облсвязи в Тупом переулке, позднее их переселили в здание мельницы № 7 (бывшая Юрова) в Селивановском переулке.

Текстильные предприятия изготавливали нужную фронту продукцию. "Красная Роза" и Карповская фабрики выпускали парашютные ткани, шелкокрутильная фабрика из Ржева - крученые шелка, предназначенные для изготовления парашютных строп, а также хирургические шелка и артиллерийский шнур.

Ржевская фабрика была пущена в установленный срок и сдана в эксплуатацию 31 января 1942 года. В связи с тем, что в Оренбурге не хватало помещений для эвакуированных предприятий, Наркомат текстильной промышленности вынужден был перебросить оборудование двух фабрик в другие населенные пункты. 120 вагонов с оборудованием фабрики им. Красной Армии и Флота переправили на станцию Толкай Куйбышевской области, а вагоны со станками фабрики "Молот и Серп" направили в Сорочинск, оттуда - на станцию Хорлово.

Много времени и сил ушло на монтаж станков и оборудования. Ведь в Гостином дворе в 1941 году располагались артель "Швейтруд", бакалейный, ювелирный магазины, часовая мастерская, лаборатория НКВД. К 1 августа 1942 года в корпусе по улице Советской смонтировали 18 мотальных машин, из них 12 работали в две смены.

В здании на улице Кирова смонтировали 120 ткацких станков, 230 станков установили в других корпусах.

Предоставленные помещения были непригодны для монтажа и установки оборудования. Требовались большие строительные работы: следовало укрепить перекрытия, заменить деревянные балки. Лес для этих целей заготавливали в Бузулукском бору. Соорудили котельные, водопровод, отопительные системы, канализации, трансформаторные подстанции. Директором строящихся шелковых фабрик назначили В. И. Малеева, заместителем по строительству - Н. П. Шибяева.

На текстильных предприятиях трудились эвакуированные рабочие, инженеры и техники. Некоторые из них так и остались в Оренбурге: П. А. Gladkova, К. Ф. Голубятникова, А. А. Кондратьева, И. Я. Емельянова-Куликова, П. М. Ануприенко, Т. В. Даниловская, М. Муромцева-Дюгаева. В годы войны планово-производственный отдел возглавляла молодой специалист из Ленинграда Е. Н. Барабанова, с трудом эвакуировавшаяся из блокадного города через Ладожское озеро. Вместе с ней работала ее сокурсница Н. В. Гриценко, возглавившая подготовительный цех. Оба руководителя были выпускницами Ленинградского текстильного института.

Как вспоминает Е. Н. Барабанова, "все трудились честно и упорно. Никто не считался ни с чем. Выполняли любую работу, несмотря на ранги, лишь бы скорее запустить станки, лишь бы скорее выдать продукцию. Нужно было таскать на себе тяжелые станины станков в цех для монтажа, и мы, девчонки, таскали... и среди нас лишь один парень - молодой инженер Я. Боренштейн. Через несколько лет он станет главным инженером и директором шелкокомбината.

Когда запустили оборудование, застучали ткацкие станки в три смены, содрогая тишину улиц Советской и Кирова, и стучали круглые сутки много лет. Станки передавались от смены к смене на ходу, они никогда не останавливались". Во время войны на фабрику пришли подростки, которым приходилось работать по 12 часов. Среди них З. С. Думова-Наумова, Т. Ф. Комаров, М. А. Тюриня, Ж. А. Ландышева. Ткачами работали А. А. Бугаева-Пегасина, В. А. Селиванова-Мещерякова, А. И. Быкова, сновальщица Н. И. Обрывкова-Киданова.

Прибывшие с предприятиями работницы жили первое время в зданиях, предоставленных под производственные помещения. Позднее их поселили в общежитии сельскохозяйственного института и в дачи Зауральной рощи. А.И. Быкова, работница фабрики, вспоминает: "Очень трудно было эвакуированным, они болели и голодали больше местных. Одно помню, что всегда хотелось, есть и спать... Брели на работу по кусочку жмыха, если замутит от голода, немного полижешь его, и голод проходит".

П. М. Ануприенко, приехавшая с группой москвичек, свидетельствует: "После нового 1942 года пришло оборудование. Своими силами освобождали под него площади, устанавливали станки. Приехали одетые по московским морозам - в легких полусапожках, туфлях. Бывало, обмотаем поверх обуви всякие тряпки - вот и валенки готовы".

Несмотря на трудности, рабочие и инженеры фабрик взяли на себя значительные расходы, связанные с шефством над госпиталями, помогали фронту и освобожденным районам. Фабрика "Красная Роза" в 1943 году побелила 12 палат в подшефном госпитале, к новому 1944 году отправила в госпиталь 32 кг мяса, 13 кг муки, 6,5 кг жиров, выстирали пять тонн фронтowego белья.

Опорой, костяком производственных коллективов были старые кадровые рабочие, имевшие высокую производственную квалификацию, большой жизненный опыт.

В июле 1942 года Карповская фабрика выпустила 14201 тысячу метров ткани, что составило 115 процентов к плану, фабрика "Красная Роза" - 20 892 тысячи метров.

Работники текстильных фабрик делали все, чтобы обеспечить Красную Армию и население страны своей продукцией. Наиболее высокие результаты были достигнуты в 1944 году. А в 1945 году уровень производства был еще выше.

Среди эвакуированных предприятий в городе работало несколько заводов из Ленинграда. На базе Оренбургского ликероводочного завода разместилось оборудование двух заводов "Стандарта" и 358-го Наркомата боеприпасов. Новое производственное объединение назвали бумажно-картонажной фабрикой (в Оренбурге это предприятие было известно как завод № 14).

Ленинградская фабрика "Стандарт" была единственным предприятием, изготавливающим флегматизаторы для зенитной наземной и морской артиллерии. В Оренбург направили два основных агрегата. Оборудование разместили в цехе ликероводочного завода, а также в складе готовой продукции и на первом этаже клуба.

Завод возглавлял Владимир Сафронович Трегубов, главным инженером был Владимир Михайлович Трабский.

Четырнадцатый был пущен в 1941 году. Уже в 1942 году перед коллективом поставили задачу выпустить 36 миллионов штук флегматизаторов. За первое полугодие 1943 года план по валовой продукции был выполнен на 119 процентов, а цеха № 2 - на 131,2 процента³⁷. Среди лучших были Н. А. Мавлеева, сестры Верейкины - Анна и Полина, М. С. Буркина, Е. В. Ермошина, Н. Ф. Релина и другие.

Небольшой листок удостоверения - свидетельство той поры - сохранила в домашнем архиве Т. М. Пронина: "Товарищ Пронина работала на заводе № 14 с начала его основания. Товарищ Пронина выполняла порученные ей работы на "отлично", выполняя норму выработки свыше 200 процентов. За хорошую работу неоднократно премирована".

М. С. Яковлева вспоминает: "1942 год - самый тяжелый. Неутешительные вести с фронта. Совсем плохо с продовольствием. Всегда хочется, есть (это, правда, все годы), холод в наших домах. Зимы всю войну были жестокие".

С первых дней работы в Оренбурге заводской коллектив оказывал всестороннюю помощь фронту. К ноябрьским праздникам 1941 года отправили посылку стоимостью 2800 рублей, а к Новому году - еще двести посылок. Оборудовали четыре палаты в подшефном госпитале, подготовили для раненых шахматные доски и гитары. Тринадцать комсомолок постоянно проводили беседы с ранеными, читали им газеты, писали письма.

В декабре 1941 года рабочий коллектив провел подписку на заем, охватив 205 человек на сумму 20 245 рублей. На денежно-вещевую лотерею подписались 302 человека, а всего на заводе в декабре 1941 года работало 408 рабочих и служащих. Работницы завода стирали белье для фронтовиков и делали это после трудовой смены. Рабочие сознательно шли на жертвы и лишения, отдавая личные сбережения, самоотверженно трудились ради Победы.

Географию городов, эвакуированных заводов и фабрик в Оренбург, пополнили Курск, из которого были приняты три предприятия легкой промышленности, Таганрог, направивший заводы "Металлист" и № 172, Ельцы Орловской области - станкостроительный завод.

Не все перебазированные предприятия размещались в Оренбурге, некоторые направлялись по другим адресам. Часть оборудования Киевского пивзавода была передана в Акбулак, часть разместилась на Оренбургском пивзаводе. Из 269 станков Великолукского паровозоремонтного завода 23 станка передали другим заводам по распоряжению Наркомата. На базе Витебской мебельной фабрики был образован деревообделочный цех авиазавода.

Собираясь в дальний путь, люди старались спасти как можно больше оборудования. Не всегда это удавалось. Курская швейная фабрика перевезла 340 станков, Гомельская трикотажная - 368, фабрика "Красная Роза" - 750, завод № 545 - 865 станков и 5 прессов. Шнуроплетельная фабрика отправила из Москвы 9 вагонов с оборудованием и техникой, Киевский завод № 245 - 35 вагонов.

С заводами эвакуировались рабочие, служащие, инженерно-технические работники и члены их семей. Так, с авиазаводом № 47 из Ленинграда приехали 1700 человек, с Ленинградским танковым заводом № 174 - 3466, из них рабочих - 2384, с Великолукским паровозоремонтным заводом прибыло 4558 человек. Завод № 545 смог вывезти только 671 человека.

Все это скупые свидетельства того тяжелого и героического времени. За каждой цифрой стоят невероятные усилия людей мужественных, не сомневающихся в победе, веривших в скорый конец войны. Но ее обугленные тропы еще долго доносили подробности свинцовой беды в уральский город. И первые вещественные свидетельства жутких реалий - выжженный, порывавший брезент, прикрывавший драгоценный груз, который скоро оживет, и будет приближать победный час.

Прием, монтаж оборудования и пуск эвакуированных заводов были исключительно сложным и трудным делом. Только разгрузка и доставка на отведенные площадки в осеннюю погоду, в суровый мороз стоили огромных усилий. Разгружали вручную. Готовых производственных площадей не хватало. Станки и машины приходилось размещать в недостроенных корпусах промышленных объектов, в гаражах, складах, торговых помещениях, а иногда в учебных заведениях и клубах. Теперь об этом свидетельствуют пожелтевшие страницы архивных документов да мемориальные доски. Завод "Металлист" разместился на производственных площадях горпромкомбината, завод № 545 - в корпусах сельскохозяйственного института, завод "Автозапчасть" занял недостроенные помещения кондитерского комбината им. В. П. Чкалова и территорию завода им. С. М. Кирова.

За пятьдесят послевоенных лет все привыкли к тому, что в городе работает завод сверл, и мало кто помнит, что это тоже предприятие-переселенец, которое разместилось на территории тогдашней автоколонны № 2, на площадках авиамастерских к пуску готовился завод № 4745. Но для его полного размещения потребовались и территория мебельной фабрики, и ангар авиаучилища. Нефтемаслозавод им. Кошкина поселился на кирпичном заводе в поселке Берды, Московский путеремонтный механический завод № 2 - на заводе "Красный партизан", Ленинградский завод № 174 потеснил Оренбургский паровозоремонтный завод, позднее сюда же прибыли Великолукский, Воронежский и Луганский паровозоремонтные заводы.

Станкозавод им. С. М. Кирова из Витебской области разместился на родственном Оренбургском станкозаводе, аналогично поступили и с Полтавским мясокомбинатом. Трикотажная фабрика из Гомеля заняла помещение фабрики им. 1-го Мая, склады шорно-седельной и швейной фабрик, Днепропетровскую швейную артель "18 лет Октября" передали артели "Швейтруд".

Полтора-два месяца понадобилось, чтобы подготовиться к выпуску продукции. Так, для ввода в действие завода № 545 потребовалось полтора месяца, ПВРЗ начал давать продукцию через пять недель. Другие прибывшие предприятия тоже не медлили с введением в строй. В сентябре 1941 года начал давать продукцию киевский завод № 245, в ноябре - завод "Автозапчасть".

Оренбургский горсовет проводил большую работу по приему и восстановлению эвакуированных предприятий, обеспечению их рабочей силой и необходимыми материалами. Круглые сутки монтировались заводы. Всю ночь на их территориях пылали огни, люди забывали о сне, пище, отдыхе. Работали по двенадцать-четырнадцать часов подряд, а иногда целыми сутками не уходили домой.

"Условия работы были очень тяжелыми пишет в своих воспоминаниях Е. М. Яценко из Луганска, эвакуированная в 1941 году вместе с заводом № 545.- Помещение для работы было так мало приспособлено: теснота, тяжелый воздух от вырабатываемой продукции. В большинстве случаев преобладал ручной труд. Работали, невзирая на возраст без выходных дней, отпусков, даже перерыва на обед и прочих хотя бы малых благ".

К июлю 1943 года по восстановлению эвакуированной промышленности было проведено 56 воскресников, где принимали участие двести тысяч комсомольцев и молодежи".

На промышленных предприятиях города не хватало рабочей силы. Поэтому по мобилизации на заводы направлялась сельская молодежь, использовался труд жителей Средней Азии, привлекались военнопленные. В 1945 году на станкостроительном заводе работало 500 военнопленных, на авиационном заводе № 47 - 600, на паровозоремонтном - 100047. Военнопленные трудились на заводах им. С. М. Кирова и "Автозапчасть". В октябре 1945 года на работах в драмтеатре было занято не менее 170 человек ежедневно⁴⁸.

По решению Оренбургского горкома партии на строительство клуба паровозоремонтного завода в сентябре 1945 года ежедневно выделялось по 60 человек военнопленных⁴⁹.

В Оренбурге немецкие военнопленные выстроили здание Дома Советов (областной администрации), в отделке драматического театра принимали участие японские военнопленные, на заводе "Автозапчасть" работали итальянцы.

Доцент Московской юридической академии Г. В. Малютин вспоминает рассказы своего деда Л. И. Малютина, жившего в Оренбурге в годы войны: "Так уж устроен русский человек. Глядя на немецких военнопленных, среди которых были и австрийцы, чувство ненависти отодвигалось куда-то в сторону. Люди передавали им куски хлеба, и что особенно было ценным для них, - курево". У этого пожилого человека погиб, защищая Ленинград, сын, и он, тем не менее, не раз передавал работающим в центре города военнопленным продукты⁵⁰. Милосердие не знает границ.

Военнопленные продолжали работать и в послевоенное время. Так, в декабре 1947 года на заводе им. С. М. Кирова они отработали 2262 человеко-дня⁵¹, в январе 1948 года - 391452.

Рабочие руки были очень нужны.

В первые месяцы военных действий в Оренбурге был налажен выпуск минометов, мин, гранат, патронов, парашютной ткани и другой военной продукции⁵³. Уже в октябре 1941 года

тринадцать предприятий полностью приступили к выполнению военных заказов, а двенадцать выполняли их частично.

Коллективы заводов освоили серийное производство вооружения и боеприпасов 54. Необходимую фронтную продукцию - танки и снаряды - выпускал завод № 174 им. К. Е. Ворошилова⁵⁵. Еще в первой половине 30-х годов при активной поддержке С. М. Кирова и заместителя Наркома обороны М. Н. Тухачевского в опытно-конструкторских машиностроительных отделах этого завода велись работы по созданию самоходных артиллерийских установок (САУ) для механизированных и моторизованных соединений Красной Армии.

В Оренбурге завод № 174 выпускал танк-50. Корпуса и башни поступали из Саратова, моторы поставлял Челябинский тракторный завод, радиаторы привозили из Троицка. В одном из цехов паровозоремонтного завода изготавливали 122-миллиметровые снаряды, в другом цехе - взрывчатые вещества⁵⁶.

На станции Донгузской, по распоряжению Главного артиллерийского управления, разместился ремонтно-артиллерийский завод № 257. Ему были переданы оружейно-ремонтные мастерские полигона при станции Донгузская, а также Первомайский поселок и шесть домов в поселке полигона. Завод производил минометы, нашедшие широкое применение в Великую Отечественную войну. К началу войны Красная Армия имела первоклассное минометное вооружение. В 1943 году минометы составляли более половины артиллерийских средств.

Завод № 545 снабжал фронт утяжеленными винтовочными патронами. Уже в декабре 1941 года он выпустил 307 тысяч штук.

Артель "Красный штамповщик" из Днепропетровска освоила производство гранат.

Большие усилия предпринимались для того, чтобы переключить предприятия станкостроения, общего машиностроения, местной промышленности на выпуск боеприпасов. И это было необходимо, ведь в начале войны из строя вышло 303 завода, изготавливавших боеприпасы.

Завод "Автозапчасть" производил минные взрыватели, Оренбургский ликероводочный завод освоил производство флегматизаторов к 37-, 57-, 76- и 85-миллиметровым выстрелам⁵⁸, Оренбургский шелкоткацкий комбинат начал производство ткани для парашютов, завод им. С. М. Кирова - корпуса для мин.

Намеченные сроки восстановления не всегда выдерживались, так как не все оборудование удалось вывезти. Положение усугублялось нехваткой рабочих рук, кадров инженерно-технического персонала и материальных ресурсов. Но трудности военного времени не сломили волю рабочих. Благодаря самоотверженности и мужеству эвакуированные вместе с оренбуржцами делали все, чтобы в кратчайший срок пустить предприятия в строй.

На эвакуированных заводах работали высококвалифицированные специалисты. На заводе № 174 цехи возглавляли ленинградцы Г. П. Леонтьев, А. В. Вьючков, И. З. Брудный, П. К. Казарин, на заводе "Автозапчасть" отличились наладчик К. М. Устименко, П. И. Шаргородский, А. М. Рывчин, на заводе № 545 - мастер Ленец, инженер Баскин.

Возрожденные на новых местах заводы вместе с ранее существовавшими намного увеличили производительные мощности города. Немецкий военный историк Типпельскирх вынужден был признать: "Вновь созданная по ту сторону Урала, перебазирующаяся туда военная промышленность работала на полную мощность и позволяла обеспечить армию достаточным количеством артиллерии, танков и боеприпасов".

Рассказывая о работе эвакуированных предприятий, нельзя оставить без внимания деятельность местной промышленности в годы Великой Отечественной войны. Наиболее крупными были заводы: паровозоремонтный, им. С. М. Кирова, лесопильный, комбикормовый (второй по мощности в СССР), три мелькрупзавода. Менее крупными предприятиями являлись обозостроительный, шпалопропиточный, кожевенный, маслобойный, три кирпичных, спиртоводочный заводы, мясокормбинат, фабрики: швейная, шорно-седельная, пуховых платков и другие. В составе кустарно-промысловой кооперации находились заводы "Южный Уралец", мыловаренный, огнеупорного кирпича, пимокатный и т. д.⁵⁹

Среди оренбургских заводов в годы войны выделялся механический завод им. С. М. Кирова. Для фронта выпускались цилиндры 82-миллиметровых мин и тракторные запчасти. Только за первую половину 1943 года было изготовлено 222500 штук корпусов 82-миллиметровых мин. К сентябрю того же года эта цифра достигла 297 500 штук.

В продукции механического фронт очень нуждался. Когда в начале 1943 года на заводе выпуск оборонной продукции прекратился в силу создавшихся обстоятельств, приказом наркома Л. П. Берии предприятие в короткий срок обеспечили всем необходимым для минного производства.

В 1945 году завод им. С. М. Кирова перешел на производство деталей к тракторам, выпуск продукции оборонного значения уменьшился. В год окончания войны предприятие из месяца в месяц выполняло план по изготовлению запасных частей, заводской коллектив

работал более ритмично. В 1945 году он девять раз занимал передовые места во Всесоюзном социалистическом соревновании по Наркомату среднего машиностроения СССР. Десятки рабочих завоевывали звания лучших. Передовики завода выполняли по две-три, а то и четыре нормы. Токари Пиотровская и Иванова подняли норму выработки до 200 процентов, шлифовальщица Любавина - до 250, формовщица Громова - до 350, стерженьщица Адамовская, токарь Сухомлин - до 400-500 процентов. Формовщица литейного цеха Громова и старый кадровый литейщик Федотов за свой плодотворный труд были награждены орденом "Знак Почета".

В начале 1944 года при выпуске оборонной продукции на заводе было создано 16 комсомольско-молодежных бригад, в которых работало 130 человек. В 1945 году их количество уменьшилось до десяти, а лучшей комсомольско-молодежной была бригада Громова.

Движение комсомольско-молодежных бригад поднялось на новую ступень, повысился организационный уровень их деятельности, стали еще более эффективными результаты работы. Во всех цехах ежедневно на доске показателей записывались нормы выработки каждого. Общественное признание и высокая оценка труда еще выше поднимали значение социалистического соревнования.

На заводе уделялось большое внимание вопросам механизации трудоемких работ, внедрялись различные новшества. В литейном цехе, по предложению Ковалькова и Гаршина, переделали вагранки, что дало возможность получить больше жидкого металла; были установлены усовершенствования для транспортировки в механическом цехе. В 1945 году завод почти своими силами выстроил железнодорожную ветку на своей территории.

Руководство завода в сложное военное время старалось помочь рабочим. В 1945 году среди них распределили 8240 м мануфактуры, 2209 пар обуви (валенки, ботинки), 1370 платьев. Для улучшения питания рабочему коллективу из подсобного хозяйства ОРСа выделили через столовую 5 центнеров крупы, 15 центнеров мяса и другие продукты. Рабочих снабжали топливом. Отдел рабочего снабжения завода имел свое хозяйство. В 1945 году он получил богатый урожай на зерновом участке - в среднем 12 центнеров с гектара.

Оренбургский паровозоремонтный завод, кроме ремонта паровозов различных серий, производил военную продукцию - 122-миллиметровые снаряды (цех № 17) и корпуса снарядов для "катюш" (цех № 18).

Шорно-седельная фабрика изготовила 23,5 тысячи седел для кавалерийских частей. В отчете горкома партии за май 1943 года об этой фабрике, в частности, говорилось: "Ассортимент военного заказа выполнен по всем главнейшим видам: по парной артиллерийской амуниции - на 159,3, по обозной пароконной упряжке - на 130,2, по основной одноконной - на 166,6, по седлам кавалерийским - на 300 процентов".

Из Оренбургского маслозавода в июле 1941 года на войну ушли 29 рабочих. Но срывов в работе не было, их быстро заменили новыми.

К концу лета 1941 года на фронте сражались уже 96 рабочих маслозавода⁶⁴. Производительность труда была высокой, вся продукция шла без брака, из 128 рабочих завода 107 стали стахановцами. Первое место по производительности труда занимала смена Солонченко. Лучшими рабочими смены по праву считались Мягкова, Хлебников, Жигалина и другие. В 1943 году на заводе работало 265 человек, из них 184 женщины.

В годы войны завод, как и в довоенное время, выпускал хлопковое техническое масло, хлопковый жмых⁶⁵. В 1942 году построили цех по варке хозяйственного мыла, но план по выпуску продукции не выполнялся из-за нехватки каустической соды⁶⁶. С 1943 года завод приступил к выработке рафинированного масла (для самолетов), подсолнечного, конопляного, льняного, кунжутного, горчичного масел. С изменением состава сырья пришлось вводить новые цеха.

На протяжении всей войны работали по двенадцать часов. Лучшие рабочие Ф. Таланин, А. Н. Яковлев выполняли норму на 300 процентов, А. С. Мягкова овладела всеми профессиями маслобойного производства.

В военную пору в Оренбурге изготавливался важнейший вид обуви - валенки. За 1941 - 1945 годы сапоговаляльная фабрика выпустила 311 265 валенок. Отличились на работе З. Кондашкова, А. Ионова, А. Кобелева. Они ежедневно перевыполняли свои нормы.

Недостаток продовольствия заставил серьезное внимание уделить пищевой промышленности. Расширил объемы производства Оренбургский мясокомбинат. Он начал строить холодильник мощностью, в 12 раз превышающей действующий. В предприятие влились эвакуированный Полтавский мясокомбинат и Харьковская фабрика мороженого.

В военное время продукция мясокомбината была разнообразной: мясо всех видов, колбасные изделия, пищевые жиры, мороженое, хозяйственное мыло, пуговицы, расчески. Начиная с первых месяцев войны, комбинат выпускал в основном продукцию для фронта. Так, 17 июля 1941 года было получено задание, изготовить 30 тысяч бочек и засолить 25 тысяч тонн мяса.

В 1941 году норму на 200 процентов выполняло 12 рабочих комбината, 16 человек совмещали профессии. Лучшими работниками являлись: В. Захаров, А. Ноздрина, М. Клокова, П. Суюндуков и другие. Всего рабочих в апреле 1942 года насчитывалось 275 человек, к 1943 году их количество увеличилось до 333, из них 143 человека были передовиками производства.

В 1943 году на комбинате начался выпуск лечебных препаратов, для чего был организован цех, действовал и филиал при эвакуированном Бактериологическом институте по выпуску питательных сред из продукции, ранее не использовавшейся, что сократило расходы мяса.

Комбинат выпускал гематоген, печеночный экстракт и другие препараты. В мае 1943 года цех лечебных препаратов выполнил план на 541 процент, в июне 1943 года - более чем на 1791.

Рабочие коллективы г. Оренбурга трудились с полной отдачей. Еще в начале войны возникло движение: "Работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт!" Это была инициатива комсомольцев Горького (ныне Нижний Новгород), получившая название движение двухсотников, выполнявших норму на 100 и более процентов. Позже оно переросло в движение двухсотников, трехсотников, пятисотников, тысячников. В июле 1943 года по городу насчитывалось 5882 стахановца, 3511 двухсотников, 2951 трехсотник, 936 многосотников, 65 тысячников. На предприятиях города создали 269 комсомольско-молодежных бригад, из них 93 - фронтовых.

Оренбургская промышленность в военное время непрерывно выпускала вооружение и боевую технику. Объединенные единой волей, единым порывом оренбуржцы героическим трудом приближали День Победы. Небольшой провинциальный город, потеснившись, гостеприимно принял десятки предприятий, учреждений, тысячи людей, бежавших от огненного шквала войны.

Мины для фронта

Дело доходило до того, что каждый раз, когда нас вызывали в Ставку, мы буквально выпрашивали у Верховного Главнокомандующего противотанковые орудия, минимальное количество снарядов и мин.

Маршал Г. К. Жуков

Современный Оренбург представлен крупными промышленными предприятиями, большинство из которых появилось здесь в начале войны. Среди них Одесский завод "Автозапчасть" Наркомата среднего машиностроения.

Эвакуация его завершилась 12 августа 1941 года¹. В одном из московских архивов найдена "Докладная записка о ходе эвакуации заводов "Глававтотрактородеталь", в которой приведены некоторые подробности эвакуации "Автозапчасти".

Начальником первого эшелона назначили руководителя спецотдела А. И. Лигермана, второго - главного инженера И. П. Флиорента, третьего - начальника планового отдела - Финкельсона, четвертого - директора завода А. А. Саблина. Общее руководство по эвакуации поручили А. И. Лигерману.

Детали эвакуации сохранились в памяти заводских ветеранов. Она проходила в два этапа. Первый эшелон отправился в путь 2 августа, второй - 9-го. Эшелоны перевозили на судах и перегружали их в Новороссийске и Мариуполе. Из Одессы перевезли 204 металлообрабатывающих станка, 7 прессов, 8 формовочных машин, тонны бронзы, чугуна, инструменты и другое имущество завода. Из Новороссийска и Мариуполя эшелоны по железной дороге направили в Оренбург.

Каждый эшелон формировался по принципу замкнутого технологического процесса с тем, чтобы перевезенное оборудование можно было использовать в самостоятельном цехе. 25 августа 1941 года из Оренбурга передали в Центр: "Завод "Автозапчасть"... находится в пути, и для размещения предприятия готовятся помещения".

Оборудование завода приходило по частям. Первая партия поступила 26 августа, вторая - 31-го. Третий эшелон пришел 2 сентября. Двумя днями позже разгрузили еще три вагона. Позднее на Урал перебазировали дополнительно пятьдесят станков, материал для спецпроизводства и 50 рабочих. А раньше приехало 35 человек. Надо сказать, что руководство предприятия настолько продумало и четко организовало эвакуацию, что для пуска предприятия не потребовалось дополнительного оборудования со стороны. Но какой ценой все это досталось - погибшие черноморцы при транспортировке демонтированного имущества морским путем, сбитые летчики, прикрывавшие эшелоны от немецких стервятников.

Заводу предоставили недостроенные помещения бывшего кондитерского комбината. Пуск его назначили на 1 ноября 1941 года. Предприятию нужно было много квалифицированной рабочей силы. Срочно предстояло наладить технологию производства, обеспечить его электроэнергией, сырьем. Об остром недостатке кадров свидетельствует такой факт: Оренбургский горком партии обязался выделить заводу двести человек, а удалось направить

только десять. Кадры были нарасхват: область приняла десятки эвакуированных предприятий, многие из которых уже начали выпускать оборонную продукцию. В октябре 1941 года на "Автозапчасти" вместо 450 рабочих работало лишь 172.

Дни и ночи шел монтаж завода. Сильно похолодало: когда было неважно, согревались у костров. Иногда люди сутками не уходили домой. Задача была предельно ясна. "На новую строительную площадку, - вспоминает участник тех событий - непрерывно... шло оборудование, его надо было установить, привести в рабочее состояние и пустить в действие, чтобы дать продукцию фронту. Не зная отдыха, рабочие всех квалификаций, инженеры и техники во главе с директором выполняли любое задание".

При ограниченном материально-техническом снабжении, нехватке квалифицированных кадров восстановление и налаживание сложного и трудоемкого производства шло с большим трудом. И все же в сжатые сроки ключевая задача - ввод в действие эвакуированного предприятия - была решена. Люди проявляли умение быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты. В экстремальных условиях эвакуации потери всегда неизбежны. Если перед войной числилось 396 единиц разного оборудования, то после эвакуации в октябре насчитывалось 2776; 26 единиц передали другим оренбургским заводам, в основном заводу им. С. М. Кирова, а восемь еще находилось в пути. Выпускать продукцию предприятие начало с октября 1941 года, в декабре было подготовлено и отгружено автотракторных запчастей на 150,4 тысячи рублей по десяти позициям.

Из продукции, необходимой фронту, завод выпускал взрыватели для мин 8. Уже в сентябре 1941 года он получил задание на их выпуск. Корпуса для 82-миллиметровых мин изготавливал Оренбургский завод им. С. М. Кирова.

Производство "Автозапчасти" налаживалось в предельно сжатые сроки. Некоторые станки начали действовать под открытым небом. У рабочих, которые стояли у станков в помещении, тоже мерзли руки. Для отопления использовались временки из пустых железных бочек. Горячую воду для технологических нужд подавал старый паровоз, что стоял на заводских путях. Строительство, как и само налаживание производства, велось в основном эвакуированным персоналом.

К 1 января 1942 года на вновь отстроенных производственных площадях смонтировали инструментальный, механический со штамповочным отделением, ремонтный цехи; гальванический цех работал на территории завода им. С. М. Кирова.

Жизнь полностью подчинилась законам военного времени, выходные дни давали не чаще чем два раза в месяц. Отпусков не было. Работали в две смены. Были введены обязательные сверхурочные, разрешено применение труда подростков и женщин. Запрещался самовольный уход рабочих с предприятия. Понимая всю тяжесть опасности, нависшей над страной, люди отдавали свои силы главному - интересам фронта.

В мае 1942 года газета "Чкаловская коммуна" писала: "Можно ли, например, представить себе задачу более сложную и трудную, чем перевезти из фронтовой зоны в глубь страны первоклассный завод, восстановить его на новом месте, наладить выпуск продукции для фронта и, не считаясь с перерывом, выполнить увеличенную программу производства необходимой для Красной Армии продукции".

Поистине титанические усилия требовались от рабочих. Голодные, похудевшие, усталые, взялись за дело с энтузиазмом, который ничто не могло подавить. Трудно перечислить имена всех, кто составил славу завода. Это Ю. А. Гербеков, Е. В. Симинюта, А. С. Петроченко, И. Л. Зильберминц, А. М. Рывчин, А. Б. Речевский, С. В. Плятва, К. М. Устищенко, Х. Б. Рабкин, М. И. Павлов, В. М. Давыдова, В. Н. Погуляев, Г. Катенев, Н. Н. Петрова и многие другие.

Путь от рабочего до начальника цеха прошел на заводе Abram Михайлович Рывчин. Ему шел в 1941 году тридцать второй год. Нелегкой была его жизнь, как, впрочем, и других его ровесников. Никогда себя не жалел. Один из рабочих отозвался о старом мастере: "Abram Михайлович? О это человек! Душевный. Он с любым рабочим поговорит, что всю душу ему откроешь. Справедливый он, мы его все уважаем".

Наравне с мужчинами работали и женщины. Рабочая А. А. Трофимова освоила в военное время профессию токаря, производственное задание выполняла на 200 - 250 Процентом. Три нормы в смену давала Попович - за себя и своего мужа, ушедшего на фронт.

Среди работавших в войну подростков была и юная Тоня Малыгина, ныне Antonina Матвеевна - пенсионерка. Не раз беседовали мы с ней о трудной военной поре. "Я поступила на завод в 1941 году, когда мне было четырнадцать лет - вспоминает Antonina Матвеевна - При заводе было организовано ФЗУ-10, где с нами записалась мастер производственного обучения Анна Андреевна Трофимова. Нашу группу решили подготовить срочно, и потому обучали прямо на рабочих местах в спец цехе. В то время в нем собирали головки мин. Рабочий день и для нас, подростков, длился двенадцать часов. Все были очень аккуратными и сосредоточенными. И мысли никогда ни у кого да возникало, чтобы отлынивать от работы. Мы изо всех старались выполнить и перевыполнить сменные задания. В цехе были установлены длинные столы,

сделаны стеллажи, на которых сушились лакированные детали, изготовленные нами. Затем их собирали и отправляли на завод им. С. М. Кирова. Эти детали ввинчивались в корпуса мин, изготовленных там".

Война изменила жизнь всех людей, и тех, кто воевал, и тех, кто остался за линией фронта. Мир как будто переместился в другое измерение. Дни были уплотнены до предела, время суток отмеряли сообщениями Совинформбюро, утренними и вечерними. А в сообщениях пока Преобладали вести об ухудшении положения на фронтах, об оставленных городах и населенных пунктах. И. М. Шмидель рассказывал о том периоде, тяжелом для тружеников завода: "Запомнилась Вероника Быкова, работавшая на резьбофрезерном станке. Она нарезает резьбы наиболее ответственной детали. Снег падает на станок, руки, а она стоит в платке, телогрейке, и детали одна за другой выходят готовыми.

В таких условиях работница Позейская тридцать два Часа простояла у станка для наковки пружин".

Многие, пришедшие на завод, не имели опыта работа на промышленном предприятии. Большинство из них быстро освоило производство и достигло больших успехов. Среди них револьверщица Толстых. Она пришла на завод 27 января 1942 года и уже через месяц выполняла норму на двести процентов. В январе 1942 года приступили к работе Горбова и Боброва, в феврале они давали 180 процентов нормы. Люди трудились собранно, по-военному. Каждое правительственное задание, каждый заказ фронта старались выполнять и перевыполнять.

В 1942 году на заводе насчитывалось 1072 человека, из них 852 рабочих. Из общего числа сотрудников завода 588 составляли женщины, 241 были несовершеннолетними п. "Пополнение завода кадрами проходило главным образом за счет привлечения женского труда и подростков, использования трудовых резервов", - указывалось в одном из документов 1942 года.

Тяжелее всего приходилось подросткам. Н. И. Крумгант-Новикова, руководитель одной из фронтовых бригад, рассказывает об одном из эпизодов своей трудовой деятельности: "...и вот в одну из первых ночных смен напряжение меня подвело. Не замечая, как глаза сами собой закрывались, я спокойно задремала. Почти уже смотрела сон, как почувствовала, что кто-то трогает меня за нос. Открываю глаза и вижу передо мной имеющий "нетактичность" появляться в цехах в любое время суток - директор завода А. А. Саблин.

Он сделал страшную мину и спросил: "Ты что, артистка, дремлешь?" А я вижу, что глаза смотрят по-доброму, жалостливо. Да и что можно было потребовать с нас, голодных, неумело работающих по двенадцать часов, а то и по двое суток находившихся на казарменном положении. Но работать старались изо всех сил".

К. И. Колыхалова так вспоминает о той поре: "Питание было скудное: хотя карточки на хлеб мы получали по 800 граммов, но семьи были большие. И из этих 800 граммов мало, что доставалось нам. В это время работала мастером в цехе № 7 Евгения Александровна Таратута. Она была внешне строгой женщиной (иначе в то время и нельзя было"), но на самом деле добрейшей души человек. Так вот, чтобы мы, девчонки, не уснули за работой, которая была монотонной и утомительной, а мы истощены, она в 2-3 часа ночи давала нам испеченные ею лепешки из картофельной кожуры и отрубей, или жмых, или еще что-нибудь из своего пайка. Иначе задремали бы, могло матрицами и прессом оторвать пальцы рук. А если и это не помогало, она заставляла петь песни. Пели разные - и русские народные, и песни советских композиторов. И что характерно, по мере продвижения наших войск к западной границе, песни становились веселее".

Тяготы военного времени, непосильные условия труда на заводе разделили с оренбуржцами рабочие и инженеры с Украины, из Белоруссии, многих российских областей. Здесь работали таджики, мобилизованные на оборонные предприятия России. Их разместили в двух землянках, каждая примерно по шестьдесят коек, вырытых недалеко от завода.

Рабочих рук на заводе не хватало постоянно, поэтому использовали труд военнопленных, среди которых было немало итальянцев. О них в 1942 году Михаил Светлов писал:

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

В военное время советскими войсками в плен было захвачено около 49 тысяч итальянцев. Трудоспособные привлекались к различным работам, в том числе и в Оренбурге.

"Ходили они, всегда молча, соблюдая строгий порядок. Я не видела ни одного случая проявления какой-либо враждебности к ним со стороны рабочих. Наоборот, на пленных смотрели с состраданием, видя в них глубоко несчастных людей, - вспоминает А. М. Мальхина-Дроздова. - Положение итальянских военнопленных было, несомненно, тяжелым. Это нельзя было скрыть от внимания рабочих. Русский человек всегда отличался милосердием. Самим

жилось туго, но старались при случае передать пленным или кусок хлеба, или отваренную картофелину. Иногда пытались общаться". Условия жизни военнопленных были также тяжелыми.

"Можно утверждать, - делал вывод Валдо Зилли, специалист по истории Восточной Европы, - что в тех условиях, в которых находилась страна, нельзя было сделать больше того, что делалось для военнопленных. Их условия жизни были драматическими, поскольку такими они были и для Советского Союза" 16. Архивы МВД показывают, что стоимостное выражение труда военнопленных намного превышало их содержание.

Несомненно, что основная часть работы выполнялась советскими рабочими и инженерно-техническим персоналом. Титанический труд людей был направлен на усиление военного арсенала страны.

Много сил производству отдавал директор завода А. А. Саблин. "Энергия, инициатива командира производства служит примером для всех", - так писала о нем в те дни областная газета. В начале 1942 года А. А. Саблин был награжден орденом "Знак Почета". Этот орден стал признанием трудовых заслуг всего коллектива завода, поощрением за трудовую доблесть, проявленную с первых дней Великой Отечественной. А. А. Саблин был прекрасным организатором, хорошим специалистом и тонким, знающим психологом. А. И. Будников, работавший в то время на заводе, спустя годы так описывал директора: "Помню его открытое мужественное лицо, его решимость во взгляде. Александр Александрович вкладывал в каждое проводимое мероприятие всю свою душу, умело вел тружеников завода от простого к сложному. Его яркое дарование хозяйственника при обсуждении того или иного вопроса бросалось в глаза".

Вспоминает А. И. Будников и о другой значительной личности на заводе - главном инженере И. П. Флиоренте: "Импulsивный, горячий, зачастую неуравновешенный характер директора А. А. Саблина был для сдержанного, "тихого" Флиорента чем-то неприемлемым. Однако крутой нрав А. А. Саблина не мог смутить его душу. Он знал цену себе, своим инженерным знаниям и своему трудолюбию. Его всегда можно было видеть в цехах, беседующим с рабочими, мастерами. Он впитывал в себя, как губка, все замечания, предложения, с тем, чтобы разобраться в их ценности, выяснить предел возможного, все полезное внедрить".

По технологии для гальванического покрытия деталей требовался пар, но его на заводе не было из-за отсутствия котельной. Руководство железной дороги пошло навстречу и выделило один паровоз, который полностью обеспечивал гальванический паром, но не мог обогреть цеха. Н. И. Новикова пишет: "Крыша над цехом была, а вот потолка и пола не было, поэтому в цехе температура зависела от погоды и не отличалась от уличной. И как только наша печка оставалась без внимания, нeгде было обогреть опухшие от холода руки и озябшие ноги. В обеденный перерыв мы кучкой собирались вокруг печки, и было трудно понять, кто кого греет. Расходились чумазые от копоти и дыма, зато не нужно было думать, как теперь говорят, о макияже.

Но, что удивительно, на лицах не было уныния и тоски, слез. Все воспринималось как должное, ибо мы знали: "Там, на фронте, труднее. Жаловаться было стыдно. Да и молодость брала свое".

Шли бои под Москвой, Ростовом. Наступающий фронт требовал оружия. "Дело доходило до того - вспоминал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков,- что каждый раз, когда нас вызывали в Ставку, мы буквально выпрашивали у Верховного Главнокомандующего противотанковые орудия, минимальное количество снарядов и мин".

Мины, изготовленные оренбургскими рабочими, пройдя испытания на полигоне в Донгузе, тут же отправлялись на фронт.

В начале 1942 года завод "Автозапчасть" получил задание изготовить запасные части для тракторного парка МТС и совхозов. Рабочие ремонтного цеха в кратчайший срок смонтировали ряд станков, необходимых для выпуска запасных частей. Новый цех был собран и пущен в эксплуатацию за шестнадцать дней.

20 апреля 1942 года завод приступил к подготовке производства сердцевин радиаторов. Цех, выпускающий эту продукцию, занял небольшую площадь. Первым начальником радиаторного стал М. В. Дударев, бывший директор Мариупольского радиаторного завода, главным инженером - Дмуховский. Часть технической документации, необходимая для радиаторного цеха, поступила со Сталинградского тракторного завода, куда в двадцатых числах января 1942 года выезжал один из сотрудников завода.

Ни соответствующего оборудования, ни достаточной технологической документации на предприятии не было. Весной 1942 года из Горьковского автомобильного завода прибыл один автомат для изготовления радиаторных трубок. В организации радиаторного цеха - разработке чертежей, изготовлении оборудования - большую инициативу проявили технические службы завода (технический отдел, отдел главного механика, инструментальный, ремонтно-механический и электромеханический цехи). В августе 1942 года цех по изготовлению

сердцевин радиаторов приступил к выпуску продукции. День, когда получили первые, пять сердцевин, вылился в большой праздник для коллектива завода, и этому событию был посвящен митинг.

В новый цех приходили новые кадры. Сюда поступил слесарем после окончания ремесленного училища шестнадцатилетний Ю. Я. Гербеев. Стали сборщиками сердцевин радиаторов Е. В. Симинюта и Е. П. Прейс. Немного позже в цех поступила А. С. Савельева-Петроченко, слесарем цеха был Н. Д. Пасечный. На протяжении всей войны Савельева, Симинюта, Е. П. Прейс занимали первенство в социалистическом соревновании цеха и завода. В цехе было только три автомата для изготовления трубок, два сборочных станка и два станка для испытания сердцевин. Но, несмотря на трудности, цех выпускал сердцевину радиатора.

Движение по созданию комсомольско-молодежных фронтовых бригад охватило широкие слои рабочей молодежи. Если в январе - апреле 1942 года на заводе насчитывалось восемь фронтовых бригад, то в мае-июне их стало четырнадцать и в них работало 387 человек. В это же время всего в области существовало 138 таких бригад, то есть десятая их часть трудилась на заводе "Автозапчасть". Фронтовые бригады отличались от других комсомольско-молодежных бригад тем, что они работали на самых трудных участках, где решалась судьба выполнения плана. По примеру передовых московских фронтовых бригад, комсомольско-молодежные бригады завода в четвертом квартале 1943 года высвободили за счет уплотнения рабочего дня свыше двадцати человек для перевода на другие участки.

На всю область гремело имя Клавдии Колыхаловой. Она пришла работать на "Автозапчасть" в декабре 1942 года, возглавила комсомольско-молодежную бригаду сборщиц специзделий. Все девушки не только выполняли норму, они также изучали смежные профессии. По почину москвички Екатерины Барышниковой бригада высвободила три человека, а оставшиеся четверо осваивали задание на 250 процентов. В социалистическом соревновании комсомольско-молодежных коллективов бригада Клавдии Колыхаловой неоднократно занимала первые места по заводу, городу и области²⁵. Она была отмечена наградами Наркомата среднего машиностроения, в частности, в 1944 году ее наградили значком "Отличник социалистического соревнования Наркомсредмаша", продолжительное время она занимала почетные места во Всесоюзном социалистическом соревновании.

Возобновилось начатое еще до войны соцсоревнование между заводами. В мае 1942 года завод им. С. М. Кирова вызвал на соревнование коллектив завода "Автозапчасть", который принял все предложения, выдвинутые кировцами, и взял на себя дополнительные обязательства.

В октябре 1942 года завод добился рекордного выпуска как товарной, так и валовой продукции, и, согласно решению жюри, занял третье место во Всесоюзном социалистическом соревновании заводов Наркомата среднего машиностроения. Кроме того, в 1942 году завод дважды получал благодарности Наркомата боеприпасов и две денежные премии в сумме 35 тысяч рублей.

В 1942 году начальник цеха И. Л. Зильберманц был награжден орденом "Знак Почета", наград удостоились также слесарь-штамповщик Л.В. Учитель, старший мастер А.М. Рывчин, мастер-гальванщик З.И. Бурдо.

Количество стахановцев в военные годы постоянно росло: на 1 января 1942 года их насчитывалось 177, на 1 января 1943-го - 419. К концу 1943-го передовиками производства стали 661 человек, или 79,9 процента рабочих завода. Первомайские дни на заводе объявлялись днями Щ Стахановских вахт.

В декабре 1943 года подводились результаты заводского соревнования. Звание "Лучший рабочий высокой квалификации" присвоили автогенщику Парафиновичу, "Лучший кадровик по обучению кадров" - токарю Зайкину, "Лучший мастер-наладчик" - С. Рогач. На заводе за звание "Лучший мастер" соревновались десятки рабочих, что способствовало сверхплановому производству и сознательному отношению к своему труду. Каждый процент перевыполнения плана отзывался гордостью в их сердцах. Один процент, казалось бы, самая малая величина, но один процент, выработанный сверх плана каждым рабочим в масштабе всей страны, явился важным источником пополнения государственных фондов.

В мае 1944 года 91 процент работавших на заводе составляли стахановцы. Лучших результатов добился третий цех, выполнивший апрельский план на 174 процента, производительность труда каждого работающего достигла 156 процентов к плану.

В военное время не приходилось рассчитывать на приток квалифицированных кадров со стороны. Молодое пополнение готовилось непосредственно на предприятии. Основными формами подготовки новых рабочих было индивидуально бригадное и курсовое обучение. Но наиболее приемлемой и применяемой стало трудовое обучение. Новичок учился прямо у станка, с первого дня выполняя задания для фронта. Война вынудила более широко использовать труд подростков, они составляли значительную часть рабочей молодежи. Многие из них оказались вне семьи и начинали свою самостоятельную жизнь и трудовую деятельность в исключительно

тяжелых условиях. Проявляя отеческую заботу о них, старые производственники учили их овладевать профессией.

Сотни рабочих были подготовлены и через стахановские дипсолы. На "Автозапчасти" они стали действовать с ноября 1942 года. В школах проводили занятия лучшие рабочие, к которым прикрепляли малоопытных "для передачи им стахановских методов работы".

Оборудование требовало как от новичков, так и от бригадиров и мастеров широких технических знаний. В жестких военных условиях техминимум приходилось осваивать в короткие сроки. На предприятиях Наркомата среднего машиностроения на теоретическое обучение отводилось 35-40 часов³².

Для обеспечения потребности в рабочих кадрах на 1942 год на заводе организовали школу ФЗО, готовившую токарей-универсалов, токарей-револьверщиков, слесарей-ремонтников, слесарей по сбору узлов, электриков, плотников, каменщиков. На заводе проходили практику учащиеся ремесленных училищ. В 1943 году 165 человек прошли через индивидуально-бригадное обучение, 80 - повысили свою квалификацию. Среди них было много женщин, заменивших мужчин, ушедших на фронт.

Нелегко было женщинам, оставшимся с малолетними детьми. Надежда Федоровна Повалева проработала на заводе "Автозапчасть" всю войну. Муж Надежды Федоровны ушел на фронт 22 июня 1941 года. Оставшись с тремя детьми - полутора, трех и пяти лет - Повалева вынуждена была пойти на завод. О войне знали по газетным материалам, по рассказам эвакуированных и раненых, о войне сообщали и фронтовые письма. Михаил Васильевич Повалев в одном из таких писем описал жене впечатления после освобождения лагерей пленных: "...мы освободили очень много смертников - русских, поляков, французов, словом, всех национальностей, всех возрастов мужчин и женщин. Но каково было смотреть, когда несколько корпусов было заполнено детьми, у которых немцы брали кровь. Представь шестилетнюю девочку, у которой десять раз выкачивали по пол-литра крови. Она уже не говорит, не ходит и почти сидеть не может. Легко встретить одного такого ребенка, а когда их бедненьких много и все они наши, русские, украинцы, а их родители сожжены в этом же лагере, тогда становится жутко. Кажется, даже волосы на голове шевелятся... А уж сколько я видел таких лагерей, людей с метками. Легче переносить любой бой, чем такие зрелища"³⁴. После прочитанного еще больше крепло желание приблизить разгром врага.

В 1943 году завод выполнил производственный план на 118,5 процента, сверх задания было дано продукции на восемь миллионов рублей³⁵. По сравнению с 1942 годом, он увеличил выпуск продукции на 79 процентов, добившись снижения ее себестоимости на 3016 тысяч рублей³⁶. Завод успешно справлялся с заказами фронта. Проведенный в этом же году общественный смотр труда только в течение одного месяца дал 105 рационализаторских предложений.

Трудно было в тех условиях создать сложные механизмы, но многое удавалось за счет так называемой малой механизации и хорошо продуманных технических решений. Работники завода трудились как физически, так и умственно, рождая рационализаторские предложения, полезные из которых внедрялись в производство, сокращая затраты труда на выпуск продукции.

Итоги соревнования подводились за месяц, квартал, полугодие, год. Не раз за десять месяцев 1943 года завод завоевывал передовые места во Всесоюзном социалистическом соревновании по Наркомату среднего машиностроения, а в ноябре-декабре 1942 года и в январе 1943-го завод держал переходящее Красное Знамя ЦК ВКП (б).

Нужно ли сегодня вспоминать результаты соревнований, Красные знамена и Почетные грамоты, завоеванные рабочим коллективом? Нужно, потому что, несмотря на Исторические перипетии прошлого, мы не вправе зачеркивать целые страницы, по своему усмотрению принижать заслуги того поколения. В то далекое время люди, не зная Отдыха и сна, уставшие и полуголодные, получали величайшее удовлетворение, узнав, что их труд достоин такой высокой награды, как Красное знамя.

К концу 1943 года на заводе работало сорок две бригады из 255 человек³⁸. Годовая программа года была выполнена 18 ноября 1943 года, план четвертого квартала этого же года - 12 декабря, декабрьское задание - уже 26 декабря. Ударные показатели завод продемонстрировал и в 1944 году. Средняя выработка на одного рабочего поднялась до $\square$ 43 процентов. План первого квартала завод завершил 21 марта 1944 года, мартовское задание выполнили на 108 процентов. Первенство в соревновании по заводу завоевал коллектив цеха под руководством Абрама Михайловича Рывчина. Этот цех выполнил месячный план по выпуску валовой продукции на 125 процентов. В соревновании мастеров в первом квартале ведущее место занял мастер Курулин. Первое место среди комсомольско-молодежных бригад сохранила за собой бригада К. Колыхаловой, второе заняла бригада Неведомского, третье - бригада Мльчаниновой.

В 1944 году завод вновь завоевывает первенство во всесоюзном социалистическом соревновании. 18 сентября в городском летнем саду состоялось собрание, на котором рабочему коллективу было вручено переходящее Красное

Знамя ЦК ВКП(б). Награду вручал секретарь Оренбургского обкома партии Г. А. Денисов⁴⁰. В сентябре 1944 года на передовые позиции вышел радиаторный цех (начальник цеха Реденский), выполнявший программу на 118 процентов. Звание лучшего было присвоено сменному мастеру цеха Пайкину, который дал 124 процента. Среди комсомольско-молодежных бригад первое место заняла бригада плавильщиков и заливщиков литейного цеха, второе - бригада слесарей-инструментальщиков, третье - контролеров сварочного цеха. Всего за десять месяцев 1944 года завод дал сверхплановой продукции на шесть миллионов пятьсот тысяч рублей.

Завод за годы Великой Отечественной войны четырнадцать раз завоевывал Красное Знамя ЦК ВКП(б). Это была самая высокая награда в те годы, хотя победители получали также и индивидуальные денежные премии в размере месячных, полуторамесячных и двухмесячных окладов.

Не только на фронт отправляли свою продукцию заводчане; колхозы и совхозы получали от завода запасные части для тракторов и сельскохозяйственных машин общей суммой на 163 тысячи рублей.

В заводском управлении в 1944 году произошли изменения: директора завода А. А. Саблина перевели на другое предприятие. На его должность был назначен инициативный и опытный работник - К. А. Петунии. Многие рабочие и инженеры ушли на фронт. Слесарь Л. В. Учитель подал заявление с просьбой отправить на фронт, но его не отпустила дирекция, так как завод нуждался в квалифицированных специалистах, изготавливающих инструмент и приспособления для боеприпасов.

Ушел добровольцем на фронт восемнадцатилетний Леонид Учитель, племянник слесаря инструментального цеха Л. В. Учителя. Он погиб в апреле 1943 года. Отдали свои жизни в борьбе с врагом рабочий литейного цеха Тимошук, экономист Фиренштейн и другие. Под Сталинградом получил ранение бригадир Р. Л. Пайкин, вернувшийся на завод инвалидом Великой Отечественной войны.

В феврале 1942 года на заводе "Автозапчасть" прошла мобилизация в военное училище. Подали заявления М. А. Гриднев, А. А. Кириллов, А. С. Самойлов, Ф. П. Гриций, В. М. Левитин и другие молодые работники.

Не всегда легко и просто удавалось выполнять государственные задания. Например, в ноябре 1944 года для завершения месячной программы не хватало около тонны декапира толщиной 0,5 мм - необходимого сырья, срывалась поставка оборонного заказа. Ни один завод города не смог помочь "Автозапчасти", и лишь на "Арсенале" был найден декапир. Оставалось четыре часа до завершения выпуска продукции. Очевидец события А. И. Будников пишет: "Снарядили две подводы за этим материалом, так как на грузовой машине проехать по шоссе, занесенному снегом, было нельзя. Через час декапир был доставлен в цех. Рабочие воспряли духом и с удесятенной энергией принялись за резку, штамповку, обезжиривание, гальванизацию, сборку. Трудились все до самозабвения. Да и нельзя было иначе. Военпред принял продукцию".

Был и такой случай. Отсутствие ацетона вело к очередному возможному срыву плана. Работник отдела снабжения вез в бидоне из Куйбышева литров десять ацетона в пассажирском поезде, что строго запрещалось. Снабженец был задержан, но на станции не растерялся и позвонил из комендатуры на завод директору. К. А. Петунии связался с Москвой, оттуда комендатуре последовало указание отправить снабженца в Оренбург с первым товарным вагоном. Ацетон был привезен в сборочный цех вовремя, а значит, предприятие не сбавило трудовой ритм! Кто ни бывал на заводе - всех удивляла высокая производительность труда. Почти все работницы, бригадиры-наладчики были очень молодыми, в основном вчерашние выпускники ФЗО и ремесленных училищ. Но все поколение объединяло единое стремление - дать больше продукции во имя Победы.

Остро стояла жилищная проблема. Рабочие и их семьи жили в переуплотненных общежитиях, в основном барачного типа, на частных квартирах, снимая угол. Р. Ф. Зисельс с семьей в войну жил на квартире оренбуржца В. И. Понарина. Семья из семи человек занимала комнату в десять квадратных метров. К. Д. Рабинович поселилась у хозяйки в комнате в четырнадцать квадратных метров. Семья хозяев состояла из трех человек, и ее приняла как свою. Впоследствии Клара Давыдовна писала из Одессы: "О доброте таких людей пишут в книгах, я не чувствовала себя сиротой, хотя война отняла у меня мать, двух сестер и брата... Я все время искала своих родных, и вот однажды я задаю вопрос своей тете Нюре: а что мы будем делать, когда я найду своих родных, ведь их четыре человека, а у нас маленькая комната. Так она, не задумываясь, мне ответила: вынесем все из комнаты, и будем спать на полу. Я плакала до истерики и не могла успокоиться от такой доброты"⁴³.

Но на всех и таких углов не хватило. Рабочему С. Д. Плятве, прибывшему с большой семьей из Одессы, не могли подыскать квартиру, и он со своими домочадцами поселился в проходной будке завода...

Предприятие имело несколько общежитий. Скученность и теснота, недостаток мебели создавали тяжелые бытовые условия. Не хватало и топлива⁴⁴. И все-таки утомленные, измученные лишениями люди не забывали очищать цехи, заводской двор, улицы от мусора и пыли, участвовали в воскресниках по уборке улиц, заводских дворов, общежитских помещений.

Во все времена, когда нашей Родине угрожали иноземные захватчики, возникало патриотическое движение в поддержку армии. Помощь фронту выражалась не только в ударном труде на производстве. С приближением первой военной зимы среди заводчан была подхвачена инициатива по сбору и отправке на фронт вещей и белья. Собирали валенки, полушубки, ватные куртки, шаровары, шапки-ушанки, шерстяные свитера, теплое белье, шерстяные варежки. В январе 1942 года, например, провели воскресник на заводе, а заработанные средства использовали на приобретение теплых вещей для бойцов Красной Армии. Эта практика использовалась на протяжении всей войны. Трудно было найти семью, которая не участвовала бы в этом. В 1943 году ко Дню Красной Армии коллектив "Автозапчасти" послал на фронт 49 килограммов колбасы, 47 килограммов печенья, 10 литров вина, а также табакерки, портсигары, мундштуки, которые сделали своими руками. Денежные средства на нужды фронта поступали и от реализации среди рабочих, мастеров государственных займов, которые выпускались ежегодно. К праздникам - к годовщине Октября, к Новому году, Дню Красной Армии, 1 Мая - рабочие отправляли на фронт подарки: табак, кисеты, кондитерские изделия, а в посылки обязательно вкладывали небольшое письмо.

В апреле 1943 года рабочие и инженеры ведущих заводов Оренбурга и Медногорска подготовили и отправили подарки для партизан Белоруссии. На имя начальника Штаба партизанского движения Петра Захаровича Калинина оренбургские рабочие отправили письмо, в котором писали: "Направляем родным товарищам партизанам наш скромный трудовой подарок: звено самолетов, автомашины, пятьсот винтовок, три передвижные механические мастерские, продуктовые посылки, аптечки, белье, обмундирование... Мы заверяем Вас, что сделаем все возможное для того, чтобы приблизить радостный час победы над врагом"⁴⁵. От завода "Автозапчасть" письмо подписал слесарь Л. В. Учитель.

Заводской коллектив на протяжении всей войны жил заботами страны⁴⁶. И, конечно, "Автозапчасть" нашла возможность выделить на восстановление народного хозяйства освобожденных и прифронтовых районов страны тракторные детали. Так, в течение месяца, с 15 января по 15 февраля 1944 года, завод отгрузил 134 тысячи единиц этой продукции⁴⁷. На Мариупольский завод радиаторного производства направили сэкономленное топливо, металл, оборудование, а также мастера по радиаторному производству⁴⁸.

Фронтовики с чувством огромной благодарности отзывались о своих шефах - рабочих завода "Автозапчасть", об их большой повседневной помощи госпиталям, заботе о раненых воинах. К. И. Колыхалова-Симонова вспоминала: "Молодежь завода шефствовала над госпиталем раненых (сейчас это госпиталь инвалидов войны на улице Комсомольской). После смены мы, девчонки и женщины, ходили в этот госпиталь, помогали медицинскому персоналу ухаживать за ранеными и стирали бинты, кормили тяжелораненых, убирали палаты, стирали кровяное белье и одежду. Особенно было тяжело, когда приходил эшелон с ранеными. Не отдохнув и не поспав, мы возвращались на завод. И никогда я не слышала ни от кого, что невыносимо тяжело, хотя было тогда, действительно, очень трудно".

Случались и светлые минуты. Огромную радость приносило посещение театра. "Большим удовольствием был театр. Почти каждый месяц завод завоевывал одно из первых мест в социалистическом соревновании Наркомата. В честь этого завод закупал спектакль. Сидишь в театре и смотришь на молодых девушек и женщин и любишь ими. Сегодня днем на работе были в ватниках, платках. Лица изможденные, люди усталые, жмущиеся по очереди у печки, одной на весь цех. А сейчас, в театре, какие они нарядные, веселые!" - вспоминал один из ветеранов.

Весной 1944 года рабочих завода, эвакуированных из Одессы, все больше охватывала радость в связи с приближением советских войск к родному городу. Рабочие внимательно слушали радиосводки, старались достать свежие газеты. Этого события ждали с нетерпением, готовились к нему. В заводском дворе соорудили трибуну в виде капитанского мостика и провели митинг. А затем все хором пели: "Ты одессит, Мишка, а это значит..." Эту песню эвакуированные воспринимали как гимн родному городу. На глазах выступали слезы. 11 апреля объявили нерабочим днем, и в столовой кормили без талонов. Это был один из самых счастливых дней военной поры. 12 апреля в цехах вслух читали и перечитывали статью В. Кирсанова и Д. Гребенщикова "Одесса".

"Вот она, родная Одесса. Дым пожаров стоит над городом. Когда пишутся эти строки, наши бойцы уничтожают последних немецких автоматчиков, засевших кое-где в каменных зданиях и продолжающих отстреливаться. Город наш. Он истерзан, но по-прежнему прекрасен".

14 июня 1944 года "Правда" опубликовала статью о злодеяниях немецко-румынских захватчиков в Одессе. Люди были взволнованы, обсуждали известия в цехах, общежитиях, в семейном кругу.

Четыре года длилась упорная, необычная по своей напряженности схватка с врагом. В критические моменты рабочие и инженеры завода "Автозапчасть" не дрогнули, собрав воедино энергию, мужество, трудовой опыт, сделали все возможное во имя Победы.

К. Колыхалова вспоминает об этом событии: "Сообщение об окончании Великой Отечественной войны наша бригада услышала ночью, мы работали во вторую смену. Что было в цехах и на заводе - сейчас невозможно передать! Все очень радовались, плакали от радости, от пережитого, о погибших близких на фронте и в оккупации".

С трех часов утра на завод начали приходить рабочие, инженеры, техники, служащие, не занятые в ночной смене. Весь завод остановился. Люди пели, танцевали, обнимались. В восемь часов утра 9 мая начался митинг. Было много слов радости, надежды и уверенности в том, что скоро вернутся домой родные и близкие, что начнется счастливая жизнь. Вспоминали на митинге легенду А. М. Горького о Данко.

После окончания войны часть одесситов уехала в свой город, многие остались на Урале трудиться на заводе, ставшем родным. Теперь это акционерное объединение "Радиатор".

И будни бывают подвигом

Все слышнее, все могучей
Раздается вешний гром,
Самолетов наши тучи
Грозно реют над врагом.
*Из красноармейской газеты
"Красный боец",
26 апреля 1942 г.*

С историей Оренбурга неразрывно связана история Военно-Воздушных Сил страны. В довоенное время в город перевели две авиационные школы, через Оренбург пролегали маршруты перелетов советских летчиков, во время которых устанавливались мировые рекорды.

12 июля 1935 года для руководителей страны в Тушино состоялась демонстрация летного мастерства спортсменов Центрального аэроклуба, того, в котором в свое время были зарегистрированы рекорды прославленных летчиков М. М. Громова, В. П. Чкалова, В. К. Коккинаки и многих других. Тогда в соревновании победителем стал самолет под маркой УТ-2, который после испытания был принят на вооружение. И в течение десяти лет, начиная с 1938 года, моноплан УТ-2 с двойным управлением был основным самолетом первоначального обучения.

Именно такой самолет выпускали на оренбургском заводе в годы Великой Отечественной войны. Это предприятие было одним из тех, которые прибыли в уральский город по эвакуации. До войны авиационный завод № 47 действовал в Ленинграде.

В конце июля 1941 года на завод пришло распоряжение о срочной эвакуации. Для перевозки оборудования, других материальных ценностей, рабочих с семьями потребовалось восемь эшелонов.

Первый эшелон с имуществом механического, штамповочного и сборочного цехов, возглавляемый главным инженером С. К. Травиным, эвакуировали 31 июля. Вторым во главе с Г. П. Медниковым вместил все, что не ушло с первым эшелоном, включая готовые к выпуску самолеты. Тогда же, 6 августа, отправили 1200 рабочих и служащих с семьями. Позже курс на восток взяли еще два состава с заводским имуществом.

Об атмосфере того времени можно судить по сохранившимся документам. В частности, в музее нынешнего производственного объединения "Стрела" экспонируется удостоверение начальника эшелона, датированное июлем 1941 года, которое гласит: "Предъявитель сего тов. Медников Георгий Павлович назначен начальником эшелона, следуемого из Ленинграда в г. Чкалов в связи с эвакуацией завода. В пути следования эшелона и вплоть до разгрузки его на месте назначения т. Медникову предоставляются все права и обязанности единоначальника при осуществлении возложенного на него ответственного задания. Просьба ко всем правительственным органам, военным, железнодорожным, местным властям и партийным организациям оказывать тов. Медникову во всех случаях его к ним обращения необходимую помощь и содействие. Директор завода № 47 Е. Шаройко. Парторг ВКП(б) В. Зверев".

Следует заметить, что люди эвакуировались неохотно. Тогда казалось, что война кончится быстро. Ехали с надеждой, что через месяц-другой вернутся назад. Но даже сам путь следования показал, насколько серьезной и угрожающей была ситуация.

"Рано утром - вспоминал Г. П. Медников, - пройдя Бологое, я открыл в своем вагоне окно и увидел, как два самолета "Юнкере" идут встречным курсом мимо состава. Я с ужасом подумал, что они начнут стрелять по вагонам, набитым людьми. Но они прошли мимо, не сделав ни одного выстрела".

Этот эшелон прошел маршрут до Оренбурга без каких-либо заминок. Остальным не повезло - попали под бомбежку и вынуждены были простаивать. Так, четвертый эшелон бомбили у станции Чудово, его спас дым, затянувший все пространство вокруг станции. Ему пришлось вернуться в Ленинград и затем, преимущественно по ночам, двигаться к станции назначения.

В пути встречались воинские эшелоны, следующие на фронт, санитарные поезда с ранеными и другие эшелоны, идущие с разных концов страны на восток. Создавалось впечатление, что в движении вся страна.

Наркомат авиационной промышленности эвакуировал на восток 85 процентов всех заводов, научно-исследовательских организаций и подсобных предприятий. Многообразная и сложная работа по эвакуации стала испытанием для работников Ленинградского авиазавода № 47.

Это предприятие можно назвать молодым. Оно возникло в 1928 году на базе мастерских по ремонту самолетов. С 1934 года оно освоило выпуск самолета УТ-1 и перед самой войной - УТ-2.

Завод № 47 принимали в Оренбурге с 11 августа по 5 сентября. В первый день поступило оборудование большинства цехов и более восьмисот работников завода. Всего же приехало 1700 рабочих, инженеров и служащих, 1730 членов их семей. Вместе с заводом эвакуировали ремесленное училище.

Для организации ремонтной базы ВВС Северного флота пришлось оставить оборудование для котельной и малярных мастерских, 49 станков, трансформаторную подстанцию и цеховой инвентарь: верстаки, стеллажи, некоторые инструменты и материалы. Все это очень бы пригодилось для обустройства на новом месте.

В Оренбурге перед руководителями предприятия сразу встало множество проблем, начиная с организации питания и кончая вопросами строительства, технологии, управления, материально-технического снабжения и т. д.

Для размещения завода оренбургские власти передали авиамастерские, ангар, мебельную фабрику, два склада авиаучилища № 2. Необходимо было заново построить и смонтировать трансформаторную подстанцию, насосную, компрессорную станции, кузницу, самолетно-сборочный цех, гараж, столовую, а также реконструировать котельную. Однако производственные и вспомогательные площадки, бытовые помещения, предназначенные для завода, не отвечали элементарным требованиям производства. Положение осложнялось также тем, что завод располагался в трех точках, отдаленных друг от друга на расстояние семи километров.

Строительство авиазавода в Оренбурге вела первая контора треста Наркомата авиапромышленности из Москвы, насчитывающая 385 человек. Работы шли строго по графику. Внедрялись новаторские методы. Рабочие проявляли чудеса истинного трудового героизма.

Не жалели сил для восстановления своего завода и эвакуированные ленинградцы. Руководство организовало четкий ритм работ. На особо ответственных участках - выгрузке, доставке и монтаже оборудования были заняты Лучшие производственники. Они же вносили свой вклад и в строительство цехов, закладку фундаментов под тяжелое Оборудование.

Картина строительства описана наркомом авиационной промышленности А. И. Шахуриным: "В октябре, ноябре день, как известно, короток. Работать становится все труднее и труднее. На территории освещение слабое. Грязь, холод. К ночи лужицы подергивались льдом. У разведенных тут же костров кипятили чай, обогревались строители и авиационники. Надо сказать, что все кадровые рабочие помогали строить и оборудовать свои рабочие места" 3.

Первый из трех цехов - механический - начал действовать 25 октября 1941 года. Успешная работа перебазированного предприятия в значительной мере зависела от устройства рабочих, служащих и их семей на новых местах. Городские власти выделили помещения для расселения эвакуированных граждан в Оренбурге, наладили обеспечение прибывших ленинградцев продуктами питания.

Одним из основных на авиазаводе был деревообделочный цех. Его создали на базе Оренбургской мебельной фабрики и эвакуированной мебельной фабрики из Витебска. Цех возглавил ленинградец Г. П. Медников, заместителем стал бывший главный инженер Витебской фабрики Шейбак.

"Эта фабрика для нашего производства совсем не была пригодна, - вспоминал Г. П. Медников. - Самолетное производство требовало, чтобы в помещениях жестко соблюдались определенная температура и влажность, кроме того, не хватало площадей... К концу года (1941 г. - А. Ф.) филиал начал выдавать продукцию. Крылья и оперение отвозили на завод автомашиной, а фюзеляж на его шасси тянула лошадка через весь город, мимо рынка и театра. Вез фюзеляж один человек - Малышкин, кучер и конюх... Дело осложняло то, что пришлось все оперение делать из дерева, так как не было дюралевого листа".

Шла первая осень студенкой военной поры. Красиво падали желтые, багряные и розовые листья, но люди не замечали этого тихого листопада, потому что там, на фронте и близ него, рушились деревья, дома, людские судьбы. И чтобы прекратить этот стремительный водопад человеческого горя, здесь, в степном тылу, выбиваясь из последних сил, делали все, чтобы скорее взлетели в небо крылатые его защитники.

Но трудностей было много. Несмотря на то, что городские власти оказывали заводу серьезную помощь в рабочей силе, строительство шло медленно из-за недостатка каменщиков, бетонщиков, плотников. Земляные работы велись в основном вручную. Затягивалось строительство железнодорожной ветки, что задерживало доставку строительных материалов и вывоз оборудования со станции Оренбург. Строители постоянно испытывали нехватку цемента, битума, асфальта, рубероида, толя, огнеупорного кирпича, глины, электроарматуры, насосов и т. д.

Есть немало свидетельств о том времени. Среди них воспоминание Ольги Зотовны Любимовой-Шуренковой. Она начинала работать на заводе № 47 в 1941 году: "Недалеко от завода № 47 жила наша семья. А завод строили так: было ровное поле, на нем делали пол, ставили станки, подводили электричество, сначала крыш не было, их делали до ходу. Мне пришлось бросить школу, так как жить материально стало трудно. Из школы я пошла работать на 47-й завод. Принята была 7 октября клепальщицей". Сложность, прежде всего, заключалась в том, что работать приходилось на производственных площадях, которые были значительно меньше, чем в Ленинграде. | Осенью 1941 года ввели в эксплуатацию слесарно-сварочный цех, обойную мастерскую, сборочный цех, начали прокладку кабельной линии от станции "Красный маяк" и строительство кузницы. К 11 октября строительные работы по прокладке железнодорожной ветки были в основном закончены, не успели проложить лишь тупиковые линии на заводской территории. Завершили строительство трансформаторной подстанции, смонтировали компрессоры. Работы шли до глубокой осени. Заводской коллектив не выходил с площадки буквально день и ночь. Хорошим организатором проявил себя главный инженер завода С. К. Травин, который до приезда Я. Е. Шаройко исполнял обязанности директора.

Заводские дела постоянно находились в центре внимания Оренбургского горкома ВКП(б). Вопрос о подготовке завода к пуску слушался в начале сентября 1941 года на бюро ПС ВКП(б). Архивные документы свидетельствуют о том, что руководство города и области каждые десять дней получало подробную информацию о состоянии дел на заводе. В сентябре 1941 года прошло совещание заводского актива, обсудившее ход монтажных и строительных работ. Завод подготовили к пуску за короткий срок, на что в обычное время потребовалось бы несколько месяцев.

Напряженнейшая работа строителей и авиационников дала свои плоды: 25 октября 1941 года в эксплуатацию был запущен механический цех, предприятие начало выпускать продукцию. Заводская многотиражка дала репортаж о моменте пуска: "...за станок встала Е. Н. Кукушкина, чтобы изготовить анкерные болты для крепления оборудования на фундаменте. В цехе, над которым тогда не было крыши, поставили станок, и она не отходила от него, как мать не отходит от постели больного ребенка... Моросил дождь, холодный ветер пронизывал тело. Но неизменно проворные руки работницы снимали со станка одну за другой детали". Так начинал работу завод.

Ленинградцам предоставили два дома на улице Кобозева и один на улице Чичерина. Городской транспорт не работал, и очень многим, прежде чем встать за станок, приходилось преодолевать большое расстояние пешком.

Одной из главных проблем тыла стало обеспечение фронта самолетами и моторами. В октябре 1941 года произошло резкое снижение выпуска боевых самолетов, около 85 процентов производственных мощностей авиационной промышленности находились в тот период на колесах, в стадии перебазирования.

Авиационный завод в Оренбурге приступил к выпуску самолетов УТ-2. За все годы выпуска этой марки в нашей стране было построено 7243 машины.

Известный летчик-испытатель Я. Я. Пионтовский писал: "Вот то, что надо для подготовки летчиков современной авиации, машина устойчива и легка в управлении".

План выпуска серии УТ-2 был сорван в ноябре - декабре 1941 года и январе 1942-го из-за отсутствия древесины, авиаприборов, покрытий, клея и, главное, - моторов. Завод выпустил в 1941 году 136 самолетов УТ-2, в 1942-м - 427.

В ноябре 1941 года завод получил задание по освоению и выпуску боевой машины Як-1 7. Это тоже скоростной истребитель, в опытных образцах появившийся перед самым началом Великой Отечественной войны. По своему комплексу летно-технических характеристик Як-1 превосходил немецкие истребители Me-109E, а также Me-109 (1941).

Но заводу еще не хватало четкой программы деятельности. Шли разговоры о снятии с производства УТ-2. Создававшаяся ситуация вынудила дирекцию обратиться к руководству за более точными указаниями: "...дать заводу ясность, вести ли монтажные работы по новым корпусам под самолет Як-1 смешанной конструкции с металлическим сварным фюзеляжем". Позднее положение изменилось: завод прекратил освоение Як-1 и начал осваивать Як-6.

Однако наркомат требовал, не прекращая выпуска УТ-2, освоить производство Як-6, после чего УТ-2 постепенно с производства снимался. Фактически времени на освоение Як-6 не давалось, что даже для военного времени было необычным.

Летом 1942 года ввели в строй новые корпуса. В одном из них делали крылья, а в другом производилась окончательная сборка, находился малярный цех, и изготовлялись фюзеляжи. А в конце года завод приступили к выпуску Як-6. Вновь прибегнем к свидетельству Г. П. Медникова, работавшего тогда главным инженером завода: "В начале производство шло туго, так как трудоемкость была большая, подготовка производства была недостаточной. Самолет был очень нужен фронту, и пришлось один барак выделить для прибывающих экипажей".

Для контактов с заводами-поставщиками нужна была надежная связь. Ее не существовало. Тогда секретарь Оренбургского обкома партии Г. П. Денисов обратился к заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров Л. П. Берии с письмом следующего содержания: "Прошу Вас разрешить установку прямого телефона ВЧ на заводе № 47 Наркомата авиационной промышленности в г. Чкалове, так как этот завод, являющийся ведущим группы самолетных заводов, внедряющих в серию самолеты Як-6, УТ-2, нуждается в прямой, быстрой телефонной связи с Наркоматом и заводами-смежниками" 8.

Машина Як-6 была полностью выполнена из дерева, видимо, для того, чтобы избежать применения дефицитного в военный период металла. "Для защиты от истребителей противника на самолете устанавливался пулемет. В транспортном варианте самолет имел отсек для шести пассажиров, которые располагались в фюзеляже, за кабиной летчиков. В качестве силовой установки применялись два двигателя воздушного охлаждения М-11Ф мощностью 140 л. с. каждый. Самолет выпускался серийно и успешно использовался в период Великой Отечественной войны в основном как штабной самолет связи", - так характеризуется Як-6 в литературе.

Строгое соблюдение технологической дисциплины стало непреложным законом производства, что в большей степени обеспечивало успех всех технических мероприятий и гарантировало высокое качество продукции.

Завод выпустил и лимузины. Это трехместный самолет с отечественным двигателем мощностью 100 л. с., построенный А. С. Яковлевым.

На предприятии вставало бесконечное множество проблем. Одна из них - кадровая. С октября 1941 года широко развернулась подготовка кадров на рабочем месте по специальностям: сборщик, жестянщик, клепальщик и т. д. Теоретическую подготовку после окончания трудового дня людям давали лучшие инженеры и мастера участков.

Нередко подводили смежники. Предприятию приходилось самому искать пути решения проблем. В частности, здесь освоили производство винтов и лыж к самолетам УТ-2, начали изготавливать казеиновый клей на базе местного сырья, выпускать заклепки, пружинные амортизаторы.

Заклепка и та играла значительное место в самолетостроении. В первый период войны острой проблемой стало обеспечение производства самолетов проволокой для заклепок. "Каждый, кто летал на самолетах военной поры, - пишет А. И. Шахурин, нарком авиационной промышленности, - или видел их, знает, какое огромное количество заклепок находилось на поверхности фюзеляжа, крыла и оперения. Число их на истребителях достигало до сотен тысяч. ...Заклепка - важнейший элемент самолета" 10.

В августе 1942 года завод перешел на выпуск новой машины УТ-2МВ с повышенной трудоемкостью по сравнению с серийной машиной УТ-2 и. Опять потребовалась подготовка кадров. За 11 месяцев этого года на предприятии обучили 688 новых рабочих. К ним добавились 150 выпускников ремесленного училища № 3 и школы ФЗО. Для прохождения производственной практики учеников двух заводских цехов командировали в Саратов на авиазавод № 29212. Среди тех, кто ездил в этот город, была и О. З. Любимова-Шуренкова. Вспоминая о пережитом, она рассказала: "В марте 1942 года нас, комсомольцев, послали в Саратов на авиационный завод, который находился под землей. Выходить наружу нам не разрешалось. Немцы были близко. Нас привозили в шесть часов утра и в шесть часов вечера увозили. Работали по 12-16 часов в сутки. Питание было очень скудным, значительно хуже, чем

на заводе в Оренбурге. Кормили нас отваренными зернами сои. Так мы проработали два месяца, домой ехали в товарном поезде" 13.

В такой сложной обстановке саратовский завод подготовил 530 рабочих для Оренбургского авиапредприятия.

Кроме того, при заводе № 47 действовали курсы повышения квалификации опытных кадров и подготовки новых. На курсах целевого назначения занималось 87 работников летной испытательной станции технического контроля. В группе по изучению радиоустановок, электрооборудования обучалось 25 человек.

Самолеты создавались в основном молодыми руками. Процент людей в молодом возрасте превышал пятьдесят¹⁴. Нарком А. И. Шахурин в своих мемуарах отметил: "Большую роль в создании авиационного оружия сыграла молодежь, главным образом учащиеся ремесленных училищ. Много было ребят в возрасте 14-15 лет. Всю эту массу людей нужно было обучить, охватить вниманием и влиянием".

Обучать приходилось в достаточно сложных условиях, ведь многие боялись подойти к станку, тем более забраться на крыло самолета. Это относилось в первую очередь к пожилым людям, не привыкшим к заводской обстановке. "Как не растеряться, - восклицает нарком А. И. Шахурин, - когда тут что-то крутится, там ухаает, а здесь сыпятся искры электросварки". Но дисциплина была образцовой.

"Необычайно выглядели стоявшие у станков люди, в большинстве своем подростки, я чуть бы не сказал - дети. Дети с худыми, бледными от недоедания и не по возрасту тяжелого труда лицами. Некоторым из них не хватало роста, чтобы дотянуться до всех нужных рукояток, и они стояли у станков не прямо на полу, а на каких-то старых ящиках из-под деталей или наспех сколоченных подставках", - дополняет картину военного времени М. Л. Галлай, заслуженный летчик-испытатель.

"Основной трудностью, - отмечал Г. П. Медников, - было плохое питание и сильные морозы, да еще с ветерком. Были случаи, когда ослабевшие рабочие, идя домой, замерзли до смерти. Поэтому в цехах устраивали спальные места".

Нетрудно представить себе всю сложность задачи, стоящей перед руководителями производства - от мастеров до директора завода, - вынужденными выпускать продукцию с теми кадрами, которые у них были. И не только выпускать, но и непрерывно наращивать выход боевых самолетов.

За годы войны десятки рабочих были призваны в Красную Армию, некоторые из них не вернулись. Так, например, семья Смышляевых получила похоронку на Александра Михайловича Смышляева, погибшего в декабре 1942-го при защите Сталинграда.

Естественными были в военное время трудности с материалами, сырьем, готовыми изделиями смежников - словом, нелегко назвать такой элемент нормального производства, с которым не было тогда сложностей. Беспрерывно рождались все новые и новые формы социалистического соревнования, оно вносило живую струю в трудовой ритм тяжелейшего военного времени. Победители соревнования искренне радовались своим достижениям, помогали другим, учили молодых. Велика была роль комсомольско-молодежных фронтовых бригад, являвших пример организованности и высокой производительности. Большое значение имели совмещение профессий, многостаночничество, помощь квалифицированных кадров в обучении молодых рабочих, соревнование по профессиям и другие патриотические начинания. Все это помогало восполнить труд тех сотен рабочих, которых не хватало на производстве, поднять производительность и увеличить выпуск оборонной продукции.

На заводе развернулось движение двухсотников. В сентябре 1941 года двухсотники составили 21 процент рабочих. Лучшими стахановцами были Я. И. Хонин, Тараканчикова, Туревский, Павлов, Ланин, Кутузов, Котов, С. Н. Михайлов, И. И. Никитенко, Коршунов, Белодедов, Владимиров. В 1942 году действовали стахановские школы, к 15 декабря

1942 года на заводе в них обучалось 127 человек¹⁵. В июне

1943 года в "Информации о повышении деловой квалификации мастеров-наладчиков и бригадиров на заводе № 47" отмечалось: "Выполнению и перевыполнению плана завода в последние месяцы способствовала проводимая политмассовая работа в цехах и отделах завода. Мастера помогают рабочим в их производственном росте. Многие рабочие-стахановцы, выдвинутые бригадирями, показывают примеры высокой производительности"¹⁶.

Трудовой энтузиазм был поистине неиссякаем. Примеров тому можно привести очень много. Так, Яков Иванович Хонин - токарь 6-го разряда, кадровый рабочий, выполнял норму на 500-600 процентов. 22 июня 1942 года он дал 755 процентов, 24 июня - 926, 25 июня - 962, 30 июня - 1400 процентов. Глухов, токарь 7-го разряда выполнял норму на 340-570 процентов. Адамчук, токарь 6-го разряда, - на 300-500. Головлева, револьверщица 4-го разряда, - на 200-350 процентов.

Я. И. Хонин эвакуировался в Оренбург из Ленинграда. Он стал зачинателем патриотического движения за выполнение сменных заданий на тысячу и более процентов. Имя

Я. И. Хонина было широко известно в области, его работа вызвала восхищение. С июня 1942 года он возглавил бригаду токарей завода.

8 июля 1942 года о нем писала газета "Известия": "В боевых машинах, выпускаемых заводом, воплощен труд и кадровых рабочих, и молодежи, недавно пришедшей на производство. Опытный токарь Хонин перевыполняет дневное задание в 14 раз. Этот огромный рост производительности труда достигнут благодаря тому, что он сумел использовать холостой ход станка для обработки детали и другие усовершенствования".

В 1943 году Я. И. Хонин обрабатывал двенадцать видов различных деталей. Ему приходилось иметь дело с большим количеством инструментов. Но он так организовал свое рабочее место, что смена их у него почти не отнимала времени. 27 апреля 1943 года в ночную смену он встал на предмайскую вахту, она закончилась в одиннадцать часов

28 апреля. Подсчет показал, что Я. И. Хонин перекрыл свое обязательство. Он сделал 5002,2 процента нормы¹⁷.

Комсомольско-молодежная бригада Дубовского состояла из четырех рабочих, но она так организовала дело, что в августе 1944 года ей удалось обойтись без одного рабочего. Июльское задание бригада выполнила на 325 процентов, августовское - на 384, сентябрьское - на 406¹⁸.

Большую роль в обеспечении высоких показателей играли меры организационного характера, совершенствования технологии производства, строжайшего соблюдения государственной и производственной дисциплины, оперативный стиль работы во всех звеньях, начиная с Наркомата.

В те тревожные дни необходимо было соблюдать режим экономии. Заботились о каждом килограмме цветных металлов в любом виде. Собирались все - готовые изделия, полуфабрикаты, заготовки, отходы. Хорошие результаты ^ завод достиг по внедрению заменителей остродефицитных цветных металлов. Он сократил потребление цветных металлов на двадцать процентов на одну машину, а в 1942 году - на 85 процентов.

1943 год был отмечен перевыполнением планов. В связи с этим секретарь обкома ВКП (б) Г. А. Денисов направил заводскому коллективу благодарность "за перевыполнение мартовского и квартального планов по выпуску продукции".

Это было время, когда для огромного большинства людей не требовалось ни поощрения, ни принуждения, чтобы они трудились высокопроизводительно. Они полностью сознавали свой долг и свою ответственность. Например, в 1943 году апрельский график по сборке был выполнен досрочно - 28 апреля. Кроме того, сверх плана были сданы две готовые машины. Одна из них эталонная¹⁹.

В годы войны творчество людей, их изобретательность и неистощимая энергия, казалось, были безграничными и неиссякаемыми. "Вспоминая многие случаи решения сложнейших технических вопросов,... трудно порой установить, кто же первым высказал то или иное смелое предложение. Часто одного автора даже и не было. Нужное решение, как правило, было плодом коллективного поиска людей, признававших опасность, нависшую над страной, и отдавших каждую частичку своего "я" делу борьбы с врагом", - эту характеристику вполне можно отнести и к рационализаторам авиационного завода²⁰.

В военные годы неоценимую роль сыграло движение рационализаторов. Так, в апреле 1942 года поступило двенадцать рацпредложений. К числу наиболее ценных относились разработки мастера Слогиса о замене цветного металла, мастера Д. Н. Чугунова по упрощению технических условий. Прибор для определения марки стали предложил инженер Хайт. Рационализаторские предложения внесли Теленков, Войлоков, Елпатьевский, Петров, Семенов, Дробиков, Громов.

Областная газета писала в июле 1942 года: "Освоены пневмостапеля, штамповка стаканов моторной рамы, что дало возможность экономить свыше 13 килограммов металла на единицу изделия. Инженер Халявкин разработал и применил на практике новую технологию изготовления резцов. Проведение ряда других мероприятий также способствовало улучшению работы цехов²².

Группа заводчан - инженер Волятыцкий, начальник участка Курбатов, слесари Лапин и Набатов, электромонтеры Илькин, Никитин, Кишкин и мастер Попов сконструировали, изготовили и ввели в эксплуатацию очень важный агрегат. Бригада Сосунова, слесарь Набатов и мастер Попов создали и установили универсальный станок. Рационализаторское предложение начальника цеха Краснова позволило получить годовую экономию - сто тысяч рублей.

С помощью приспособления Серова удалось в восемь раз повысить производительность для изготовления одной детали и значительно сократить брак²³.

В деревообделочном цехе бригадир столяров Ямщиков предложил приспособление для сборки деталей, что дало возможность сократить затраты рабочего времени на изготовление ее в шестнадцать раз. Благодаря этому приспособлению Ямщиков начал выполнять новые нормы

на триста процентов. Эта рационализация позволила также улучшить качество продукции и применять труд рабочих невысокой квалификации. Мастер Селиверстов предложил новый раскрой материала. Это предложение способствовало экономии более сорока тысяч рублей в год.

Рационализаторы Карпунин и Семенов внесли предложение об использовании отходов производства, мастер Трофименко сделал приспособление, с которым упрощалась шлифовка деталей и сокращалось время обработки с сорока часов до восьми.

Рабочие испытывали трудности с жильем, некоторые дома, построенные из первого попавшегося строительного материала, в спешке, через некоторое время приходили в негодность. Так, в 1942 году построили большой двухэтажный дом и в него заселили лучших людей завода - стахановцев. Спустя год печи начали разваливаться, оконные рамы и двери, сделанные из сырого леса, перекошились, в дыры проникали пыль и холод. В результате нерадивого отношения эти новые заводские общежития в короткий срок пришли в негодность. В адрес руководства завода в сентябре 1943 года была направлена резкая критика, давшая свои результаты, - общежития отремонтировали²⁵.

Коллектив завода участвовал в сборке теплых вещей и белья для Красной Армии. Например, к началу 1942 года заводчане собрали 31 тысячу рублей на одну тысячу посылок с новогодними подарками для бойцов. Заметную роль в истории завода сыграл приказ Наркомата авиационной промышленности от 25 сентября 1943 года. Вот его содержание:

"1. Директору завода № 47 Котову организовать на заводе производство транспортных самолетов конструкций т. Щербакова с двумя моторами М-11Д по образцу самолета, прошедшего государственные испытания согласно акту НИИ ВВС КА от 28 августа 1943 года, и обеспечить выпуск: в декабре 1943 года - 5 самолетов, в январе 1944-го - 10, в феврале 1944-го - 20 самолетов, в марте 1944-го - 30 самолетов.

2. Утвердить главным конструктором завода № 47 т. Щербакова Алексея Яковлевича.

3. Главному конструктору завода № 47 т. Щербакову передать на производство всю необходимую техническую документацию по самолету ЩЕ-2...

4. Директору завода № 482 т. Каневскому Я. М. не позднее 1 октября с. г.:

а) перевезти на завод № 47 личный состав опытно-конструкторского бюро т. Щербакова;

б) передать и отгрузить на завод № 47 все конструкторское оборудование, чертежные принадлежности, архив чертежей, документы, планы, шаблоны, приспособления, принадлежащие СКВ т. Щербакова;

в) отремонтировать и передать заводу № 47 самолет ЩЕ-2 за № 01, прошедший государственные испытания от 23 августа 1943 года...

9. Самолет впредь именовать ЩЕ-2 (Щербаков-2)".

Приказ подписал нарком авиационной промышленности А. Шахурин.

На постановку серийного производства самолетов ЩЕ-2 Наркомат выделил полтора миллиона рублей, в распоряжение главного конструктора А. Я. Щербакова поступило восемьдесят тысяч рублей для поощрения работников, участвовавших в постройке самолета ЩЕ-227.

Очередной заказ оказался "крепким орешком". Заводу было дано задание выпустить первую головную серию

ЩЕ-2 в декабре 1943 года в количестве пяти экземпляров. Изготовление имело свои секреты и трудности. Прежде чем попасть на фронт, новый самолет выполнил не менее двадцати полетов по маршруту Оренбург - Куйбышев - Москва.

Авиастроители старались справляться с заказами военного времени. Несгибаемая воля, мужество, стойкость сотен рабочих, инженеров завода были направлены на укрепление арсенала фронта. Все кадры авиационников - от конструкторов, ученых и организаторов промышленности до рабочих и инженеров - работали с максимальной отдачей.

Продукция завода регулярно поступала на фронт. Туда шли и самолеты, изготовленные на личные средства трудящихся. Когда в печати появилось сообщение о внесении 100 тысяч рублей на покупку боевого самолета Феропонтом Головатым, шотландский врач из Эдинбурга прислал саратовскому колхознику письмо, в котором говорилось, что за границей не верят, что у Головатого могут быть последователи.

Но вот в декабре 1942 года председатель передового колхоза "Ударник второй пятилетки" Оренбургского района Сергей Евдокимович Кужман приобрел на свои сбережения Як-6 и передал его 13-й гвардейской дивизии, сражавшейся в то время у стен Сталинграда²⁸. Председатель колхоза "18 лет Октября" того же района Н. П. Ваулин так же купил боевой самолет и передал его гвардейской части. 120 тысяч рублей внес на постройку самолета колхозник артели "Свободная жизнь" Тоцкого района И. Ф. Болотин, 100 тысяч рублей сдал член колхоза "12-й год Октября" Соль-Илецкого района И. П. Халин, 150 тысяч - тракторист Краснопартизанской МТС Шакир Хамитов²⁹. Колхозник села Рождественки Шарлыкского района

И. П. Миляев за 100 тысяч рублей приобрел самолет и передал его своему земляку генералу А. И. Родимцеву. В музее завода привлекает внимание фотография, запечатлевшая момент передачи самолета боевым летчикам из дивизии А. И. Родимцева.

Активно участвовали в патриотическом движении и другие оренбуржцы.

Когда на фронтах обстановка стала меняться в лучшую сторону, появилась дополнительная возможность позаботиться о свободном времени авиационников. В феврале 1944 года заводской комитет комсомола принял решение о создании на заводе большого хора. Руководить им на общественных началах согласилась И. Н. Григорьева. Ираида Николаевна записывала в хор только тех, кто отвечал ее строгим требованиям. За короткое время в самодеятельный коллектив пришли около шестидесяти человек. Репетировали не реже трех раз в неделю. Затем создали танцевальную группу, ее руководителем, и тоже на общественных началах, стал балетмейстер музыкальной комедии Гулеско. Первое выступление хора и танцевальной группы состоялось на торжественном вечере, посвященном 1 Мая, в столовой завода на специально сооруженных подмостках. К этому времени в хоре и танцевальной группе было сто человек. В пошивочной мастерской завода для участников хора сшили костюмы из заводских материалов. Хор исполнил песни военных лет: "Шумел сурово Брянский лес", "Ой, туманы мои, растуманы", "Клен ты мой зеленый" и другие.

В программу концерта вошли и другие номера. Тепло были встречены частушки в исполнении Тамары Требуховой и Шуры Еремеевой. Участники художественной самодеятельности помнят: "Частушки сопровождал такой гром аплодисментов, что, казалось, ветхая крыша столовой вот-вот взлетит".

Их было много, частушек военного времени:

Припевки мои,
Милы колотушки,
Всех врагов бьют они
По самой макушке.
Черный ворон, не кружись,
Не кружись, не каркай.
Побежденным быть тебе
В этой схватке жаркой.

Заводской хор полюбили, он приобрел широкую известность в городе и часто выступал перед оренбуржцами. В День Победы хор и танцевальная группа на нескольких автомашинах колесили по всем площадям Оренбурга, давая концерты.

Но концерты - в свободное время. А утром - снова напряженная работа.

В 1945 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 ноября за успешное выполнение задания по выпуску оборонной техники награждены 48 человек, в том числе орденом Трудового Красного Знамени - Л. П. Скроцкий, Ф. П. Салькин, С. А. Рычагов. Орденом Красной Звезды и "Знак Почета" - 20 человек, медалями "За трудовую доблесть" и "Трудовое отличие" - 25 человек.

В числе награжденных А. С. Можарцев, В. М. Поцелуйко, Г. Ф. Уткин, В. В. Венцель, К. И. Полещиков, И. И. Никитенко и другие.

Так жили и трудились оренбургские авиационники в годы Великой Отечественной войны, таким был их вклад, ставший подвигом через поколения и века. И можно понять сетования органа фашистской армии "Das Schwarze Korps", который писал в 1943 году: "Нам кажется чудом, что из необъятных советских степей встают все новые массы людей и техники, как будто великий волшебник лепит из уральской глины в любом количестве большевистских людей и технику".

Боевые патроны с оренбургской пропиской

Фронту чем ответил тыл?
Тыл в работе не остыл.
Эшелоны бомб, снарядов -
Вот подарок тыловой!
И патронов миллионы -
Вот - подарок боевой.

А. Репкин

Кто хоть однажды бывал на ветеринарном факультете Оренбургской сельскохозяйственной академии, наверняка помнит мемориальную доску. Она лаконично сообщает о том, что в годы Великой Отечественной войны здание факультета занимал оборонный завод. Еще лет десять назад да время капитального ремонта корпуса студенты находили здесь гильзы, которые теперь стали экспонатами исторического музея академии. Они

- живое напоминание о том, та получило оренбургскую прописку одно из старейших военных предприятий страны - Луганский патронный завод.

А биография завода зарождалась в далеком XVIII веке. После того, как в результате русско-турецких войн Крым и всю Черноморское побережье от устья Днестра стало владением России, появилась необходимость укрепить южные границы и охраняющий их флот дополнительным вооружением и боеприпасами. Тогда-то указом Екатерины II от 14 ноября 1795 года в Крымских степях началось строительство пушечного завода. Во время Крымской кампании и Отечественной войны 1812 года луганские пушечники поставляли для русской армии орудия и снаряды. В 1895 году по решению царского правительства один из старейших арсеналов репрофилируется в 1-й Государственный Луганский патронный завод, каковым он оставался и после революции... В 1940 году это военное предприятие имело девятнадцать основных и вспомогательных цехов.

С первых дней Великой Отечественной войны судьба завода, как и всей страны в целом, была подчинена условиям военного времени. Поскольку не исключалась вероятность оккупации этой территории, в целях предотвращения возможного захвата завода немцами, уже 30 июня 1941 года Государственный комитет обороны принял решение об эвакуации Луганского завода в тыловые области страны, в том числе и части цехов - в Оренбург. И через месяц с небольшим, 10 сентября, директор завода А. Ф. Тарасенко назначил начальниками эшелонов по эвакуации: П. К. Иванова - в Ульяновск, Ф. Т. Саятина - в Челябинск, В. И. Шабанова - в Казань, Т. П. Мичукова - во Владимир, А. И. Фролагина - в Оренбург.

Здесь вопрос о размещении военного завода, получившего литерное обозначение "№ 545", рассматривали два дня: непросто было отыскать место под промышленные мощности столь серьезного предприятия. 20 августа приняли окончательное решение в следующей редакции: "Обязать директора сельхозинститута Куранова передать в трехдневный срок заводу № 545 все производственные и подсобные помещения за исключением учебного корпуса"².

Началась подготовка к приему оборудования и рабочих. А в Луганске в это время собирались в дальнюю дорогу. Анатолий Ильич Фролагин, руководитель оренбургского эшелона, вспоминал: "В начале сентября 1941 года приехал на завод заместитель наркома оборонной промышленности. На большом заводском собрании он сообщил, что завод частично должен эвакуироваться и нужно немедленно готовиться к эвакуации. Народ с тревогой воспринял это сообщение. Ведь большинство работающих жили в собственных домах, не мыслили, как это оставить все хозяйство и уехать. Некоторые, таких было, правда, немного, прямо заявили, что никуда не поедут".

Но основной костяк коллектива, конечно же, осознавал суровую необходимость военного времени и потому безоговорочно подчинился казарменному положению, введенному на производстве в связи с эвакуацией/Бригады день и ночь работали на демонтаже и погрузке оборудования. Станки, прочая техника устанавливались на открытых платформах, не было времени ни на упаковку груза, ни на его консервацию. Люди размещались в товарных вагонах, не имея возможности взять с собой не только какую-либо мебель, но и самые необходимые вещи для домашнего обихода, лишнюю одежду. На некоторых платформах наспех устраивали крыши и стены, обивали их досками, одеялами, так как наступало время осенних дождей и холодов; 28 сентября поезд отправился на восток.

Конечно, дорога была не из легких. Эшелон с людьми и материальными ценностями шел в непрерывном потоке других железнодорожных составов. Нередко приходилось подолгу простаивать на небольших станциях, пропуская военные эшелоны, спешащие на фронт. Но все-таки они избежали страшной участи многих других переселенцев, попадавших под бомбежки или не успевших выехать до захвата территории врагом.

На оренбургской земле основной эшелон встречали ранее приехавшие директор С. А. Роднов, главный механик Скорняков, начальник отдела кадров Спозинцев. Прибывших разместили по квартирам в основном частного одноэтажного сектора - на улицах Ленинской, Тимирязева, Туркестанской, 12-го Декабря, Чичерина, Красноармейской, Красного казачества и других.

Одна из бывших луганчанок, А. И. Репринцева, вспоминает: "Наступили холода. Шли проливные дожди. Никто не жаловался, хотя пришлось очень трудно. Люди приехали с небольшими узелками. Не было одежды. Многие жили в подвальных помещениях или во временно построенных бараках".

Но благоустроить не было времени. Сразу же после прибытия приступили к работе. Разбились на бригады: одна разгружала оборудование, вторая перевозила станки, третья занималась установкой; копали траншеи для кабеля подстанции, монтировали, укомплектовывали цеха. Самые горячие участки возглавляли приехавшие из Луганска специалисты - начальник цеха А. Д. Левитов, заместитель С. А. Короткое, технолог Е. А. Попов, старший мастер А. Р. Бабич, диспетчер А. А. Зиньковский.

Завод занял два городских участка: основной - территория сельскохозяйственного института, его хирургическая и терапевтическая клиники, корпус ветеринарного факультета, где на первом этаже начал работу гильзовый цех. Производственные площади располагались тоже на улице Постникова, 4 и на площади имени Первого Мая. В складах Главсахарсбыта разместили на хранение кислоты, масла, топливо. На этом же участке располагались пульный, инструментальный цехи. Здесь же сколачивали ящики для готовой продукции.

И все-таки производственных площадей и вспомогательных помещений было недостаточно, что усложняло задачу быстрее налаживания работы. В октябре директор С. А. Роднов попросил руководство области предоставить новому предприятию для временного пользования тир зенитного училища, два пороховых погреба и каменные помещения на окраине города.

Положение на фронтах было критическое, частям и соединениям требовалось вооружение, и потому, чтобы наладить его, использовались все средства. В короткие сроки предстояло пустить основные цехи - пульный, гильзовый и зарядательный - главные в технологической цепочке производства. Но различные неувязки мешали ввести в эксплуатацию столь необходимое предприятие. Поэтому секретарь Оренбургского обкома партии А. А. Дубровский обратился за помощью и поддержкой к члену Государственного Комитета Оборона Г. В. Маленкову. В официальном документе сообщается о возникших проблемах с кабельной продукцией и электрооборудованием, металлом для основного и вспомогательного производств, с транспортом.

В начале октября, в связи с приближением вражеских войск к Москве, ГКО принял решение о первоочередном выделении средств и материалов оборонным заводам. Тогда перед управляющим оренбургской базой "Металсклад" была поставлена задача передать заводу № 545 в суточный срок необходимые для производства материалы. Однако это распоряжение лишь частично сняло напряженность ситуации. Изготовление боеприпасов требовало точного соблюдения технологии, автоматизации процессов. В новых условиях возник дефицит контрольно-испытательной техники, качественных материалов и сырья. Изношенное оборудование нуждалось в ремонте, а запасных деталей не было. Критическое положение сложилось со стройматериалами.

Согласно решению Государственного Комитета Оборона завод обязан был начать работу 16 октября. Однако к указанному сроку изготовить первую продукцию не удалось. 11 октября вопрос о срыве пуска завода обсуждался на бюро Оренбургского горкома партии. Дата пуска была перенесена на 20 октября.

Кризисное состояние было преодолено с помощью неожиданного пополнения - в Оренбург прибыла часть эвакуированного завода, который первоначально направлялся во Владимир, но изменить маршрут пришлось в связи с усложнившейся обстановкой на фронте. С приездом опытных специалистов завод получил второе дыхание и уже в декабре 1941-го выпустил 307 тысяч винтовочных патронов⁵. Стремительно наращивая производство, предприятие стало ежемесячно отправлять на фронт более 15 миллионов патронов. Какой ценой удалось достичь этих успехов!

Главная трудность состояла в постоянной острой нехватке рабочей силы. На первый квартал 1942 года заводу не доставало 75 лекальщиков, 100 слесарей-монтажников, 125 токарей-строгальщиков, фрезеровщиков и шлифовщиков - рабочих основных профессий. Не хватало мастеров, инженеров и техников. Неблагоприятно сказывалась и частая замена руководителей - за годы войны сменилось на заводе пять директоров, четыре главных инженера.

Условия работы на предприятии были крайне тяжелыми. Малоприспособленные помещения не позволяли соблюдать температурный режим, отчего летом в цехах было невыносимо жарко, а зимой - холодно. На многих участках производство было вредным для здоровья из-за использования свинца, соляной кислоты, медного купороса.

Анатолий Иванович Фролагин, работавший на заводе, вспоминает: "Зимой в цехе была температура минус четыре градуса, замерзала вода в питьевых бачках, а у работниц пули при работе приставали к рукам. Для обогрева мы поставили в цехе железные печки-буржуйки. Работницы, проработав за станком или на осмотровых операциях по 15 - 20 минут, подходили к печке и согревали руки. Затем снова все повторялось..."

Но и после рабочего дня большинство заводчан не имело возможности отдохнуть, как следует. Например, в одном из общежитий на улице Челюскинцев, в старой землянке без пола, с забитыми фанерой окнами проживало 120 человек. Спали на голых досках. Сюда даже днем не проникали солнечные лучи.

Такие условия работы и быта не могли не сказаться на здоровье людей: грипп, ангина, гнойные кожные заболевания и даже малярия и тиф выводили их из строя. Как свидетельствуют статистические данные отчетов, лишь в феврале 44-го на заводе от нарывов и фурункулов страдало 86 человек.

В трудовом коллективе все меньше оставалось крепких мужских рук - здоровые трудоспособные мужчины уходили на передовую. Все чаще пополнение штата осуществлялось за счет неопытных подростков. Только за первый квартал 1942 года с завода было призвано на защиту Отечества свыше 120 человек.

Недостающие кадры надо было срочно восполнять. И в январе 1942 года руководители завода отправились в старшие классы оренбургских школ. Обращаясь к юношам и девушкам, они просили их отложить учебу до лучших времен и помочь заводу. Фронт ждал боеприпасы.

Архивные документы того времени донесли до нас далеко не все имена и фамилии юных оренбуржцев, откликнувшихся на призыв. Среди них значатся: Н. И. Макеева, В. Н. Никитина, В. И. Газукин, Т. М. Судоргина, Л. Ф. Еременко, А. А. Мормуль, Е. Н. Михарева, Л. П. Аржанухина, Г. И. Савинкова... Кто-то из участников того героического времени, очевидно, по-прежнему живет в нашем городе, бережно сохраняя память о тех трудных годах, передавая ее по наследству своим детям и внукам.

Часть молодежи сразу приступила к работе, другие осваивали профессии в ремесленном училище № 6. В цехах действовали стахановские школы, в которых передовики производства делились своим опытом с молодыми кадрами. Было развито и индивидуально-бригадное ученичество: квалифицированные рабочие по договору с администрацией занимались обучением вновь поступивших, как молодых, так и взрослых. Проблема привлечения кадров, их патриотическое воспитание, производственно-техническая подготовка приобрела таким образом, важнейшее военно-хозяйственное значение. В феврале 1942 года на заводе числилось 2484 человека, из них 1592 рабочих, 426 учеников.

До наших дней дошло письмо секретариата Оренбургского горкома партии. Оно адресовано трудовому коллективу завода и написано было 25 августа 1942 года: "С озверелостью фашистские полчища рвутся вперед, не считаясь ни с какими потерями. В опасности многие жизненные центры страны, в том числе Кавказ и Волга. Завод вырабатывает крайне необходимую для Красной Армии продукцию, но работает не в полную мощность... Такого положения терпеть нельзя. Каждый, в ком бьется сердце советского патриота, каждый, кто озабочен судьбой своей Родины, должен дать себе слово: нет, больше так продолжаться не может. С сегодняшней же смены я постараюсь приложить максимум усилий и умения, чтобы дать фронту больше боеприпасов. Помните, товарищи, что ваш коллектив, каждый из трудящихся завода несет личную ответственность перед Родиной, перед бойцами Красной Армии, перед родными и близкими. Если вы хотите, чтобы ваши мужья и братья, отцы и дети, находящиеся в рядах Красной Армии, не погибли, выпускайте больше боеприпасов. В ваших руках находится жизнь многих близких и дорогих вам людей, от вас зависит судьба советских городов и сел, находящихся под серьезной угрозой... Нужно забыть обо всем, кроме одного - истреблять всех немецких оккупантов, пробравшихся на нашу Родину для ее порабощения. Каждый ящик вашей смертоносной продукции несет гибель фашистским мерзавцам..."

Письмо это горячо обсуждалось в сменах, бригадах, на митингах. Оно пришло в трудный для страны момент - шли ожесточенные бои за Сталинград, и на заводе вновь было введено чрезвычайное положение, коллектив работал без выходных дней.

Вот как вспоминает об этом периоде войны Надежда Ивановна Макеева, начавшая свой трудовой стаж на заводе в пятнадцать лет. На ее долю выпали три самых трудных года: "Работать приходилось до появления соли на ресницах... Физически трудной для меня, молоденькой девушки, была операция по высыпанию тридцатикилограммового ящика гильз в корытце с мыльным раствором. От усталости в перерывах засыпали прямо на рабочем месте. Если задерживалась продукция, я засыпала тут же на железном ящике, свернувшись клубком. Когда бригадир подвозил очередной ящик с гильзами, он стучал железным крючком по ящику, чтобы я проснулась, и я вскакивала... На участке шлифовки капсюлей часто срывались ремни с барабанов, приводимых в движение электричеством. На вращающийся барабан надо было успеть надеть ремень. Однажды на этой операции мне прищемило палец, а у одной из женщин затянуло под ремень и оторвало руку и грудь... Часто приводилось отвозить ящики с гильзами в другой цех, где они заряжались боевым зарядом. Пять-шесть ящиков на тележке весили около 200 килограммов. По прямой груз еще можно было везти, но когда приходилось поворачивать, то хоть плачь, не хватало сил сдвинуть тележку с места..."

А вот фрагмент из воспоминаний ветерана завода Андрея Григорьевича Гречанина: "Я работал в инструментальном цехе № 4. Шлифовальщиком был в единственном числе. Поэтому мне приходилось работать по 16 часов в сутки, а то и по несколько дней не выходя из цеха. Были и другие специалисты в единственном числе. И они, подобно мне, работали помногу часов без отдыха".

Да, какие бы тяготы ни взваливало суровое военное время на тружеников тылового Оренбурга, они старались преодолеть их, что называется, всем миром. И если в первые годы войны все силы заводчан, все их помыслы и чувства были направлены только на одну цель - во что бы то ни стало ввести свой завод в строй действующих, то к концу 43-го и дальше жизнь

работников патронного завода начала входить в более или менее обустроенное русло. Так, руководству удалось организовать свое подсобное хозяйство на территории Акбулакского района. Это позволило значительно улучшить рацион питания в столовых, отпускать нуждающимся семьям фронтовиков обеды на дом. Дополнительное питание выдавалось в качестве поощрения передовикам производства, стахановцам, которые составляли 73 процента всех рабочих. А к 25-й годовщине Красной Армии от имени завода на фронт была отправлена громадная посылка. Что в нее вошло - об этом строки из информации Оренбургского горкома ВКП(б) от 18 февраля 1943 года: "...в посылку коллектива завода № 545 вложено 120 кг свинины, 30 кг сала, 40 кг сдобных сухарей, 40 кг копченой рыбы, 10 кг печенья, 200 кг консервов, 880 носовых платков, 800 кисетов, 75 литров вина, 200 расчесок, 5 кг табаку, 48 портсигаров, 20 бумажников, 10 свитеров, предметы туалета".

Вот так оренбургский тыл помогал фронту ковать победу, помогал всем, чем только мог. Об этом хорошо сказано в стихах военной поры, где точно подмечена трогательная частичка жизни оренбуржцев:

А вот подарок матери-хозяйки:
Чай, нитки, нож, бумага для письма,
Кисет и две мохнатые фуфайки -
Она бойцам связала их сама.

С конца 1943 года стало улучшаться обеспечение продовольствием семей, имеющих малолетних детей. Появилась возможность лучше снабжать детские сады и ясли¹².

И, наконец, наступила пора, когда у рабочих патронного стало оставаться время и для отдыха, которое они старались использовать на общее благо. За пять месяцев 45-го заводскими кружками художественной самодеятельности было проведено двадцать четыре концерта: пять - в театрах, семь - в госпиталях, три - в школах, три - в общежитиях, два - в детсадах, четыре - на общезаводских вечерах. В коллективах цеховой художественной самодеятельности участвовало около четырехсот участников. В их составе - хор, ансамбль струнных инструментов из тридцати человек, драматический кружок и другие. Самодеятельные артисты выступали в подшефных Октябрьском и Акбулакском районах. А на смотре народного творчества, который состоялся в марте 45-го, самодеятельные артисты патронного завода заняли первое место и были награждены Почетной грамотой. Об этом до сих пор помнит одна из участниц художественной самодеятельности А. И. Серикова. Ей за успехи вручили тогда брезентовые туфли на деревянной подошве. Среди ее друзей по самодеятельности были Евгений Дробинин, Володя Ключвин, Николай Соколов.

Активное участие заводская молодежь принимала и в городских спортивных мероприятиях: в марте заводская команда заняла первое место в лыжном двадцатикилометровом переходе. Популярностью среди молодых пользовались волейбольные, футбольные секции. А помимо всего прочего завод шефствовал над городскими военными госпиталями. Так, один из цехов постоянно заботился о раненых госпиталя № 4407. После рабочей смены парни и девушки по очереди дежурили возле тяжелобольных обитателей госпиталя. Та же Анна Ивановна Серикова вспоминает: "Раненые в знак благодарности собирали для нас сахар, масло и, несмотря на наши протесты, загораживая дверь костылями, все-таки заставляли брать их гостинцы. Дома над этими гостинцами мы плакали".

Коллектив завода неоднократно был победителем различных соревнований. В 1944 году он занял третье место во Всесоюзном социалистическом соревновании. Ведущее место в трудовом соперничестве занимали комсомольско-молодежные бригады, которых к этому году насчитывалось свыше ста. Лучшими были бригады Жидкова, Южина, Ермакова, Щербакова, а смена Довгалева за свою работу получила переходящее Красное знамя горкома ВЛКСМ. Стахановцами были токарь-фрезеровщик цеха № 4 Т. М. Лигостаев, выполнивший норму более чем на триста процентов, работница цеха № 3 В. Е. Дадченко, выдававшая ежедневно по полторы нормы, В. И. Кривицкий, перекрывавший задание на сто семьдесят и более процентов.

В начале победного 1945 года труженики патронного отправили коллективное письмо маршалу Г. К. Жукову и в феврале получили от него ответ. Прославленный полководец поздравил рабочих и специалистов с производственными успехами и охотно принял предложение стать почетным членом цехового коллектива. Письмо вызвало еще больший подъем среди трудовых масс завода. За месяц до великой Победы коллектив завода № 545 обратился ко всем рабочим, инженерно-техническому персоналу и служащим промышленности области с призывом развернуть первомайское социалистическое соревнование за досрочное завершение апрельской производственной программы. Соревнование проходило под лозунгом: "Кто сегодня работает хорошо, завтра должен работать отлично!"

И вот пришла Победа!

Три с лишком. Почти что четыре.
По-нашему вышло. Отбой.
Победа - хозяйка на пире,

Так вот ты какая собой!

Так вот ты какая! А мы-то
Представить тебя не могли.
Дождем, как слезами, омыто
Победное утро земли.

Долгожданную весть о триумфальном окончании Великой Отечественной войны работники патронного завода встретили закаленными, спаенными трудовым содружеством, вышедшими на небывалые рубежи производительности. За годы, прошедшие на оренбургской земле, завод № 545 дал фронту 740 миллионов 955 тысяч штук патронов¹⁴. На протяжении сорока семи месяцев непрерывной работы в уральском тылу завод семнадцать раз занимал призовые места во Всесоюзном социалистическом соревновании предприятий Наркомата вооружений. Если бы на каждом патроне, несшем гибель захватчикам, можно было написать имя его творца, то сотни рабочих-оренбуржцев заняли бы свое достойное место среди рядов защитников своего Отечества и победителей в этой мировой схватке с фашизмом.

Вскоре после окончания войны предприятие вместе с эвакуированными работниками и оборудованием возвратилось в родной Луганск. Однако и до сегодняшних дней между ветеранами завода № 545, живущими на Урале и на Украине, существует тесная связь: они встречаются, переписываются, ибо эти годы стали их общей судьбой и общей историей.

Долг милосердия

День и ночь она глаз не смыкает, -
У постели больного сидит.
То тихонько ему напекает,
То о Родине с ним говорит.

*Из красноармейской газеты
"Красное знамя",
13 ноября 1944 года*

С первых месяцев войны в Оренбург шли эшелоны с ранеными. Для нуждающихся в длительном лечении было сформировано 16 эвакуогоспиталей. Кроме того, действовало четыре полевых подвижных госпиталей, три хирургических полевых подвижных, один инфекционный и один военный.

Под госпитали отвели лучшие здания - учебные заведения, больницы. Было решено приспособить для лечения раненых помещения ряда средних школ. Так, в школе № 24 на улице Чичерина развернули госпиталь для тяжелооболченных - "ампутантов"; ранобольных разместили в корпусах тридцатой, второй и тридцать девятой школ, лечебные корпуса - в сельскохозяйственном, педагогическом институте, фельдшерско-акушерской школе.

К приему раненых готовилось и население города. Оренбуржцы щедро делились тем, что так нужно было создаваемым лечебным заведениям, - бельем, постельными принадлежностями, деньгами. Рабочие и служащие передали на оборудование госпиталей пятьдесят тысяч рублей, а работали на городских воскресниках в пользу раненых более 1500 рабочих дней. В июле 1941 года в подготовке госпиталей участвовало более 1870 домохозяек. Они в короткий срок убрали городские помещения, предназначенные для госпиталей, навели уют.

Вся подготовка к приему раненых прошла в необычайно короткое время. Быстрыми темпами готовили медицинские кадры.

Каждый госпиталь имел свой номер. Для наших современников это - обычные цифры, но для фронтовиков, членов их семей они имеют почти магический смысл. Святы они и для тех, кто в тяжелую пору не жалел силы, чтобы поставить бойцов на ноги, вырвать их из лап смерти. Вот эти номера: 4405, 4406, 4407, 4408, 4409, 1654, 1655, 1656, 1657, 1658, 3326, 3327, 4148, 4237, 4238, 5428, 5254, 1308 и др.

За каждым госпитальным номером тревожная напряженная жизнь медиков. Поправив свое здоровье, бойцы снова уходили на фронт добывать ненавистного врага.

В городе действовало семнадцать госпиталей, из них только на территории Дзержинского района было восемь.

Для многих современных жителей Оренбурга номер фронтового госпиталя - их юность: они приходили в госпиталь почитать книгу больному или написать за раненого письмо родным и близким. Здесь работали молодые девушки, окончившие медицинские курсы, и маститые, убеленные сединами профессора, известные ученые.

Надо сказать, что с кадрами проблема стояла очень остро. Ведь большинство врачей и средних медработников надели военные шинели. На фронт ушли высококвалифицированные хирурги, травматологи, терапевты, невропатологи и другие специалисты. На их место пришло много молодежи.

Семнадцатилетней девочкой начала работать в госпитале Зоя Фокеевна Бахарева. Помнит, как краснела от каждого слова, как смущалась, когда приходилось выполнять прямые обязанности, как сострадала чужой боли. "Я всегда ассистировала на операциях, и мне нередко приходилось ампутировать конечности у молодых, красивых ребят, пилить кость, а у самой сердце обливалось кровью... В ночные дежурства вместе с санитарками мыла полы во всем коридоре, и не шваброй, как сейчас. Некрашенный пол скоблился косырем, а он тяжелый, и Боже упаси, если где-то пропустить узкую полоску.

Нелегко было отправлять раненых на рентген в другой корпус. Один располагался на улице М. Горького, другой - в начале улицы Советской. Раненые были в гипсовых повязках, чаще всего неходячие, а это тяжесть такая, что не верится, как могла их носить, да еще на такое расстояние. Хорошо, если легкораненый поможет. Жила я на Новостройке и на работу ежедневно ходила пешком".

Ночные дежурства, тяжелейшие операции, боль, страдания - все это выпало на долю оренбургских медиков. Все свои силы и время они отдавали уходу за ранеными и больными.

В начале войны не хватало квалифицированных хирургов, проявлялась острая нужда в специальной подготовке медперсонала для работы в госпиталях. С 15 декабря 1941 года было введено обязательное повышение квалификации для всех врачей (кроме хирургов). Они проходили 1,5 -2-месячные курсы без отрыва от производства. Занятия велись по три часа в день. Курсы повышения квалификации действовали и для среднего медицинского персонала.

В оренбургских госпиталях была отлажена четкая система специализированной помощи³. Медики делали все возможное для внедрения современных методов лечения и ухода за ранеными и больными. Новейшие хирургические методы сочетались с лечебной физкультурой, трудотерапией, физиотерапией и использованием климатических факторов.

Руководство госпиталей учитывало то обстоятельство, что врачи не были знакомы с травматологией в том объеме, который требовался. Поэтому с октября 1941 года для них ввели чтение систематического курса по травматологии военного времени. Лекции читал профессор Городнинский. По инициативе профессора А. З. Цейтлина, при эвакуированном Харьковском медицинском институте организовали курсы по военно-полевой хирургии, на которых занимались по обширной программе с отрывом от производства. Эту специальность стали осваивать и врачи-педиатры, среди них Бурова, Шулухина, Муравская, Акопян, Макарова и другие.

Организаторами лечебного дела в госпиталях выступали главные хирурги, профессора Городнинский, Цейтлин, доценты Брайцев, Кузьменко, Силантьев. В одном из официальных отчетов, отправленных в Управление госпиталями страны, отмечалось: "С именем главного хирурга А. К. Силантьева связано начало плановой хирургической работы, переливания крови, внедрение новых методов лечения. Силантьев был и являлся любимцем медработников и раненых, лежащих в госпиталях"⁵. Под руководством А. К. Силантьева было подготовлено восемнадцать хирургов, которые со второй половины 1944 года работали самостоятельно.

Развертывание эвакуогоспиталей в Оренбурге шло не только по линии общего профиля, но и по линии специализированного лечения раненых. В госпитале № 1654 из 500 больных 460 было протезных и 40 - психоневрологических; в № 1658 из 600 раненых - 200 черепных и позвоночных, 250 - челюстных; в госпитале № 3327 из 400 раненых - 150 туберкулезных, 150 - с болезнями грудной клетки, 100 - общехирургических; в госпитале № 4405 все 200 мест занимали инфекционные больные; в госпитале № 4407 из 400 мест 200 принадлежали больным трофическими язвами.

Специализированное лечение поступивших раненых и больных на основе их обследования и соответственно характеру стадии заболевания являлось важнейшей задачей. Процент специализированных госпитальных коек в общей системе эвакуогоспиталей Наркомздрава РСФСР только за первые восемь месяцев 1943 года вырос с 14,9 до 21,1.

Все эвакуационные госпитали, сформированные в военное время и расположенные в тыловых районах страны, передавались в ведение Народного комиссариата здравоохранения СССР.

Обслуживающий персонал госпиталей состоял в основном из женщин. Заместитель начальника госпиталя № 1658 Т. Сабитов вспоминал: "Врачам и медсестрам приходилось трудиться по две смены, а когда прибывали эшелоны с ранеными, работники госпиталя не покидали своих мест сутками. И ни упрека, ни жалобы на трудные условия работы".

С большим напряжением трудились врачи Бальбирдина, Перепляникова, Мархашова, Ячковская, Зеленкова, Глущко, медсестры Федчина, Вялых, Рахимова, Дорофеева, Сосырева. Этот список может быть продолжен многими и многими именами. Почти у каждой на фронте воевали близкие, часть женщин уже получила печальные похоронки. У Александры Ивановны Шагаевой погибли муж, отец, дядя, а перед самой Победой - родной брат. Горю не было конца, но и на слезы времени не оставалось - раненые просили, молили о помощи.

"Милосердные сестрички, белые косыночки, положите осторожно дролю на носилочки..." - частушка военного времени - наивная, грустная, признательная, пронзительная. Она о них - медсестрах госпиталей. Сколько ран перевязали их руки, сколько заскорузлых бинтов перестирали. Или сколько написали писем родным и близким, сколько ободряющих слов сказали раненым, что воистину стали сестрами тысячам людей.

Мария Васильевна Лаушкина рассказывала: "Особенно трудной выдалась первая военная зима. От морозов лопались отопительные батареи, из-за сырых дров были перебои с горячей водой, а когда гас свет, то работали при коптилках на рыбьем жиру. В главном корпусе госпиталя № 359 отопление было печным, но не хватало дров, и тогда в саду на территории госпиталя пилили деревья. Ими топили печи, готовили на кухнях пищу, грели воду для купания раненых, мытья посуды.

В операционных на случай отключения света устанавливалась машина "Домино", которую крутил один человек. Часто для этого сажали по три-четыре выздоравливающих раненых, и они по очереди крутили машину, приговаривая с юмором: "Крути, Гаврила, служи, дурила".

В одном из эвакуогоспиталей работала Вера Федоровна Шишкина, ставшая впоследствии поэтессой, автором многих сборников. Живет она в Москве. О далеких сороковых рассказывала: "Раненые тяжелые. Челюстное отделение. Стихи им читала, просто разговаривала. Цену доброго слова поняла. Из госпиталя по два дня не выходила, помогала. Карточки продовольственные потеряла. Беда! Десять рублей осталось. Что купишь на них? На черствую лепешку и то не хватало. Не знаю, как бы все сложилось. Раненый знакомый увидел, как я упрещаю тетку продать лепешку. Хлеба, тушенку, ком сахара дал".

Об общем настрое той трудной поры медсестра А. И. Шагаева сказала так: "Хорошо мы жили тогда - дружно. Работа в госпитале скорей не работой была, а жизнью. Это не от звонка до звонка, а когда с ног валишься, и глаза сами закрываются. Когда заканчивали оформление документов, а санитарки все еще полы мыли, белье окровавленное собирали в стирку, то и мы оставались им помогать. Понимали, что ли, друг друга больше, сочувствовали". Она работала в госпитале № 1658, что находился в здании школы № 30 по улице Советской.

Приказом НКЗ СССР от 16 марта 1942 года предписывалось организовать сортировочные госпитали или сортировочные отделения во всех крупных городских или районных центрах на железнодорожных путях сообщения. До этого раненых распределяли в местном госпитале Наркомата обороны, который находился в здании школы № 39. С марта 1943 года сортировка раненых и больных была возложена на госпиталь № 1656. В 1943 году он принял 113 военно-санитарных поездов, в 1944-м - 92, в 1945-м - 19, всего 22 424. Тогда казалось, что потоку раненых не будет конца.

Выгрузку поездов надлежало проводить за три-четыре часа. Как правило, сроки прибытия санитарных поездов на станцию Оренбург не выдерживались, да и когда приходили, их не всегда быстро подавали на платформу под выгрузку раненых. Не счесть бессонных ночей. Обычно начальник госпиталя, заместитель по политической части и начальник медицинской части лично руководили всем процессом выгрузки, транспортировки и обработки раненых.

За четыре года в госпитали Оренбурга поступило 28 095 раненых и больных, из них "носилочных" - 17 000. В штате сортировочного госпиталя было шестнадцать мужчин санитаров-носильщиков. Они не успевали быстро разгрузить военно-санитарный поезд и отправлять раненых в госпитали. На помощь приходили санитарки, медсестры, а также женские санитарные дружины. В одну из них входили 53 женщины из семей офицеров оренбургских авиашкол, среди них Кустова, Гамова, Рожкова, Банникова.

Не было ни одного несчастного случая при транспортировке раненых, а ведь морозы достигали сорока градусов. Выгрузка производилась чаще всего ночью. В 1943 году через сортировочный госпиталь прошло 12 803 человека. Все звенья работали четко, продуманно. При малейшей заминке в перевязочной, санпропускнике или на каком-либо другом участке немедленно приходила помощь.

В сортировочном госпитале производилась медицинская сортировка поступивших, определялось их последующее эвакуационное назначение, выявлялись лица, нуждающиеся в неотложном медицинском вмешательстве. Этот же госпиталь доставлял раненых в другие лечебные учреждения в соответствии с характером ранения или заболевания. Всего за время работы сортировочного госпиталя к местам дальнейшего лечения направили 20 291 человека.

Конечно, не все доживали до врачебной помощи. Вот что вспоминает Мария Николаевна Шулюпина: "Обычно ночью поднимали по тревоге на разгрузку раненых. Самое страшное было, конечно, обмывать умерших, грузить на машину или подводу и отвозить на кладбище. Сколько смертей видела, а привыкнуть к этому зрелищу не смогла".

Руководство области и города постоянно контролировало работу госпиталей. Например, 20 июля 1944 года Оренбургский горисполком принял решение "О мероприятиях по улучшению работы госпиталей", результаты которой были доложены в Москву секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву¹⁰. Здесь, в столице, деятельность госпиталей страны тоже находилась под

пристальным вниманием соответствующих органов. В приказе народного комиссара здравоохранения СССР Г. А. Митерева об итогах 1-го пленума Госпитального совета при Главном управлении эвакуационных госпиталей НКЗ СССР от 1 июня 1942 года отмечалось: "...местные органы здравоохранения и лечебный состав эвакуационных госпиталей, работая с исключительной преданностью, добились в деле лечения раненых и больных значительных успехов: высокого процента возврата в строй раненых, выписываемых из госпиталей, незначительного процента смертности...; резкого снижения числа раневых осложнений...; уменьшения числа ампутаций и других операций, связанных с удалением части или целого органа...; широкого применения методов восстановительной хирургии с хорошими исходами и внедрения новейших методов лечения раненых..."

Они, эти новейшие методы, разрабатывались при огромной загруженности повседневной лечебной деятельностью. Научный поиск давал свои плоды, так необходимые в изменившихся условиях военного времени.

Профессор С. Г. Миронов изучал причины возникновения септической ангины, нашел способы лечения и профилактики этой болезни. Профессор М. М. Левин исследовал проблему лечения язвы голени грамицидином и альбуцидом. Грамицидин С обладал более мощным действием на бактерии при лечении инфицированных ран и гнойных процессов, чем аналогичные препараты. Доцент А. К. Силантьев занимался разработкой способа оперативного закрытия каловых свищей огнестрельного происхождения путем внебрюшного подхода к поврежденной кишке. В госпиталях Оренбурга применялась пластика коротких культей голени - метод, освоенный врачом госпиталя № 1655 Л. А. Смирновой. В этом же госпитале костнопластические реампутации изучал доцент Т. А. Вольский, раневые дистрофии - доктор медицинских наук профессор Е. М. Манбург. Врач Лысенко занимался усовершенствованием приборов для устранения тяжелых повреждений лица и помогал устранить дефекты после челюстно-лицевых ранений.

Профессор Тамарин в начале апреля 1942 года успешно применил электромагнит при операциях по извлечению осколков, а также работал над темой "Экспертиза туберкулезного больного". Большую помощь госпиталям оказывал профессор А.М. Гаспарян, ректор Харьковского медицинского института.

Этот институт был эвакуирован в Оренбург, и в годы войны его ученые концентрировали свое внимание на проблемах военно-полевой терапии, в частности, острого ревматизма, нефрита и острых лихорадочных состояний. Этими вопросами были заняты профессора Е. Черников, С. Сальников, И. Брауде. Для врачей лечебных учреждений города институт неоднократно проводил конференции на темы: "Переливание крови", "Обморожение и ожоги", "Ранения периферической нервной системы и их лечение", "Витамины и витаминотерапия" и другие.

Всего за годы войны институт провел в городе Оренбурге свыше 25 научных конференций и сессий.

В 1943 году в Оренбурге прошла конференция по лечению трофических язв. Госпиталь № 4409 имел специализированное отделение по их лечению. На конференции выступил профессор М. М. Левин - научный руководитель госпиталя. В присутствии 120 врачей Оренбурга он провел три типовые операции - наложение вторичных швов и пластическую операцию по закрытию трофических язв на коже¹⁹. О том, насколько это было актуально, можно судить по замечанию заместителя наркома здравоохранения СССР С. А. Колесникова, который отметил: "Из важнейших достижений научно-лечебного порядка, нашедших себе применение в эвакуационных госпиталях и определивших результаты лечебной работы, необходимо указать на внедрение вторичного шва".

Широкое применение вторичного шва позволило резко увеличить процент успешного заживления ран. В некоторых медицинских учреждениях вторичный шов применялся с осени 1941 года и более широко - в 1942 году. Начиная с 1943 года, после 7-го пленума Ученого медицинского совета при ГВСУ, он получил повсеместное применение и был регламентирован в директивном порядке.

Медики наблюдали, анализировали, систематизировали, а потом выступали перед врачами с чрезвычайно полезными сообщениями, предложениями, выводами²¹.

Руководство области и города делало все необходимое для нормальной работы медиков. Ученые выполнили десятки исследований, имеющих практическое значение. По проблеме лечения огнестрельных ранений и травм успешно работали профессора-хирурги, одновременно руководившие крупными эвакуационными госпиталями.

В октябре 1942 года в Оренбурге, по инициативе профессоров-хирургов медицинского института, было создано общество хирургов Оренбургской области²². В состав его правления вошло семнадцать профессоров и врачей-хирургов. Общество ставило своей задачей максимально быстрое излечение раненых. Значительную роль хирургическое общество сыграло в повышении квалификации и научном росте молодых врачей²³.

Профессора, преподаватели этого института, помимо выполнения своих основных обязанностей, работали в госпиталях, поликлиниках в качестве консультантов.

Еще в начале войны были созданы так называемые "бригады усиления", в состав которых входили профессоры, доценты Харьковского медицинского института, а также врачи госпиталей. Члены этих бригад регулярно выезжали в Орск, Бузулук, Сорочинск, Кувандык, Саракташ и другие населенные пункты, обсуждали актуальные медицинские проблемы и проводили показательные операции. К госпиталям Оренбурга было прикреплено восемь профессоров и доцентов, которые работали там два полных дня в неделю. С госпиталями сотрудничали также еще шесть профессоров и доцентов-терапевтов, шесть невропатологов, три инфекциониста. Ученые и врачи-практики добились значительных успехов при лечении раненых на базе эвакогоспиталей.

Бывший врач госпиталя № 1654 Т. С. Мирощенко в своих воспоминаниях писал: "Раненым, доставленным к нам в госпиталь, нужна была немедленная помощь. Все операции были, как правило, трудоемкими. Состояние раненых осложнялось множеством осколков от снарядов, мин, которые мешали заживлению ран. Врачи и весь медперсонал работали самоотверженно. Домашние семейные заботы приходилось отодвигать на второй план. С отдыхом, свободным временем не считались, забывая, сколько в сутках часов. Ночь ли, полдень - оперировали, выхаживали тяжелых, как малых детей, берегли их самочувствие, как самое дорогое. А оно на самом деле было дорогим, потому что это было самочувствие наших защитников, которым снова после выздоровления предстояло возвратиться на фронт. Работали не за премию, даже не за привычную зарплату. Все продовольствие было по карточкам. Но никто и думать, не смел о каких-то льготах, каждый знал, что и от него зависит успех на фронте".

Однако бывало, что, несмотря на все усилия, раненые умирали. Их хоронили на военном кладбище, которое теперь располагается на проспекте Победы за Вечным огнем. Здесь в войну каждому госпиталю отводили территорию. Холмики, поросшие травой, - все, что осталось от многих захоронений. Житель Оренбурга Г. В. Новиков, по просьбе украинского фонда "Поиск", установил имена 208 воинов Украины, захороненных в Оренбурге. Благодаря его деятельности родственники умерших узнают о местах захоронения своих близких.

Подавляющая часть раненых бойцов спешила подлечиться и снова уйти на защиту Отечества. Вспоминает старшая медсестра госпиталя № 1308 Вера Михайловна Мосолова: "Многие раненые рвались на фронт, требуя, чтобы их признали годными к строевой службе и направили опять в войсковую часть. Они внимательно следили за происходящим на фронте, отмечали на картах оставленные врагу населенные пункты и занятые нашими войсками. Боже упаси, чтобы где-то не работал репродуктор, а они, как на грех, часто выходили из строя. Помню, в госпитале лечился боец с прекрасной памятью. Прослушав радиосводку, он потом ходил из палаты в палату, пересказывая содержание новостей. Тогда он нас здорово выручил".

Медперсонал делал все возможное, чтобы побыстрее восстановить здоровье раненых, тем самым, пополняя ряды Красной Армии и вкладывая свой труд в дело победы над врагом.

Далеко не всем раненым удавалось встать в строй. Многим пришлось пойти на инвалидность. Таких обучали мирным профессиям²⁶. В апреле 1942 года непосредственно в госпиталях Оренбурга 145 бойцов и командиров обучались на счетных работников, 42 - на фотографов, 18 человек - на сапожников, 20 - на нормировщиков, 25 - на товароведов²⁷. Преподаватели сельскохозяйственного института читали инвалидам курс ветеринарии и полеводства.

В 1943 году лучшими в трудовом обучении инвалидов были признаны госпитали № 658 (начальник госпиталя Мартов), № 1654 (начальник Жуков) и госпиталь № 1659 (начальник Кочнев).

Большую работу в госпиталях проводили комсомольские организации. Особенно она активизировалась после выхода Постановления ЦК ВЛКСМ "О работе комсомольских организаций по обслуживанию раненых"³⁰. Сотни людей принимали участие в разгрузке военно-санитарных поездов и оказывали самую разностороннюю помощь эвакогоспиталям. В Оренбурге над госпиталями шефствовали все крупные предприятия и организации. Шефами госпиталя № 4407 были Верховный суд СССР, завод № 545, школа № 39. Над госпиталем № 3326 шефствовал станкозавод, № 1658 - паровозоремонтный завод, горторг. Ленинградский оперный театр и школа № 33 заботились о раненых госпиталя № 1657. Артисты драмтеатра, учителя и учащиеся школ № 33 и 36, сотрудники отдела народного образования постоянно дежурили в подшефном госпитале № 4408. Шорно-седельная фабрика, пивзавод, пединститут, школа № 24 проявляли заботу о бойцах, лечившихся в госпитале № 1655. Татарский театр, госархив, школы № 17 и 28 шефствовали над госпиталем № 3327. По инициативе женщин железнодорожного узла, студентов пединститута, работниц швейной фабрики, на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях создавались шефские комиссии помощи раненым бойцам. Комсомольцы почтамта радиофицировали подшефные палаты своего госпиталя. 132 работницы швейных

мастерских Оренбурга систематически чинили и шили белье для раненых. Женсовет Молдавской ССР дежурил в палатах. Для госпиталя № 1655 шефы отремонтировали 1800 пар белья, сшили 1650 простыней. В госпитале № 1658 шефы отремонтировали здание.

Военно-воздушная академия шефствовала над одной из палат госпиталя № 1658 (здание школы № 1 по улице Советской). 8 ноября 1941 года шефы устроили товарищескую встречу с ранеными бойцами, принесли подарки, устроили чаепитие.

Стирали бинты, белье студенты сельскохозяйственного, медицинского, педагогического институтов. Это была "тьма трудоемкая работа. Поэт Николай Доризо справедливо писал:

Вчерашние школьницы -
Мамины дочки,
Давно ль
Полоскали вы
Куклам платочки?
А здесь, у корыт,
Во дворе госпитальном
Своими ручонками
В мыле стиральном
"До ссадин больных
На изъеденной коже
Смываете с жесткой
Солдатской одежды
Кровавую, плотную
Глину
Большого похода...

А белье в корытах с мылом перебивало горы. Одни активисты оренбургской артели "Строгая охрана" только за декабрь 1942 года выстирали для подшефного госпиталя 12,5 тонны белья.

В те годы существовал Оренбургский городской комитет помощи больным и раненым³³. Комитет занимался подготовкой помещений для госпиталей, доставкой раненых в сортировочный госпиталь, организацией донорства, дежурства сандружинниц, сбора и распределения посылок для раненых.

К госпиталям прикреплялись не только различные организации, но и колхозы. Так, шефами госпиталя № 4407 стали шесть организаций и Белозерский район. Сельские жители обеспечивали раненых продовольствием³⁴. Почти у каждого госпиталя были свои шефы из села. Они участвовали не только в снабжении продовольствием, но и в переквалификации раненых-инвалидов. Работа направлялась госпитальными шефскими советами. Так, колхозы Сакмарского района провели большую работу по обеспечению госпиталя № 1654 диетическими продуктами и трудоустройству выписавшихся красноармейцев и командиров, снятых с военного учета.

Конечно, без широкой помощи со стороны общественности, советских органов, шефов госпиталям глубокого тыла было бы трудно обойтись. Профессор Н. Н. Яковлев в одной из своих книг приводит такой факт: "Ни одна армия в мире не имела столь высокого процента бойцов, возвратившихся в строй по излечению от ран. Страна не знала в самое суровое время инфекционных заболеваний".

Широкий размах приобрело донорское движение. По призыву Красного Креста сотни оренбуржцев стали донорами. В марте 1942 года 110 работников эвакуированного из Москвы Верховного суда СССР состояли в РОКК, 70 человек являлись донорами³⁶. Немало людей сдавало кровь многократно. В тяжелые военные годы Оренбургская городская станция переливания крови работала бесперебойно³⁷. Госпитали не испытывали недостатка в крови. Особенно охотно на станцию переливания шла молодежь. Патриотическое движение доноров позволило сохранить сотни жизней воинов, способствовало их возвращению в строй. Если в первую мировую войну 65 процентов умерших от ран погибли из-за потери крови, то в годы Великой Отечественной войны смертность по этой причине составила менее десяти процентов.

Начальник областной станции переливания крови писал в областную газету: "Дают свою кровь рабочие, служащие, домохозяйки. Они бесплатно отдают кровь для бойцов. На стеклянных банках, наполненных могучим лечебным средством - консервированной кровью, имеется паспорт: на нем были обозначены фамилия донора, группа, количество крови. Но, кроме этого, строго официального, лаконичного бланка ко многим банкам прикреплялось еще и маленькое письмо, написанное рукой патриота-донора. Сколько душевного тепла в этих письмах!

"Дорогой боец! Отдавая свою кровь, я желаю от всей души, чтобы она помогла вам. Сообщите мне. Чкалов, прокуратура, Соколовой Любе". Или другое письмо: "Дорогой боец! Я

вступаю в ряды доноров и отдаю кровь для спасения вашей жизни. Лосева Дуся, Краснознаменная, 5".

На письма доноров приходили ответы. "Товарищ Лукьянов! - писал боец Воеводин. - Вчера мне была влита ваша кровь. Теперь я чувствую себя хорошо. Сердечно благодарю вас. Мы не знаем, друг друга, но нас объединяет одно чувство - чувство великой ненависти к коварному врагу. Надеюсь в скором времени выздороветь. Обещаю вам, что, возвратившись на фронт, я с еще большей энергией буду драться с фашистскими варварами до полного уничтожения".

Несчетное количество людей связало кровными узами донорство. За сданную донорами кровь выплачивалось денежное вознаграждение. Однако сотни оренбуржцев отказывались от денег или передавали их в Фонд обороны Родины, на приобретение подарков для раненых воинов или для детей, оставшихся без родителей.

В целях поощрения доноров Президиум Верховного Совета СССР 24 июня 1944 года принял специальный Указ "Об утверждении знака "Почетный донор СССР". Этой награды в годы Великой Отечественной войны было удостоено более четырех тысяч человек. Дважды почетным донором СССР стала Галина Ивановна Бабаскина (1908-1975 годы). В войну работала поваром в воинской части. Много лет была донором и всего сдала свыше 160 литров крови, в том числе 30 литров - в годы войны.

Заметим, что активное движение россиян в донорском движении удивляло зарубежных медиков. Английский хирург Уотсон Джексон в опубликованном в 1943 году докладе о своей поездке в СССР отмечал: "...многое у них делается лучше, чем у нас".

Заметную работу проводили активисты Общества Красного Креста. В Великую Отечественную они заботились о раненых, инвалидах. Городская организация Красного Креста подготовила сотни сандружинниц⁴⁰. Одна из них, командиром которой была Ирина Ивановна Клыкова, действовала особенно успешно. Эта сандружина подготовила сотни девушек-санитарок. В 1967 году она в числе одиннадцати советских женщин была награждена международной медалью "Флоренс Найтингел".

Прославились в войну и дружинницы Захарченко, Андреева, Сухова и другие.

Духовную жизнь раненых в госпитале старались заполнить всем, что было доступно. Каждый госпиталь имел клуб или комнату для массовой работы. Раненым читались лекции и доклады на военно-исторические темы. В госпитале № 1655 с 15 июля 1941 года по 28 июня 1945 года провели 4924 политинформации и беседы, 258 лекций, организовали 323 концерта, 330 просмотров кинофильмов, три литературных вечера, 26 торжественных заседаний, 21 митинг, 1964 чтения художественной литературы, 18 шахматно-шашечных турниров, 22 концерта художественной самодеятельности, выпустили 137 стенгазет, 410 боевых листков, 18 фотомонтажей.

В сортировочном госпитале за четыре года библиотеку посетили 91 080 человек, читателям выдали 36 309 книг. В госпитале для раненых провели 50 литературных лекций, 1328 "громких чтений". Это в наши дни телевизор и радио стали бессменными спутниками нашей жизни, а полвека назад для прикованного месяцами к постели больного большой радостью было послушать газетные и журнальные статьи, произведения Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького и т. д.

В госпиталях любили стенные газеты. В сортировочном госпитале регулярно два раза в месяц выходила "стенновка" "За здоровье". Кроме того, выпускались стенгазеты и в отделениях. За все время существования госпиталя вышло 156 общегоспитальных газет, в каждом отделении - по 146 номеров. Стенгазеты выпускали раненые, в них они делились боевым опытом, писали об обслуживании больных. Это заполняло их досуг, поднимало настроение.

Областное управление кинофикации в 1941 году часть звуковых киноустановок передало госпиталям. В 1943 году в среднем ежемесячно в каждом госпитале демонстрировалось 25 кинофильмов и 7 концертных выступлений, в 1944-м - 25 кинофильмов. Для прикованных к постели больных госпиталя № 4409 фильмы показывали каждый день. Коллектив клуба имени В. И. Ленина организовал для раненых бойцов 174 концерта, 13 киносеансов.

Большим успехом среди раненых пользовались кинофильмы "Дубровский", "Цирк", "Волга-Волга", "Светлый путь", "Пятый океан" и другие.

Всю войну киномехаником проработала в госпитале № 1656 Вера Алексеевна Скобинская-Авдоница. "Работать приходилось много, - вспоминает она. - С утра несешь десять-двенадцать коробок с кинолентами в кинопроектор на обмен. До обеда необходимо показать фильм тяжело раненому офицерскому составу. После тихого часа обслуживалась еще одна палата, а потом аппаратура переносилась в здание педучилища и до шести-семи часов вечера в коридоре демонстрировался фильм. После чего аппаратура вновь возвращалась в актовый зал пединститута, где давался еще один сеанс".

И так каждый день. Часто Вера Алексеевна совсем не уходила домой, так как прибывали раненые, и для них "гоняли" пластинки на патефоне. Если находился раненый, способный крутить ручку патефона, то тогда Скобинская-Авдонина присоединялась к медсестрам, помогая носить раненых. "Удивлялась, откуда силы брались, ведь были полуголодные. Да еще кровь часто сдавали, получая, правда, за донорство дополнительные карточки на хлеб и крупу.

От заведующей отделением Марии Васильевны Бабанцевой мне часто попадало за нарушение режима: в палате, где лежали раненые без рук, без ног, я крутила фильмы сверхнормы, а в тихий час писала от их имени письма родным, читала газеты, прикуривала папиросы... Занималась и в кружке художественной самодеятельности, руководимой артисткой Ленинградского оперного театра".

Возвращаясь в часть или домой, бойцы писали теплые, благодарные письма врачам и коллективу госпиталя. Н. С. Докучаев из Орловской области писал: "...спасибо за лечение. Хочу сообщить Вам о своем здоровье. С ногой у меня дело обстоит хорошо, рана закрылась. Много раз благодарю Вас за хорошее лечение, сейчас пока я отдыхаю, но скоро буду работать".

В День Победы, 9 мая 1945 года, написал письмо из Томска Е. А. Лободин: "...после выписки из госпиталя я поехал по назначению. Здоровье мое хорошее, раны в порядке, за это большое спасибо коллективу III отделения". Эти незамысловатые письма удалось обнаружить в архиве военно-медицинских документов. Искренние строки, идущие от сердца.

Нет-нет, да и вспоминают ветераны своих спасителей. В местных госпиталях лечились и оренбуржцы. В госпитале № 4405 выхаживали В. И. Прокаева. "В палате нас лежало, - вспоминает боец, - по семнадцать человек". Запомнил В. И. Прокаев А. Макарова из Рязанской области, Н. Амосова из Горьковской, Н. Веселова из Костромской, К. Цекова и других. Больше всего, несомненно, врезалась в память встреча с матерью.

"...Встреча, конечно, была неожиданной и волнующей. Я лежал и читал, прошла женщина в белом халате, дошла до стены и тихо говорит:

- А Прокаев здесь лежит?

Солдат спрашивает:

- Мамаша, а как его зовут. Всех-то фамилий мы не знаем.

- Володя, - последовал ответ.

И солдат показал на меня. Мы не виделись с мамой с августа 1942 года, когда на станции Айдырля она бежала за поездом и кричала: "Пиши! Пиши! Родной!"

Расплакалась, расцеловала, приговаривая: "Какой бледный, какой худой, один нос остался". Она с пристальным вниманием рассматривала меня. Лицо целое, руки целые, под одеялом шевелю ногой... Она ничего не знала о моем ранении, я писал, что тяжело ранен, как выпишут, приеду домой. Я не стал хитрить и сказал прямо: "Мама, ты не пугайся, но мне оторвало ногу..."

Она расплакалась, и начала меня целовать. В апреле 1946 года меня выписали домой".

Тяжелораненые, такие как В. Прокаев, требовали много внимания. В обслуживании раненых помощь женщин и детей была самой разнообразной: дежурство по палатам, уборка помещений, стирка белья и его починка. Но особую ценность имело дежурство женщин у изголовья тяжелораненых, поддержка их ласковым, ободряющим словом. Без их бескорыстной помощи медперсонал не справился бы со всеми своими задачами. Улучшалось настроение, повышался жизненный тонус у раненых и после шефского концерта, от душевного слова.

Солдатские матери и жены в те годы после работы на время становились сиделками у госпитальных коек, сестрами милосердия. Не случайно эффект сердечности и доброты сравнивался с результативностью хорошего лекарства.

Война войной, а молодость брала свое. За подшефного раненого вышла замуж медсестра Любовь Якимова из госпиталя № 4405. В госпитале № 1665 лечился И. С. Грищенко. В сентябре 1941 года он был тяжело ранен. В сталинградском госпитале ему ампутировали обе ноги, в оренбургском - его поставили на протезы. Председателем шефской группы в госпитале № 1665 была Любовь Семеновна Сергушкина. В ее палате он был самым тяжелым больным. Они подружились, потом пришла большая любовь, и в 1944 году они поженились. После войны жили в Киеве, имеют сына, дочь и троих внуков.

Остался в Оренбурге раненой Владимир Мирошниченко. Некуда ему было ехать. Родное село разбомбили. Он работал в хозяйстве госпиталя.

Ивана Куприяновича Белевцова доставили в оренбургский госпиталь из-под Харькова с тяжелым ранением головы и глаза. Выходили его местные медики, и после лечения он был направлен в подсобное хозяйство в Донгуз. Здесь и познакомился Белевцов с Марией Никитичной Чернышевой. Их семья основательно пустила корни на оренбургской земле, где подрастают уже их правнуки.

Врачи, медсестры и санитарки, сталкиваясь с трагическими реальностями войны - смертями, увечьями, страданиями, - проявляли подлинный героизм, восстанавливая здоровье воинов. Они - образец высокого гражданского, профессионального и человеческого долга. И не

только сами больные чувствовали это. Об этом писали и зарубежные газеты. Так, редактор научного отдела английского агентства "Ассошиэйтед пресс" Блейколи в статье о советской хирургии писал, что низкая смертность среди раненых в Красной Армии и высокий процент возвращения в строй "является чудом в области медицины".

С наступлением советских войск количество госпиталей в Оренбурге уменьшилось. В ноябре 1942 года не стало госпиталя № 1657; 7 сентября 1943 года город простился с ЭГ-3326. В 1944 году прекратили свою работу в Оренбурге эвакогоспитали № 1308, 4409. Одни госпитали расформировывались, другие отправлялись ближе к фронту - на запад.

"Каждый возвращенный в строй воин - это наша общая победа", - писала газета "Правда" 9 августа 1941 года. И это бесспорно.

Шла война, но жизнь продолжалась.

Кто скрывает, было очень туго,
Но мечтами каждый был богат.
Мы умели понимать друг друга...

В. Гончаров

Память очевидцев тех лет то прячет, то раскрывает все детали. И только документы помнят все точно. В них зафиксировано, что в Оренбурге в военное время разместили целый ряд наркоматов. 10 июля 1941 года Совет по эвакуации решил направить сюда Наркомат совхозов РСФСР (прибыло сто сотрудников Наркомата). 20 июля Совет по эвакуации принял распоряжение об отправке из Москвы Наркомата станкостроения СССР. Оренбург принял 100 сотрудников Наркомата и 250 членов семей. Наркомат находился по адресу: переулок Хлебный, 2. 29 июля заместитель Наркома станкостроения СССР И. Комзин подписал приказ о "максимальной помощи фронту"¹. В приказе говорилось: "Квалифицированные инженеры и техники, служащие Народного комиссариата станкостроения СССР и их семьи, прибывшие в Чкалов, должны быть застрельщиками мобилизации местных ресурсов для развертывания кооперации между заводами нашего Наркомата". Согласно приказу была сформирована группа из девяти человек, начавшая обследование промышленных предприятий Оренбурга с целью оказания технической помощи заводам в организации помощи фронту.

На Южный Урал эвакуировали учреждения Наркомата путей сообщения СССР: Управление НКПС (800 сотрудников и 2 тысячи членов их семей), трест "Трансводстрой НКПС" и трест "Мосторемонттоннель НКПС"².

В военные годы Оренбург превратился в своего рода правовую столицу. Город во второй половине июля 1941 года принял Народный комиссариат юстиции СССР, 20 июля 1941-го - 170 сотрудников Верховного суда СССР и 340 членов их семей. Кроме того, приехали 700 сотрудников Московского управления НКВД и 2500 членов их семей.

К концу октября 1941 года в Оренбурге начали работу эвакуированные Управление военных трибуналов (23 сотрудника и 45 членов их семей), Военная коллегия Верховного суда СССР (49 сотрудников и 119 членов их семей), Прокуратура СССР (467 сотрудников и 1211 членов их семей), Главная военная прокуратура.

Малоизвестной страницей является пребывание в эвакуации в Оренбурге Главного управления лагерей (ГУЛАГ), Главного тюремного управления, Главного управления милиции.

В эвакуации Прокуратура СССР продолжала принимать меры к выявлению и устранению любых нарушений закона, к восстановлению нарушенных прав и привлечению виновных к ответственности. Работая в Оренбурге, Прокуратура СССР добивалась, чтобы выработанные меры доводились до конца, позволяли предотвращать перерастание отдельных правонарушений в опасные противозаконные деяния. Во время деятельности Прокуратуры СССР в Оренбурге бригады прокуроров были посланы в Омскую, Новосибирскую области и Алтайский край для проверки осуществления прокурорского надзора за реализацией указаний правительства об оказании помощи эвакуированным.

При Прокуратуре СССР регулярно проводились совещания. В начале 1942 года одно из них было посвящено рассмотрению работы бригады прокуроров в Армении и Азербайджане.

Оренбург в те годы стал крупнейшим хранилищем архивной документации. Сюда из Вильнюса были вывезены наиболее ценные в политическом отношении архивные документы - дела департамента тайной полиции буржуазной Литвы, заведенные на коммунистов и социал-демократов, материалы предварительного следствия на членов оппозиционных к правительству партий, документы профашистских и некоторых других организаций - около десяти тысяч дел³.

Из Риги в Оренбург отправили часть документов Центрального государственного архива Латвийской ССР - 43 фонда (32 456 дел). Их запаковали в 93 ящика и 52 мешка. "Это были особенно ценные уникальные документы вместе с научно-справочным аппаратом - материалы секретариата президента буржуазной Латвии, министерств и других учреждений буржуазной

Латвии за 1919-1940 годы, Политуправления МВД - документы, которые могли представлять особый интерес для фашистов", - отмечают специалисты.

Из Риги эвакуировали также материалы Министерства снабжения, Управления железнодорожной полиции буржуазной Литвы.

Кроме того, в тыл отправили четыре ящика с древними грамотами на пергаменте. Из Риги все вышеназванные документы были вывезены 26 июня, в Оренбург они поступили 10 августа. Эти документы сначала разместили временно, 17 ноября им было предоставлено оборудованное помещение Оренбургского областного архива.

20 июля из Ленинграда отправили документы Ленинградского архива Октябрьской революции и социалистического строительства (в настоящее время он переименован в Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). В фондах архива найдено письмо, написанное сотрудницей А. И. Рубиной в мае 1942 года в Оренбурге и отправленное в Ленинград: "Очень трудно писать из глубокого тыла и выражать сочувствие и восхищение героям Ленинграда, но поверьте, что за все время нашего пребывания в Чкалове не было и дня, когда мы не думали о вас всех и не стремились к вам. В такое время особенно тяжело быть вдали от людей, с которыми за долгие годы совместной работы успела сродниться, не знать ничего о них и сознавать свою полнейшую невозможность помочь...

Наши ленинградские материалы, за исключением 60 кулей Совнархоза, взятых для обработки в рабочее помещение, хранятся в церкви. Помещение церкви не протекает, сухое и в наших чкаловских условиях удобное для хранения материалов. Во всяком случае, ленинградские материалы, благодаря их упаковке, находятся в настоящее время в таком же состоянии, как и до отъезда из Ленинграда".

В марте - апреле 1942 года Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, Центральный государственный архив Красной Армии, Архив древних актов, Центральный исторический архив, фото-, фоно-, киноархив отправили в Оренбург и Орск 3 миллиона 53 тысячи дел, а также 200 тысяч фотодокументов и 7118 коробок киноматериалов.

В связи с эвакуацией Госархив был вынужден освободить один из этажей своего хранилища для материалов Центрального архива Красной Армии, документов Латвийской ССР, Гомельского облисполкома, Главгидростроя НКВД СССР.

Сотрудник архива из Ленинграда отмечала в письме: "...из Москвы сюда (в Оренбург - А. Ф.) все время поступают материалы и люди. Апрель и половину мая мы затратили на разгрузку и размещение московских материалов". Помещений для хранения документов явно не хватало, приходилось довольствоваться складами, сараями и т. д. В Красном городке в подвальном помещении хранились материалы Центрального государственного архива кино-, фото-, фотодокументов. Сотрудник ЦГАОРА П. К. Десятерик 15 марта 1944 года записал в своем дневнике: "С крыш льет вода. Она просачивается через окна в подвальное помещение, где размещены документальные материалы. Часть ящиков сегодня перемещена в другое помещение, но большие и тяжелые пока остались на месте. Есть опасность, что они будут подмочены".

Историки, работающие сегодня над делами многих архивов, даже не подозревают, что эти документы пережили свое рождение дважды. Второе пришлось на военное время, когда при эвакуации документы были спасены от врага.

В Оренбурге хранители бесценных сокровищ - архивисты, музейные работники - продолжали вести огромную текущую работу. Сотрудники архивов занимались систематизацией документальных материалов, их описанием. Из ленинградских документов в Оренбурге обрабатывались материалы Совнархозов.

15 октября 1944 года была освобождена Рига, но еще в начале лета, в июне, в Оренбурге создаются три оперативные группы по восстановлению работы в архивах Латвии. Одну из них возглавил начальник Центрального госархива Латвийской ССР А. Я. Кадикис, вторую и третью - старший инспектор архивного отдела Я. Я. Берлаукс и старший научный сотрудник Э. И. Апельс.

В результате эвакуированные предприятия и учреждения заняли практически все пригодные для оборудования городские помещения. Даже Никольская соборная церковь была отведена под хранилище архивных документов, вывезенных из Ленинграда. Оренбуржцы остались без храма.

Однако люди не могли отказаться от вековых традиций. Так, рождественские богослужения в Оренбурге в январе 1944 года прошли в двух домах: на улице Островского и на улице Кавалерийской, 63. На службе присутствовало более пятидесяти человек. Богослужение провел священник Б. Н. Кротевич.

Священник И. С. Прокопович в праздник Рождества провел службу на квартире одной из верующих, где собралось около сотни человек. Большое число православных пришло на праздничное богослужение, проведенное священниками Г. И. Тучиным и И. М. Рачеткиным.

Бывшие монашки закрытого в 1923 году женского монастыря А. Ф. Шубина, А. Ф. Нефедова, Н. Н. Котова, Е. Н. Ломакина, М. А. Неверова стали добиваться открытия церкви в Оренбурге. Много сил отдал этому богоугодному делу инвалид Н. П. Кузьмин. В одном из донесений сотрудника Оренбургского управления НКВД отмечалось: "В январе 1944 года в Оренбурге была создана из числа активных религиозников группа для открытия церкви".

Усилия верующих увенчались успехом - в 1945 году Никольская соборная церковь была открыта, а архивы вернули свои документальные ценности в родные места.

Кроме архивных документов, Оренбург принял ценнейшие экспонаты Рязанского художественного музея.

Трудности, напряженность эвакуации имели и свою положительную сторону: после войны Оренбург приобрел ряд промышленных предприятий, которые так и не были эвакуированы. Кроме того, война, как ни странно, способствовала развитию культуры и просвещения. Так, в Оренбурге открылась филармония, был основан медицинский институт и организованы филиалы еще двух вузов.

В Оренбург прибыл весь профессорско-преподавательский состав 1-го Харьковского медицинского института. Контингент студентов к началу 1941/42 учебного года составил 650 человек, из них: 350 эвакуированных и 300 вновь поступивших. С 1 ноября 1944 года начались занятия на четвертом курсе, а с 10 ноября - на всех остальных. В Оренбурге институт провел четыре выпуска врачей: в феврале и августе 1942 года, в июле 1943-го, в мае 1944 года. В 1943 году среди выпускников отличниками учебы стали Е. Тележная, А. Лурье, М. Литвиненко, Л. Малафий, Л. Ермолаева, Р. Горанская¹⁰. В 1944 году из 48 выпускников - 20 получили дипломы отличников¹¹. Всего в Оренбурге было выпущено 511 специалистов. Кроме этого, одна тысяча студентов-мужчин четвертого и пятого курсов Харьковского медицинского института были переведены в Военно-медицинскую академию в Куйбышев.

Выпускники института в основном пополнили ряды фронтовых врачей. Ученые Харьковского медицинского института плодотворно занимались научной работой. Перед медицинской наукой в период войны стояла задача огромной важности - найти новые эффективные методы лечения раненых, чтобы в кратчайшие сроки восстановить боеспособность бойца, не допустить возникновения эпидемических заболеваний. В первый год войны ученые института завершили 90 научных работ, во второй - 115.

Дирекция мединститута организовала в марте 1943 года конференцию по вопросам бруцеллеза и малярии. На ней были заслушаны доклады профессоров С. Н. Синельникова, З. А. Гуревич, С. Я. Штейнберга¹². Весной в одном из госпиталей состоялась научно-оборонная сессия по травмам головного мозга и периферической нервной системы.

Одна из научных сессий была посвящена освобождению Харькова от немецких оккупантов. На ней были заслушаны доклады на тему: "Новые данные о септической ангине", клиническим проблемам краевой патологии, доклады об инфекционной желтухе, малярии. Результаты научных исследований, проведенных в Оренбурге, публиковались в центральной печати. Работа Л. Б. Литвака "Болевой синдром при ранении периферических нервов и его лечение" была напечатана в журнале "Госпитальное дело". В статье сделаны выводы по наблюдениям, которые велись в госпитале 1,5 года (всего 124 случая)¹⁵.

Практика показала, что медицинский институт является центром научной, лечебной и санитарно-просветительской работы для региона¹⁶. В крайне сложных условиях решались важнейшие проблемы. Ученые-медики быстро вводили в практику новые методы диагностики, средства лечения и оперативного вмешательства.

На основании приказа Народного комиссара юстиции СССР Н. М. Рычкова и постановления коллегии Наркомата юстиции СССР от 20 ноября 1941 года в конце 1941 года в Оренбурге открылся учебно-консультационный пункт Всесоюзного юридического заочного института, а с 1 января начал работу филиал этого учебного заведения.

Как только в местной газете опубликовали объявление о приеме в заочный юридический институт, немедленно стало поступать большое количество заявлений от желающих продолжать юридическое образование или получить его. В филиале работали три доктора юридических наук - Г. С. Гурвич, М. М. Исаев, М. М. Гродзинский. Преподавательский состав пополнили научные сотрудники Всесоюзного юридического заочного института НКЮ СССР, эвакуированные в Оренбург во главе с директором ВЮЗИ М. В. Хорохориным¹⁷.

Научные сотрудники, служащие и студенты Оренбургского сельскохозяйственного института также внесли свою лепту в победу над фашистской Германией. На второй день войны были призваны в ряды Красной Армии И. Г. Крузе, зав. кафедрой физической культуры, старший преподаватель кафедры основ марксизма-ленинизма В. И. Мазаев, ассистент кафедры паразитологии И. И. Доманов, ассистент кафедры фармакологии О. Г. Копытова, студенты ветеринарного факультета А. П. Герасимова, М. И. Власова, Е. П. Бычкова и др.

В первый год войны из стен института ушло защищать Отечество более 170 человек. Звания Героя Советского Союза были удостоены: проректор К. П. Орловский, в войну командир

партизанского отряда на белорусской земле¹⁹; студент Е. А. Ключников, о ратных делах которого рассказано в книгах "Подвиг во имя Родины", "Подвиги их бессмертны".

На фронте погиб преподаватель кафедры растениеводства П. Е. Езонов, прошедший путь от батрака до доцента, не вернулся студент-отличник ветеринарного факультета И. Денисов, большинство студентов пятого курса агрономического факультета погибли в боях за Москву в 1941 году.

Уже в 1942 году институт стал испытывать трудности, связанные с эвакуацией промышленных предприятий и учреждений из центра и юга страны на Урал. В 1941 году, по решению местных и центральных организаций, сельхозинститут передал главный корпус Наркомату станкостроения, позднее - эвакогоспиталю, ветеринарные клиники - под Луганский патронный завод № 545, студенческое общежитие - сотрудникам Наркомата станкостроения²⁰.

Институт оказался в столь сложной ситуации, что поступило предложение перевести его в совхоз "Караванный" или закрыть. Только после предложения о переводе института в Томск руководство области настояло на сохранении института²¹.

Кафедры института оказались разбросанными в одиннадцати точках города. К1 октября 1942 года институт был размещен в здании детсада, парикмахерской, гараже, 1-й горветлечебнице и т. д. На начало 1942/43 учебного года в институте было 406 студентов.

В 1942 году профессорско-преподавательский персонал состоял из 58 научных работников, из них профессоров - 14, доцентов - 29. В числе сотрудников был также профессор, доктор биологических наук, член-корреспондент Украинской академии наук Л. О. Свиренко. Сотрудники института в годы войны продолжали свою научную работу²². Доценты В. И. Федоров и П. М. Григорьев исследовали и внедрили в массовое производство новый сорт комбикорма, использовавшийся преимущественно в воинских частях. Под руководством профессора И. Я. Демиденко было установлено быстрое заживление ран под действием вытяжек из чеснока. Профессор Д. С. Свиренко обследовал в восьми районах Чкаловской области дикорастущие лекарственные растения. В 1942/43 учебном году прошло шесть научных конференций. В 1943 году, по инициативе профессора Т. Я. Белкина, было образовано научное студенческое общество.

Коллектив института не оставался в стороне от всех патриотических починов, имевших место в стране.

В 1942/43 учебном году в институте собрали и сдали на строительство танковой колонны 113 721 рубль деньгами и облигациями госзайма. В связи с этим событием в адрес института поступила приветственная телеграмма И. В. Сталина. Преподаватели и студенты в годы войны работали на полях и фермах области, очищали железную дорогу и аэродромы от снега. К марту 1943-го было выстирано 700 штук фронтowego белья. Для подшефного госпиталя было передано подарков на сумму 15250 рублей²⁵.

Институт оказал большую помощь высшим учебным заведениям, возвратившимся после временной эвакуации в освобожденные районы. В 1944 году сельхозинститут командировал на Украину и в Белоруссию 14 профессоров, доцентов и научных сотрудников. Кроме того, в освобожденные районы было передано 250 голов племенного скота²⁶.

С первых дней войны ушли на фронт десятки сотрудников Оренбургского педагогического института. Добровольцем в августе 1941 года отправился воевать ректор института доцент А. Д. Родионов. Он погиб под Москвой в декабре 1941 года.

Этому вузу тоже пришлось сильно потесниться. По решению ГКО и местных властей учебный корпус на Советской и общежитие по улице Пушкинской, 18 были переданы эвакогоспиталю, а институту предоставили здание железнодорожной школы по улице Коммунаров. Здесь же занимались медицинский и учительский институты, поэтому студенты и учились в три смены.

В 1941/42 учебном году из института выбыло 498 человек, в последний военный учебный год отсев студентов уменьшился.

В военное время профессорско-преподавательский коллектив института пополнился высокопрофессиональными кадрами, прибывшими по эвакуации из западных областей страны - в вузе работала большая группа научных сотрудников из Днепропетровского университета (профессор О. Д. Свиренко, доценты Валковая, Приходько и другие) и Курского пединститута. Институт в военное время возглавлял доцент, кандидат педагогических наук, директор Курского пединститута П. Д. Макаров. В 1942/43 учебном году профессорско-преподавательский коллектив состоял из 58 человек и был представлен 4 профессорами, 22 доцентами. В годы войны было подготовлено 780 учителей, в том числе в последний военный год - 198²⁷. Учителя направлялись на работу в различные районы страны. Так, в 1942 году часть выпускников выехала в Тульскую и Новосибирскую области.

История Оренбургского медицинского института ведет свое начало с 1944 года²⁹. Он был организован на основании распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР и приказа

Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при Совнаркоме СССР и Наркомата здравоохранения РСФСР. Директором института стал демобилизованный из армии майор медицинской службы, кандидат медицинских наук, доцент Николай Васильевич Фетисов.

Первый ректор института обладал большим организаторским талантом, профессиональной компетентностью, накопленным ранее опытом педагогической и руководящей работы, что позволило обеспечить руководство института в период становления.

Клинические кафедры были размещены в девяти лечебных учреждениях города: в городской терапевтической больнице, городской детской больнице, второй городской больнице, психиатрической больнице, городском родильном доме, кожно-венерологическом диспансере, железнодорожной больнице, железнодорожной детской больнице. Для размещения теоретических кафедр облисполком передал институту два здания (по улице Советской, 6, и по улице М. Горького, 45), освободившиеся после расформирования военного госпиталя. Занятия по хирургии проводились в госпитале № 1656.

Институт с первых дней существования оказался в чрезвычайно сложной ситуации: не хватало учебных помещений, общежития, квартир для преподавателей, оборудования и т. д. Печи в общежитии были неисправны, постоянно дымили. 6 апреля 1945 года исполком Оренбургского областного Совета депутатов трудящихся принял решение "Об оказании помощи медицинскому институту". Менее чем через год исполком Оренбургского облсовета вновь обращается к вопросу о работе медицинского института и принимает решение "Об улучшении работы Чкаловского медицинского института", в которое вошли следующие положения: запретить исполкомам райсоветов отвлекать студентов в часы занятий на различные работы, не связанные с их учебной; организовать пошив, ремонт одежды и обуви для студентов и научных работников через предприятия местной и кооперативной промышленности; ввиду отсутствия помещения для студенческого общежития мединститута и невозможности предоставления помещения из городского фонда просить Совет Министров СССР передать помещение по Советской улице, 2 (общежитие фельдшерско-акушерской школы, занимаемой Южно-Уральским военным округом), под общежитие студентов и научных работников.

Управление высшими медицинскими заведениями обратилось в другие медицинские институты с просьбой помочь Оренбургскому мединституту. Пермскому институту, например, было предложено передать следующие учебники: 5 экземпляров учебника по глазным болезням, 10 - по детским болезням, 5 учебников по аналитической химии. Прав был заместитель председателя Оренбургского облисполкома А. К. Богачов, выступив в "Чкаловской коммуне" 9 сентября 1944 года: "Сегодня институт не имеет ничего. Мы его строим заново". Основа учебного процесса - книги, но их катастрофически не хватало, поэтому библиотеку собирали "с миру по нитке". Доценту А. К. Силантьеву приказом ректора была выражена благодарность "за передачу в библиотеку института 18 экземпляров ценных медицинских книг", ассистенту А. К. Муравскому объявили благодарность "за принесение в дар библиотеке института каталожного ящика".

Городские власти стремились создать необходимые условия для учебного процесса, а также улучшить быт студентов и преподавателей. Эвакогоспиталь № 1306, на основании решения облисполкома от 25 октября 1944 года, передал институту шесть лошадей с подводами и упряжью, одну автомашину, десять тонн сена с подсобного хозяйства и аптеку.

Атмосферу первых дней работы института донесли воспоминания профессора Ф. М. Лазаренко: "Первого ноября прозвучал первый звонок. Неуютно было в аудиториях, но первые лекции были замечательными по тому подъему, по тем настроениям, которые переживали профессор и студенты.

...Не хватало самого необходимого. В аудиториях студентам приходилось писать без столов, сидя на примитивных скамейках. В лабораториях не хватало необходимого оборудования. В клиниках нельзя было производить лабораторные анализы. Но оборудование поступало каждый день".

Кафедры возглавили профессор Ф. М. Лазаренко, С. Г. Миронов, доценты А. К. Силантьев, Л. Е. Олифсон, М. Г. Жилин, преподаватели Я. П. Барменков, П. Н. Апасьев, А. С. Градовцева и другие. В институте по совместительству работали военные медики: начальник кафедры военно-медицинской подготовки генерал-майор медицинской службы А. Ф. Голосов, зав. кафедрой госпитальной хирургии подполковник медицинской службы А. С. Золотарев, зав. кафедрой пропедевтики внутренних болезней полковник медицинской службы Л. Е. Ерусалимский.

Институт занялся научной разработкой вопросов теории и практики медицинской науки, здравоохранения и медико-санитарного обеспечения. На 1945 год было запланировано 45 научных работ. Из 34 кафедр института 18 занимались научной работой.

На Южном Урале в годы Великой Отечественной войны большую опасность представляла септическая ангина. В приказе уполномоченного ГКО по проведению противоэпидемиологических мероприятий Наркомата здравоохранения СССР от 18 декабря 1944

года наряду с другими регионами, отмеченными значительным количеством проявлений септической ангины, была названа и Оренбургская область. Оренбургский медицинский институт был включен в состав экспедиции по изучению септической ангины 1945 года вместе с другими ведущими вузами страны. По распоряжению НКЗ РСФСР от 25 июля 1945 года 70 студентов приняли участие в противоэпидемических мероприятиях.

Коллектив института поддерживал патриотические инициативы, в середине февраля 1945 года было собрано 60 тысяч рублей на самолет.

Организация Оренбургского медицинского института способствовала значительному укреплению медицинской школы на Южном Урале, наращиванию количественных и качественных показателей в подготовке медицинских кадров.

В 1943 году в городе открылся филиал Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта имени С. М. Кирова. Филиал имел два факультета: механический и факультет движения и грузовой работы. Уже в июне 1944 года 140 студентов после сдачи летней сессии приступили к практике. Движенцы проходили геодезическую учебную практику близ города, механики - в учебных мастерских ПВРЗ. Городские власти проявили заинтересованность в том, чтобы филиал остался в Оренбурге после окончания войны.

В 1944 году в вузах и техникумах Оренбурга обучалось свыше пяти тысяч юношей и девушек.

В годы войны в Оренбурге работали три института эпидемиологии и микробиологии. Один из них - Украинский институт эпидемиологии и микробиологии имени И. И. Мечникова, в 30-е годы носивший название Харьковский научно-исследовательский институт вакцин и сывороток. В Оренбург институт прибыл в сентябре 1942 года и располагался на улице Краснознаменной, 25. Им руководила кандидат медицинских наук М. С. Сегаль. Условия работы были сложными, однако институт сразу же приступил к производству бактериальных препаратов для предохранения фронта и тыла от эпидемических вспышек. Институт исследовал биологические антисептики, брюшнотифозный бактериофаг, краевую эпидемиологию, занимался изучением этиологии септической ангины, что вылилось в несколько десятков научных работ.

Ученые работали напряженно. Например, к началу ноября 1944 года была досрочно выполнена годовая программа³³. Профессор В. С. Дергач предложил свой способ получения бактериофага, действующего одновременно против нескольких заболеваний различной природы. Институт освоил два новых противодизентерийных средства.

На протяжении военного времени коллектив исследователей вел настойчивую работу по предотвращению особо опасных кишечных заболеваний. Он предложил ряд заменителей дорогостоящего сырья для изготовления питательных сред, на которых выращиваются микробы.

Институт поддерживал тесные контакты с санитарными отделами фронтов. Систематически на передовые линии, зачастую на самолетах, доставлялись препараты против раневых инфекций: столбняка, гангрены, против кишечных заболеваний: дизентерии, брюшного тифа, дифтерии и т. д.

За военный период работы ряд сотрудников этого научного учреждения был представлен к правительственным наградам. Директора института Марию Савельевну Сегаль в 1942 году наградили орденом Трудового Красного Знамени³⁴. Руководитель института получила эту награду "за успешное проведение противоэпидемических мероприятий и самоотверженную работу в эвакогоспиталях по лечению бойцов и командиров, раненных в боях с немецкими захватчиками". Заведующая вакцинным отделом Э. В. Давыдова Указом Верховного Совета СССР была удостоена медали "За трудовое отличие".

Работу института высоко оценили непосредственно на фронте. Коллектив исследователей получил благодарность от Сталинградского военного округа.

Совместно с учеными Оренбургского сельскохозяйственного института весной 1943 года исследователи Украинского института изучали бактериальный метод борьбы со свекловичным долгоносиком. Над исследованием работали В. С. Дергач, К. А. Неграш, В. П. Гусев, М. С. Сегаль, О. С. Белая.

Заслуженный деятель науки, профессор В. С. Дергач часть семян вывез из Оренбурга в Харьков, где продолжил свои изыскания совместно с Украинским институтом социалистического земледелия.

В Оренбургский институт эпидемиологии и микробиологии влился Смоленский институт эпидемиологии и микробиологии, эвакуированный в начале войны на Южный Урал. Научная работа значительно оживилась. Широко развернулось производство множества лечебных и профилактических средств. Начиная с 1942 года глубоко, всесторонне изучалась проблема септической ангины. Институт освоил новое, весьма эффективное средство - грамицидин³⁸. Серьезных успехов в области научной работы достигли профессор С. Г. Миронов, доценты М. Г. Жилин, Б. Г. Хайкина, кандидаты медицинских наук Д. Д. Хаджидимова, З. И. Алисова, кандидат биологических наук А. С. Иоффе³⁹. Его директор С. Г. Ханин был награжден в 1942 году орденом "Знак Почета".

Оренбургский бактериологический институт выполнял в 1944 году план по изготовлению препаратов для фронта на 130-160 процентов.

В 1945 году институт выпускал 16 различных бактериальных препаратов, в том числе ценнейшие анаэробные сыворотки - противостолбнячную, противогангренозную, являющуюся "наиболее мощным средством лечения самых опасных врагов человека при огнестрельных ранениях" - столбняка и гангрены. Благодаря производству этих двух сывороток Оренбургский институт эпидемиологии и микробиологии "выдвинулся в передовые ряды оборонных предприятий". По объему производства противостолбнячной сыворотки институт занял второе место в СССР, противогангренозной - первое место. Институт обеспечивал бактериальными препаратами не только фронт и Оренбургскую область, но и рассылал их в Челябинск, Саратов, Астрахань, Хабаровск, Владивосток и другие города страны.

Оренбургский бактериологический институт один из первых выпустил брюшнотифозный бактериофаг. При институте была организована специальная лаборатория септической ангины под руководством профессора С. Г. Миронова. Институт имел два филиала на территории области.

Бактериологи, работавшие в Оренбурге, приложили максимум усилий в борьбе против эпидемий и различных заболеваний.

В эвакуации работал профессор, доктор медицинских наук Николай Михайлович Фришман, продолжатель школы А. А. Киселя, основоположника советской научной педиатрии, блестящего клинициста. Журнал "Врачебное дело" писал о Фришмане: "Знание многих смежных дисциплин, блестящая эрудиция, исключительная наблюдательность, умение анализировать и обобщать создали ему заслуженное имя одного из выдающихся педиатров Союза".

К 1944 году Н. М. Фришман был автором 84 научных работ по вопросам клиники педиатрии. Такие из них, как монография по цереброспинальному менингиту у детей, были введены в клинику детских болезней и пользовались известностью. Он много занимался вопросами ранней диагностики дифтерии, уносящей в могилу детские жизни, тщательно изучал туберкулез и ревматизм у детей.

В Оренбурге во время войны находился украинский ученый Е. А. Черников. В мирные дни он занимал пост директора Украинского института культурологии, был деканом лечебного факультета Харьковского медицинского института. Е. А. Черников возглавлял клиническую секцию и был членом бюро Украинского комитета по борьбе с ревматизмом, членом правления Украинского общества терапевтов. К концу войны количество опубликованных им трудов увеличилось до 70.

В Оренбурге трудилась большая группа Харьковского медицинского общества, одного из известных в советских медицинских кругах. Общество, начиная с 1918 года, издавало научный медицинский журнал "Врачебное дело". Научная работа в Оренбурге в основном вылилась в накопление и систематизацию материала. Война, несомненно, затрудняла публикацию научных изысканий. Профессор А. З. Цейтлин в 1945 году опубликовал статью "Патогенетическое лечение трофических язв". В основу статьи положены наблюдения, сделанные в оренбургских госпиталях в 1942-1943 годах.

Фундаментальные исследования были развернуты в области септической ангины. В 1944 году в Оренбурге вышли "Материалы по септической ангине", которые получены в результате совместных исследований ученых Харьковского медицинского института и Оренбургского института эпидемиологии и микробиологии. Сборник получил широкий резонанс. Московские ученые в своих исследованиях опирались на результаты, полученные оренбуржцами.

Медики, эвакуированные в Оренбург, создали филиал Всесоюзного общества терапевтов.

...Итак, город принял всех прибывших, а приехавшие, в свою очередь, были очень нужны городу.

«Пути дороги» Соловьева-Седого.

В нас песня ненависть к врагу порождала,
Нас песня с врагами на бой провожала...
Мы в песне о павших друзьях вспоминали.
В боях мы усталости с песней не знали.

*Из красноармейской газеты
"Сын Отечества",
8 июля 1945 года*

Песни Василия Павловича Соловьева-Седого давно и прочно вошли в духовный мир современников. В суровую военную пору композитор жил и работал в Оренбурге. Извлеченные из архивов документы, воспоминания, дневниковые записи как бы оживляют то далекое время, воскрешают мир его творчества.

В тыловом Оренбурге В. П. Соловьев-Седой вместе с Н. Дзержинской создавал эстрадный театр. Этот театр Соловьева-Седого - весомая составная часть фронтовых концертных коллективов, сформированных в Оренбурге в годы войны. Всего таких коллективов было семнадцать.

В. П. Соловьев-Седой так вспоминал о своем детище: "...решил организовать свой маленький театр, который мог бы обслуживать части действующей армии. Придумал и название - "Ястребок". Так называли наши крылатые истребители. Месяца за три определился и состав труппы, и ее репертуар. Труппа, или, как ее тогда называли по-военному, бригада, была невелика..."

Название "Ястребок" говорило о масштабах театра, его подвижности, маневренности. Василий Павлович - душа театральной бригады, он ее художественный руководитель, писал музыку, сочинял стихи, сатирические сценки, тексты интермедий, репетировал с актерами³. Он включил в программу лучшие произведения советских авторов, русских классиков, народные песни, сценки из жизни бойцов.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга сохранился автограф В. П. Соловьева-Седого "Вступительная песенка прифронтового театра "Ястребок".

Молодой коллектив "работал много и упорно, дрался за право быть посланным на передовые позиции". Перед отъездом на фронт состоялся прощальный концерт "Ястребка", теплые напутственные слова артистам произнесли руководители города и коллеги.

После подготовки программы в Оренбурге - поездка в Москву, просмотр концертов в Центральном Доме Красной Армии в феврале 1942 года. Тогда выяснилось, что на фронте В. П. Соловьев-Седой не сможет сопровождать артистов бригады, так как рояль - это "роскошь, не предусмотренная на фронте". Ленинградский искусствовед С. М. Хентова, общаясь с композитором, записала историю с аккомпанементом. Василий Павлович тогда горько сожалел, что не выпросил у отца в эвакуацию гармонь, под звуки которой в дворницкой на Старо-Невском лихо отплясывали кадрили.

Выручили в Союзе композиторов, где еще с довоенных времен стоял в шкафу аккордеон, присланный фабрикой "Красный партизан" для апробации: фабрика тогда осваивала производство аккордеонов. О внешней красоте и удобстве не заботились: аккордеон был сделан прочно, крепко и весил полтора пуда. Всю следующую ночь Соловьев-Седой осваивал инструмент перед зеркалом, чтобы увидеть кнопки левой руки.

На фронт из Москвы добирались автобусом с окнами, заделанными фанерой: "Дорогу занесло снегом, то и дело приходилось выскакивать, ломать елочный лапник, набрасывая его на дорогу, в остервенении толкать автобус, упираясь в кузов плечами"⁵.

Концертная программа "Ястребка" была показана бойцам Калининского фронта, и на передовых позициях театр провел полтора месяца.

Первый концерт оренбургские артисты дали в деревне, где находился военный совет фронта. Ночь... Глухая заснеженная деревня. Фронтовики внимательно смотрят программу. "От волнения Соловьев-Седой забыл продеть левую руку под ремень оледеневшего аккордеона, наспех выученный аккомпанемент за сутки испарился из памяти, и мелодия звучала сипло и фальшиво. Со стыдом вспоминал этот дебют: "Представляю себе, сколько в этой избе сидело людей, знающих толк в баяне, и как они издевались надо мной!" Однако со временем композитор стал, по его собственному выражению, "приличным аккомпаниатором".

С песнями, танцами и шутками объезжала бригада воинские части, развлекая бойцов и офицеров, скрашивая часы их короткого досуга. Сотни километров проехал театр по фронтовым дорогам. Затаив дыхание, слушали солдаты русские, советские песни. Сколько мыслей проносилось в эти мгновения, сколько трепетных и волнующих чувств пробуждала песня. Перед каждым из бойцов возникали картины родной, широкой, могучей и непобедимой Родины. Повсюду тепло и радушно встречали концерты "Ястребка".

"Замечательные зрители - красноармейцы! Для них наш приезд - большой, настоящий праздник. Слушают и реагируют превосходно, актеров не отпускают с импровизированной сцены, хотя они уже порядком устали", - такую запись оставил в своем фронтовом дневнике Б. М. Филиппов, директор Московской государственной эстрады.

В этом же дневнике можно найти справедливую оценку, данную актерам: "Артисты - народ удивительный. Настроение у них меняется мгновенно. Аплодисменты всегда были для актеров основной "прибавкой" к заработной плате, а здесь это стало не только основным, но единственным вознаграждением, полностью компенсирующим затраченный актерами творческий труд".

Бригада жила единой семьей. Известный режиссер Александр Пергамент позднее писал: "Куда только не пролегли маршруты наших бригад! Какие это были своеобразные, не похожие на других, бригады! Роднило их одно: это были коллективы единомышленников, спаянных крепкой фронтовой дружбой и общими творческими задачами". Столь высокую оценку

заслуживает фронтовая бригада, созданная и руководимая Василием Павловичем Соловьевым-Седым.

Дневниковые записи артистов-участников фронтовых бригад позволяют нам лучше почувствовать ту атмосферу военного времени.

Театр "Ястребок" давал концерты в сложных и опасных условиях: при артобстрелах, бомбежках, в блиндажах и землянках. Часто сценой служили грузовые машины с откинутыми бортами. Давали концерты на аэродромах под крыльями могучих бомбардировщиков. "Ястребок", по рассказам Любви Василько, актрисы театра, давал свои представления в частях и подразделениях дивизии с самого утра, с получасовыми и часовыми перерывами. Нередко артисты неутомимого "Ястребка" во время концерта в костюмах и гриме вынуждены были уходить в укрытие, канонада заглушала звуки музыкального инструмента. Пока одна группа бойцов слушала в землянке, другая вела перестрелку с противником, ожидая своей "очереди" попасть на концерт.

Своеобразным у Соловьева-Седого было первое знакомство с фронтом: "Я вспоминаю, как я шел по деревенской улице, волочил за собой по снегу свой аккордеон... Увидел самолет, низко круживший над деревней. Я вошел в избу, где находилась столовая, не успел обжечься ложкой горячих щей, как изба задрожала, оконные стекла вылетели, все находившиеся в столовой бросились на пол, а я, остолбенев, попятился к двери".

Во время поездки на Калининский фронт артистам пришлось побывать в разной обстановке.

Программа концертов "Ястребка" состояла из различных номеров. Бойцы одинаково горячо аплодировали народным песням и оперным ариям, национальным и классическим танцам. Артисты всю душу вкладывали в свои концерты.

В "Ястребок" входили артисты многих жанров. В частности, опереточная пара: Любовь Василько и Валерий Котов, который до войны был ведущим артистом Оренбургского театра музыкальной комедии. С цирковыми этюдами выступали Жан и Зинаида Рузановы. Танцы исполняли артисты балета Петрусевиич и Ярош. Большим успехом пользовались выступления женского ансамбля в составе Васильевой, Василько, Толчинской, Радиной. Трогали бойцов песни об Урале, написанные Василием Павловичем, в исполнении оперного певца Бориса Струлева. Чтец Александр Слободский заканчивал свое выступление стихами "С победой вперед!"

Оренбургские артисты продемонстрировали высоту своего мастерства, сумели найти контакт со слушателями, воодушевить их на ратные подвиги и сблизить с искусством.

Впечатления от встречи с "Ястребком" передали в своем письме из действующей армии бойцы Калининского фронта Г. Вершинин и М. Яровой: "Концертная бригада театра эстрады "Ястребок" из Чкалова недавно посетила наш участок Калининского фронта. Встреча работников искусств с бойцами, командирами, политруками подразделения произошла в просторной колхозной избе, недалеко от передовой линии огня, где ночную тьму освещали ракеты, строчили очередями пулеметы. Небольшая часть комнаты представляла сцену, на остальной находились зрители. Комнату освещали небольшая керосиновая лампа и маленькая электрическая лампочка, присоединенная к аккумулятору".

Есть в письме и описание концертной программы. Послание с передовой завершается строчками: "Так как желающих послушать концерт было много, артисты повторили свою программу... воины горячо приветствовали участников концерта".

Память сердца сохраняет благодарность и любовь к концертам "Ястребка" генерала Р. Ф. Калиновского, бывшего военного корреспондента Г. Тарасевича, военной медсестры Полины Семиной, водителя Ильи Микутина и других.

Г. Тарасевич отмечает, что артисты украшали "наш нелегкий фронтовой быт, помогали нам легче переносить все тяготы военного лихолетья".

В годы войны газета "Красное Знамя" поместила статью об одной из фронтовых театральных бригад. Она вполне может быть адресована и "Ястребку". "В дождь, снег, стужу эта маленькая бригада артистов кочует из части в часть и всюду, где она появляется, звучат радостные, одобрительные восклицания бойцов и офицеров. В полутемных блиндажах, под открытым небом, недалеко от линии огня, утром или вечером, а то и глубокой ночью, на импровизированных сценах выступает перед фронтовым зрителем бригада артистов".

На Калининском фронте, по словам композитора, произошел "счастливый поворот" в судьбе песни "Вечер на рейде". Песня была написана в августе 1941 года в Ленинграде. В декабре композитор сыграл ее своим друзьям в Оренбурге, но песня не получила одобрения.

Во время выступления "Ястребка" под Ржевом заболел солист Борис Струлев. На одном из концертов, в тесной землянке, где поместилось около тридцати бойцов, В. П. Соловьев-Седой решил спеть. Вот как он вспоминает об этом концерте: "Со второго куплета начали мне тихо подпевать, и слезы навернулись на мои глаза - значит, песня будет жить! Когда я спел, все молчали, никаких аплодисментов не было и не могло быть, потому что в полутора

километрах стояли немцы, но я почувствовал, что песня понравилась. Меня попросили продиктовать слова. Бойцы, записав их, предложили спеть вместе. Первый раз в жизни ощутил я эту ни с чем не сравнимую радость, когда люди поют с тобой твою песню, которую они раньше никогда не слышали". И куда бы потом ни приезжала бригада, артистов просили спеть "Вечер на рейде". Вот так поездка на фронт позволила войти в жизнь новой песне, которую полюбили в военные годы, которую любят и в наши дни.

Песня "Вечер на рейде" в Оренбурге прозвучала в исполнении ведущих солистов Ленинградского Малого оперного театра Сергея Шапошникова и Федора Андруковича. В этой песне привлекают неповторимое настроение, любовь к родному городу и светлая грусть при мысли о разлуке с ним.

В 1943 году В. П. Соловьев-Седой получил Государственную премию, были отмечены лучшие произведения композитора, среди них была песня "Вечер на рейде".

Лирические песни восторженно принимались красноармейцами на фронте. Василий Павлович в связи с этим отмечал: «Я понимал, что солдату (между боями) нужна разрядка. А бывая на фронте, видел, с каким благоговением слушали бойцы выступления любимых певцов, музыкантов, чтецов, приезжавших на передовую с концертными бригадами. Но люди на войне, с удовольствием слушавшие рассказы о мужестве, героизме, часто мечтали о том, чтобы услышать лирическую песню».

Запомнились артистам многочисленные встречи. Радость встречи с мужем испытала актриса Любовь Василько. "Ястребок" выступал в 348-й Бобруйской дивизии, формировавшейся в Оренбуржье. Начальник артиллерии дивизии Яхонтов помог Василько увидеться с мужем, артиллерийским командиром, коренным оренбуржцем Константином Михайловичем Крашенинниковым. Командир дивизии тогда сказал: "Будем считать, друзья-актеры, что встреча вашей чудесной Любви Гавриловны и нашего Константина Михайловича, двух горячо любящих сердец, - наилучшее сегодняшнее и не театральное, а самое что ни на есть жизненное представление, свидетелями которого мы только что были..."

Годы спустя Любовь Гавриловна Василько написала небольшое письмо композитору: "...часто вспоминаю зиму 1942 года, Калининский фронт и наш коллектив фронтового театра "Ястребок".

Я, та, что на фронте неожиданно встретила мужа, помните? Слежу за Вашим творчеством, горжусь Вами. Хорошим песням Вашим всегда рада. Слушаю их с большим удовольствием.

Спасибо, дорогой Василий Павлович, за чудесные лирические песни. Желаю доброго здоровья, много лет жизни и вечного вдохновения".

В это же время другая фронтовая бригада артистов из Оренбурга почти рядом давала свои концерты. В ней аккомпаниатором была супруга Василия Павловича - Т. Д. Рябова. Им встретиться не удалось, хотя композитор и делал попытку. Бригада была срочно переброшена в другое место.

Об одной встрече в своих воспоминаниях рассказывает В. П. Соловьев-Седой: "Приближалось время нашего отъезда с фронта. Запомнился мне зимний сосновый лес, дощатый сарай, освещенный фонарями "летучая мышь", солома, расстеленная на земле, бойцы в белых халатах, среди которых мы сидим. Это были лыжники. Им с утра предстояло отбыть в деревню, захваченную врагом, мы просидели с ними до первых петухов, потом простились с этими людьми, ставшими за недолгие часы друзьями-товарищами, обнялись с лейтенантом Куприяновым, командовавшим ими.

Они пообещали нам на прощание, что обязательно освободят деревню, а я, в свою очередь, дал обещание написать песню, посвященную нашей встрече".

Спустя восемь лет со времени концерта в одной из академий В. П. Соловьев-Седой встретился с командиром лыжников Куприяновым. Тогда же выяснилось, что лыжники и композитор свое слово сдержали. В тот же вечер Василий Павлович исполнил песню, навеянную встречей с отрядом бойцов. Эта песня была написана в 1945 году на собственные стихи.

Фронтвики трогательно заботились об артистах. Хлопотали, чтобы лучше разместить, создать хотя бы минимальные удобства.

Театр перебрасывался на разные участки фронта, и он охотно отзывался на любые приглашения, не считаясь с трудностями и опасностями переездов, ни со сложностями проведения концертов.

Командование 30-й армии наградило В. П. Соловьева-Седого грамотой, в которой выражалась благодарность руководителю театра. В ней значилось:

ГРАМОТА

За честную и самоотверженную работу по обслуживанию действующих частей 30-й армии артист театра "Ястребок" Чкаловской области тов. Соловьев-Седой Василий Павлович награждается грамотой.

Начальник политотдела 30-й армии,
полковой комиссар Шилов
20 марта 1942 года Действующая армия

Поездка на фронт обогатила В. П. Соловьева-Седого и его коллег. Вернувшись в Оренбург, композитор с головой ушел в работу. На общегородском собрании работников искусств 20 июля 1942 года прозвучали благодарственные слова в адрес Василия Павловича.

Начальник Оренбургского областного управления искусств объявил о премии, которой награждался руководитель "Ястребка". По военным меркам, премия была высокой - отрез на брюки.

...Позади остался напряженный первый год войны, впереди - еще долгих три года. Когда-то считалось: если пушки стреляют - музы молчат. Но в дни Великой Отечественной войны искусство шагало в одном строю с творцами победы. В первой шеренге наступающих неизменно шли песни. Песня стала самым распространенным музыкальным жанром, мужественная, поднимающая дух, вселяющая веру в победу. Многие из них приобрели всенародную известность, и среди них произведения композитора Василия Павловича Соловьева-Седого.

"Песни военных лет, конечно, для меня - главное в моей творческой работе, да, пожалуй, и в жизни", - писал В. П. Соловьев-Седой. В Великую Отечественную войну едва ли не каждый боец знал "Вечер на рейде", "Соловьи", "Играй, мой баян", "Давно мы дома не были", "На солнечной поляночке". Шестьдесят песен написал В. П. Соловьев-Седой за годы войны.

В 1942 году оргкомитет Союза советских композиторов выпустил очередной "Сборник оборонных песен советских композиторов", в котором были опубликованы три песни В. П. Соловьева-Седого: "Песня о тельняшке" (ел. Дингау), "О милой сердцу Кубани" (ел. В. Гусева), "Катерочки" (ел. Р. Ромэн).

Над многими песнями, созданными в военное время, В. П. Соловьев-Седой работал в Оренбурге. Только за лето 1942 года им было написано более двадцати произведений. Тихон Хренников так писал об этом периоде: "Народ ждал от композиторов новых песен о событиях войны, заполнивших все наше внимание".

Много песен В. П. Соловьев-Седой написал совместно с поэтом Алексеем Фатьяновым. В своей книге "Пути-дороги" композитор вспоминает: "...я познакомился с ним в Оренбурге... в 1941 году... в скверике с громким названием "Тополя". Он мне сразу понравился, молодой и красивый парень-богатырь... Не думал я тогда, не гадал, что этому парню суждено прочно и навсегда войти в мою жизнь".

В. П. Соловьев-Седой создал более десяти песен на слова Алексея Фатьянова. Первой их совместной работой стала строевая песня "Южно-Уральская", написанная по заданию Военного Совета Южно-Уральского округа. Для обсуждения вариантов будущего марша его авторы встречались в Доме Красной Армии. Принимали песню на главной улице Оренбурга в исполнении сводного батальона маршевого полка, возглавляемого гарнизонным оркестром. Марш понравился, и Военный Совет утвердил его как строевую песню для частей и училищ.

Сообща они написали "Песню мщения", "На солнечной поляночке", "Балладу о Матросове", "Ничего не говорила", "Соловьи". Василию Павловичу нравились стихи Алексея Фатьянова. О них композитор писал позднее: "...он принес мне стихотворение, старательно написанное на листе, вырванном из какой-то амбарной книги. Оно меня сразу обворожило. Стихи были свежи, трогательны, лишены литературных красот или стремления казаться оригинальными. Стихи пели, в них уже была мелодия". Лев Ошанин писал впоследствии, что композитор Соловьев-Седой и поэт Алексей Фатьянов "чувствовали друг друга". "Если могут быть соавторы, созданные специально для того, чтобы работать вдвоем, - это были два эти человека".

Фронтные впечатления помогли композитору во время работы над новыми песнями. "Сорок пять дней, проведенные на фронте, оставили во мне неизгладимое впечатление писал В. П. Соловьев-Седой. - Я видел народ на войне. Я понял, что солдат - это не лакированный герой, а труженик войны, что он сражается так же, как варит сталь, пашет землю, возводит плотины. Он идет на подвиг мужественно и просто, а в час отдыха он не чужд шутки, крепкого словца, лихого танца. И мне казался близким этот простой человек, сражающийся за Родину. С такой душевной настроенностью вернулся я с фронта в Чкалов, возобновил работу над песнями, сблизился с Алексеем Фатьяновым".

В. П. Соловьев-Седой совместно с А. Фатьяновым в 1942 году написал песню "Я вернулся к друзьям", имеющую подзаголовок "Песня мщения". В 1943 году композитор был удостоен Государственной премии. В Москву в гостиницу "Националь", где он поселился на короткое время, полетели из разных городов страны приветственные телеграммы. Их прислали: из Кемерово - И. Дунаевский, из Ленинграда - группа балтийцев и композиторов, от Президиума оргкомитета Союза советских композиторов СССР его поздравили А. Хачатурян, В. Мурадели, Д. Покрасс, Д. Б. Кабалевский, А. В. Александров, Д. Д. Шостакович.

И несомненно - много телеграмм было из Оренбурга - от Б. Э. Хайкина, художественного руководителя Малегота, от поэта А. Фатьянова, от супруги Т. Д. Рябовой. Оренбургская областная филармония написала: "Поздравляем лауреата Сталинской премии Соловьева-Седого. Ждем Чкалове". Были и другие приветствия. Композитора поздравили Московская государственная филармония, Центральный Дом работников искусств СССР, Московская консерватория имени П. И. Чайковского. Все эти дорогие ему поздравления композитор хранил до конца своих дней.

Почти в каждой лирической песне В. П. Соловьева-Седого говорится о родном городе, о любимых людях, о верной подруге. Эти воспоминания сближали бойцов. Музыка В. П. Соловьева-Седого вносила в эти мысли особенную задушевность и теплоту. Не смолкли в годы войны острое слово и веселая песня. Создал В. П. Соловьев-Седой и несколько шуточных песен. На слова А. Фатьянова была написана песня-частушка о победе над врагом "Далеко иль недалечко".

В. П. Соловьев-Седой и А. Фатьянов часто выступали вместе в оренбургских эвакогоспиталях. Встречи с ними помнит московская поэтесса, родом из Оренбургской области, В. Ф. Шишкина, работавшая в одном из госпиталей.

Не все, что было написано в Оренбурге, увидело свет. Сохранились в памяти многих оренбуржцев песни композитора, звучавшие в годы войны во время его творческих вечеров²². Так, в апреле 1942 года состоялся концерт, на котором звучала музыка композиторов, живущих в Оренбурге. "Чкаловская коммуна" в связи с этим писала: "Пользующиеся большим успехом песни композитора В. П. Соловьева-Седого "Играй, мой баян" и "Встреча Буденного с казаками", исполненные на концерте, являются яркими образцами песенного творчества этого талантливого композитора". Особый успех имели песни В. П. Соловьева-Седого среди молодежи. Его часто приглашали на встречи с комсомольцами. Одна из таких встреч была организована в августе 1943 года райкомом комсомола Дзержинского района города Оренбурга. На встрече присутствовали более четырехсот лучших производственников и активистов города. Доклад о творческом пути В. П. Соловьева-Седого сделал композитор Б. А. Толмачев. Концерт, показанный молодежи, состоял из лучших произведений Соловьева-Седого. В нем участвовал ансамбль Южно-Уральского военного округа. Были исполнены "Ночь в землянке", "Играй, мой баян", "О чем тоскуешь, товарищ моряк", "Вечер на рейде", "Встреча Буденного с казаками". С интересом слушала молодежь рассказ композитора о фронтовой встрече с оренбуржцами-гвардейцами.

Композитор Михаил Иванович Чулаки так напишет об оренбургском периоде В. П. Соловьева-Седого: "Проходя мимо маленького невзрачного домика на одной из окраинных улиц Чкалова, почти всегда можно было услышать несущееся изнутри приглушенное пение, сопровождаемое звуками фортепиано. Этот музыкант, большой светловолосый человек, которого соседи называли Василием Павловичем, был автором многих любимых, популярных советских песен.

...Композитор несколько раз ездил на фронт. Считая работу над песней первостепенным гражданским долгом, Соловьев творил в любой, даже самой неподходящей для сочинительства, обстановке. Не только блиндаж или землянка на передовой позиции, но и комната его в Чкалове меньше всего отвечала скромным требованиям рабочего кабинета композитора. В уголке проходной комнаты делал он большое, важное дело".

Всесоюзный радиокomitee, ансамбли песни и пляски, различные концертные бригады - все стремились включить в свой репертуар произведения талантливого композитора. Поэты искали с ним творческого содружества.

В 1944 году композитор возвратился в Ленинград. Но в памяти оренбуржцев до сих пор живут встречи с ним. "Бахом советской песни" назвал В. П. Соловьева-Седого композитор Ян Френкель. И это справедливо. Василий Павлович обогатил русскую песню оригинальными мелодиями и интонациями²⁵. Его "музыкальные образы, ясные и доступные миллионам слушателей", "согреты солнечным теплом, мягкой усмешкой и чисто русской задушевностью"²⁶. Песни В. П. Соловьева-Седого, по образному выражению Михаила Светлова, вставляли комиссаром перед самым передним окопом.

Прославленный оренбуржец генерал А. И. Родимцев однажды, обратившись к композитору, сказал: "Если спросят Вас, Василий Павлович, участвовали ли Вы в Великой Отечественной войне, скажите, что воевали в гвардейской дивизии Родимцева, защищавшей Сталинград. Ведь с нами воевали Ваши песни".

Малегот - Ленинградский оперный

Из пут пространства узкого
Обыденных невзгод
Людей уносит музыка

5 сентября 1941 года Оренбург принял Ленинградский государственный академический Малый театр оперы и балета¹. "Наше путешествие по стране продолжалось три недели, - вспоминает композитор И. И. Держинский. - Длинные-предлинные составы, наполненные людьми, заводским оборудованием, блеющим и мычащим скотом, шедшим непрерывной вереницей на восток, создавали грандиозную панораму народного бедствия. Но в ней не было печальной безнадежности. Серые, запыленные, усталые лица, суровый взгляд исподлобья, крепко сжатые губы говорили о непоколебимой решимости победить во что бы то ни стало".

Руководство Ленинградского горисполкома просило оренбургские городские власти о содействии Малому оперному театру. Несмотря на трудности с жильем и с административными помещениями, коллектив театра разместили в Оренбурге. Уже 20 сентября на сцене летнего театра в парке, известном в городе как "Тополя", Ленинградский оперный театр показал своим новым зрителям первый спектакль "Черевички". Была возобновлена опера "Травиата". Театр открыл на оренбургской сцене свой первый театральный сезон.

"В культурной жизни Оренбурга пребывание Малого оперного театра имело огромное общественно-художественное значение. Коллектив вскоре после приезда развил большую творческую деятельность", - спустя годы писал И. И. Держинский. Были восстановлены оперы "Севильский цирюльник", "Кармен", "Евгений Онегин". Артисты Малого оперного театра напряженно трудились всю войну.

В большой праздник вылилась премьера оперы П. И. Чайковского "Пиковая дама" в апреле 1942 года. В роли Германа - Б. О. Гефт, графиня - заслуженная артистка РСФСР О. Н. Головина, Лиза - Ф. Л. Ратнер. Месяц спустя оренбургские зрители тепло принимали в концертном исполнении оперу А. П. Бородина "Князь Игорь". В июне 1942 года на сцене театра шел балет "Сказка о попе и работнике его Балде". Музыка к балету была написана М. И. Чулаки. Уверенно и просто исполнял Балду артист Соколов, другой центральной фигурой спектакля стал попенок в исполнении Г. И. Исаевой.

Вместе с труппой Малегота (так называли Малый оперный) на Урал эвакуировались ленинградские композиторы И. И. Держинский, В. В. Волошинов, В. П. Соловьев-Седой, Д. Г. Френкель, М. И. Чулаки.

И. И. Держинского многое связывало с Оренбургом: в свое время он учился в местном музыкальном училище, здесь у него были знакомые и близкие ему люди. И. И. Держинский вскоре возглавил созданное в Оренбурге отделение Союза советских композиторов.

Дети композиторов в начале войны были эвакуированы вместе с детским лагерем в Кострому. 17 сентября 1941 года Д. Д. Шостакович обратился в Ленинградский горисполком с просьбой разрешить переезд детей композиторов из Костромы в Оренбург.

Композиторам в городе были созданы все условия для творчества. Плодотворно работал И. И. Держинский⁸. Областная газета в ноябре 1941 года писала о нем: "Находящийся сейчас в Чкалове автор лучших советских опер "Тихий Дон", "Поднятая целина" композитор-орденоносец И. И. Держинский работает одновременно над двумя новыми операми. Первая из них начата в 1939 году, это - "Гроза" (либретто по А. Н. Островскому). Вторая - "Кровь народа", она уже начата в Чкалове, в разгар войны с нацистами". 2 декабря 1941 года в Оренбурге прошел его творческий вечер.

В апреле 1942 года состоялся вечер советских композиторов, живущих в Оренбурге. Исполнялись произведения Д. Г. Френкеля, В. П. Соловьева-Седого. Им был оказан на вечере восторженный прием. Тепло встретили зрители песни композитора Л. В. Шульгина в исполнении артиста Малегота С. М. Казбанова.

К созданию произведений нового содержания, связанных с Великой Отечественной войной, композиторы приступили с самого начала войны⁹. В Оренбурге ленинградцы в сравнительно короткий срок написали оперы о героической борьбе народа за свою независимость, в частности, "Кровь народа", основные темы которой были навеяны под впечатлением поездки И. И. Держинского на Юго-Западный фронт в начале 1942 года и солдатских рассказов. Создание оперы совпало с разгромом фашистских полчищ под Москвой, что способствовало большому успеху спектакля.

Премьера состоялась 21 января 1942 года. В статье, посвященной ей, В. П. Соловьев-Седой отмечал ее музыкальные достоинства - выразительный, мелодичный язык, впечатляющие хоровые сцены. Оперы И. И. Держинского "Гроза" и "Кровь народа" высоко оценил А. Хачатурян, выступив в печати в мае 1942 года.

В Оренбурге в военные годы была написана опера молодого композитора В. В. Волошинова "Сильнее смерти". Опера в трех актах была оркестрована К. П. Кондрашиным. Либретто - заслуженного артиста РСФСР Ю. Н. Калганова. Журнал "Славяне" отметил в 1943 году: "После одноактной оперы И. Держинского "Кровь народа" Ленинградский академический Малый оперный театр показал новую премьеру - трехактную оперу "Сильнее смерти",

написанную в городе Чкалове композитором В. Волошиновым по либретто заслуженного артиста РСФСР Юрия Калганова. Тема новой оперы - героизм советской девушки, ценою своей жизни спасшей партизанский отряд".

По заказу Малегота за время пребывания его в Оренбурге были написаны и поставлены оперы - "Кровь народа", "Надежда Светлова" И. Держинского, "Калинка" М. Черемухина и С. Аксюка и другие.

Опера И. И. Держинского "Надежда Светлова", кроме Оренбурга, была поставлена в Москве, Свердловске, Баку. Оренбургский горсовет решением от 4 марта 1944 года объявил благодарность театру за постановку новой оперы.

"В этих операх... преобладали простейшие песенные формы и элементарные приемы драматургии. Это были оперативно-агитационные, злободневные пьесы-массовки, своего рода сценические аналоги оборонным массовым песням мести врагам и защите Родины", - такую характеристику дали операм специалисты.

Тема патриотизма была главной в опере И. И. Держинского о ленинградцах в дни блокады "Надежда Светлова", премьера которой состоялась в сентябре 1943 года. А. Алексеев, главный режиссер театра, так отзывался об опере: "И. Держинский ведет нас через войну, не показывая ее, но дыхание войны, атмосфера войны, родной Ленинград, его легендарная сила все время чувствуются на сцене и в музыке".

В. П. Соловьев-Седой дал такую характеристику опере: "Чкаловцы вправе гордиться тем, что они первыми увидели постановку театра. Тема оперы - Ленинград и его героические ленинградцы. Ее основная идея полностью выражена в строчке известного стихотворения К. Симонова "Жди меня и я вернусь". Музыка И. Держинского, как всегда, свежа, проста, лирична. Интереснейшая задача создания патриотической камерной советской оперы выполнена автором блестяще".

И. И. Держинский зимой 1944 года закончил цикл романсов "Первая любовь" на стихи Алексея Фатьянова. Цикл состоял из двенадцати романсов, посвященных месяцам года. Романсы понравились поклонникам музыки и профессионалам, особенно были отмечены "Январь", "Февраль", "Май", "Декабрь", получившие высокую оценку коллег. Кроме того, И. И. Держинский работал над сюитой в пяти частях для фортепиано.

Композиторы создавали не только оперы, романсы, сюиты, песни, они писали музыку к частушкам, куплетам. В 1942 году в одном из сборников "оборонных песен" были опубликованы "Куплеты повара" И. И. Держинского на слова А. Безымянного, в которых были такие строки15:

Густо-густо свищут пули,
Чтоб фашисты, трепеща
Полной порции, хлебнули
Пулеметного борща.

На фронте и в тылу людям нужны были все жанры, на концертах на передовой, в госпиталях настроение бойцов поднимала разная музыка, особенно они, были рады произведениям с юмористическими нотками.

С приездом Малегота театральная жизнь заметно оживилась. Жители города и эвакуированное население по вечерам заполняли театры. Известный композитор Я. А. Френкель, автор песен "Журавли", "Русское поле", "Текстильный городок", получивших поистине всенародную известность и любовь людей самых разных возрастов, вспоминая военные годы, когда он был курсантом, отметил: "Оренбург запомнился мне тем, что в годы войны сюда прибыл эвакуированный Ленинградский оперный театр, другие творческие коллективы... Естественно, что в редкие увольнения в город я стремился попасть на спектакль или концерт".

Перед спектаклем в театрах читались написанные И. Г. Эренбургом, В. Г. Лидиным статьи из газет. В музыкальных театрах исполнялись специальные хоровые произведения. В оперном театре часто перед спектаклем звучали "Батарейная", "Вставайте, люди русские".

О работе театра писала и центральная пресса. Газета "Комсомольская правда" сообщала в январе 1944 года: "...театр, находящийся сейчас в Чкалове, показал свою новую работу - оперу Чайковского "Иоланта". Заметка сопровождалась фотографией сцены из второго акта. Интересен отзыв композитора М. И. Чудаки о постановке "Иоланты": "Чудесная, изысканная, иногда непривычная по звучанию партитура Чайковского раскрыта Б. Э. Хайкиным мастерски, любовно и в высшей степени тщательно. Прекрасно и четко звучат сложные ансамбли. Строен и гибок хор (хормейстер Е. Д. Лебедев)".

По мнению М. И. Чулаки, особое звучание приобрела в годы войны постановка Малеготом в концертном исполнении оперы М. И. Глинки "Иван Сусанин".

Театр отметил две важнейшие даты в жизни музыкальной общественности. Одна из них - столетие со дня рождения великого русского композитора Н. А. Римского-Корсакова. Это событие праздновалось в марте 1944 года. Оренбургским театрам были предложены спектакли "Майская ночь", "Царская невеста", симфонический концерт из произведений

известного композитора, куда вошла и опера в двух сценах "Моцарт и Сальери". 26 ноября состоялся симфонический концерт в память о П. И. Чайковском.

В 1944 году десятилетие своей работы в Малеготе отметила заслуженная артистка РСФСР Елена Антоновна Красовская. Она дважды выезжала с концертами на фронт, ее хорошо знали в госпиталях как участницу многих шефских выступлений. За свою работу артистка была награждена грамотой ЦК Союза работников искусств. Известный оренбургский литературовед Н. Е. Прянишников высоко отозвался о вечере Е. А. Красовской: "В концертном отделении чкаловцы были очарованы блестящей виртуозностью, с какой Красовская исполняла наиболее характерные номера своего концертного репертуара, в частности, арии Виолетты из "Травиаты".

Оперное искусство дополнялось балетным. Оренбургским зрителям были показаны "Коппелия" и "Фадетта" К. Делиба, "Балда" М. И. Чулаки, "Кавказский пленник" Д. В. Астафьева, "Тщетная предосторожность" А. Гертеля и специальный балетный концерт из произведений П. И. Чайковского.

Решением Оренбургского горисполкома от 9 июня 1944 года руководству театра и группе артистов за высокое мастерство сценического и музыкального руководства, художественное актерское мастерство, проявленное при постановке балета "Тщетная предосторожность", объявили благодарность.

Театр широко знакомил оренбуржцев с симфоническими произведениями. В помещении областного драматического театра 30 сентября 1941 года состоялся большой симфонический концерт, дирижировали Б.Э. Хайкин, А. М. Коган, Э. П. Грикуров, К. П. Кондрашин. А всего за время пребывания в Оренбурге было дано сорок таких концертов. Среди участников многих концертных выступлений симфонического оркестра был Кирилл Петрович Кондрашин, возглавивший в 1950 году симфонический оркестр Московской филармонии, которым руководил шестнадцать лет.

С участием солистов и хора симфонический оркестр исполнил в Оренбурге выдающиеся произведения европейских и русских композиторов. В числе исполненных произведений были Четвертая, Пятая, Шестая симфонии, Третья сюита, "Итальянское каприччо", "Половецкие пляски" А. П. Бородина, "Шехерезада", "Садко", сюита из оперы "Сказка о царе Салтане" Н. А. Римского-Корсакова, "Симфоническая поэма" Б. А. Толмачева, Пятая и Девятая симфонии Бетховена, Четвертая симфония Б. Мендельсона, концерт из произведений Э. Грига, кантата "Священная война" (с хором) Д. Г. Френкеля.

Девятую симфонию Бетховена оренбуржцы услышали в апреле 1942 года. У дирижерского пульта стоял заслуженный деятель искусств, профессор Б. Э. Хайкин.

Восторженно было принято исполнение симфоническим оркестром театра Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича. Симфонию транслировали по радио и по решению Оренбургского облисполкома ее исполняли и для орских поклонников классической музыки.

Позднее Р. Глезер писала: "Оркестр Ленинградского государственного академического Малого оперного театра под управлением художественного руководителя театра, заслуженного деятеля искусств Б. Хайкина превратился в Чкалове в настоящий симфонический оркестр, отличающийся стройностью ансамбля. Исполнение Шестой симфонии Чайковского было отмечено подлинным артистическим вдохновением. Дарование Б. Хайкина, большого, серьезного музыканта, в дни войны приобрело новые черты. Его жест стал выразительнее... появилась большая свобода, трепетность, благородное волнение".

Ленинградский государственный Малый театр оперы и балета на протяжении всей войны не терял связи с родным городом, в свою очередь, руководство города и председатель Ленинградского городского исполкома П. С. Попков постоянно проявляли внимание и заботу о коллективе эвакуированного на Урал театра. Накануне Нового 1943 года артистам пришла поздравительная телеграмма от П. С. Попкова. В феврале 1944 года за перечисленные средства на восстановление памятников культуры Ленинграда председатель горисполкома направил коллективу театра благодарность.

Несмотря на массу важнейших дел, ленинградские власти находили время для решения проблем, связанных с деятельностью Малого оперного театра. 15 апреля 1943 года на очередном заседании исполкома Ленгорсовета решался вопрос о подготовке ввода в эксплуатацию здания Малого оперного театра. Год спустя - 12 мая 1944 года - Комиссия по предварительному рассмотрению вопросов эвакуации обсуждала вопрос о возвращении в Ленинград Малого оперного театра. Коллектив театра сосредоточенно и взволнованно следил за событиями, разворачивающимися у стен Ленинграда. "Ленинградская правда" в 1944 году писала: "Митинг работников театра горячо приветствует доблестные войска Ленинградского и Волховского фронтов и их руководителей, вписавших новые победы в героическую оборону с немецкими захватчиками".

Театр жил напряженной жизнью. Концерты давались не только в Оренбурге, но и в других городах и в сельской местности. Два больших вечера балета с участием ведущих мастеров театра были даны в Орске, Никеле, Медногорске. С концертами в Медногорск, Бузулук, Бугуруслан, Тоцк, на Новотроицкую площадку выезжали заслуженные артисты РСФСР Б. О. Гефт, А. Ю. Модестов, О. Н. Головина.

В 1944 году в дни посевной и уборочной кампаний в районах области работало восемнадцать концертных бригад. В течение месяца группа артистов выступала в Новосергиевском и Люксембургском районах области. Руководителем бригады был назначен В. П. Руновский. Бригада артистов дала сорок концертов в колхозах, школах, на полевых станах. Несколько раз их восторженно встречали в совхозе "Электрозавод", закончившем 28 апреля сев зерновых культур. Артисты выпустили шестнадцать стенгазет и оказали помощь сельской общественности в реализации третьего военного займа. В фонд помощи детям Ленинграда было устроено несколько концертов, которые дали одиннадцать тысяч рублей. В целом было обслужено 48 колхозов, восемь МТС, три совхоза, несколько детских домов²⁴. Но это была выездная концертная деятельность. В некоторых населенных пунктах ставили и спектакли. Так,

в Донгузе поставили "Севильского цирюльника", "Цыганского барона", устроили вечер балета с участием симфонического оркестра.

Руководитель областного отдела искусств Г. И. Незнамов в январе 1943 года отмечал: "Музыкальная жизнь за последний год значительно оживилась. Этому в большей степени способствовало пребывание в г. Чкалове Ленинградского ордена Ленина академического Малого оперного театра. Наличие подлинных мастеров-вокалистов, инструменталистов и главным образом огромная напряженная творческая работа художественного руководителя театра Б. Хайкина сделали возможным исполнение произведений Чайковского, Шостаковича, организацию цикла тематических симфонических концертов, сольных концертов лауреатов Всесоюзных конкурсов исполнителей".

Малегот в 1943 году планировал гастрели в Челябинской области. Однако поездка в соседнюю область ограничилась только выступлением концертных бригад. Оренбургские власти настояли на том, чтобы ленинградские артисты больше работали в пределах Оренбуржья. Артисты Малого оперного выступали на челябинских подмостках с 5 июля по 5 сентября.

Артисты тепло были встречены рабочими и инженерами знаменитого Кировского завода, выпускающего танки для фронта. Завод тоже эвакуирован из Ленинграда, а встреча с земляками вдвойне приятна.

С 4 по 28 мая 1944 года театр был на гастролях в Москве и Ленинграде. Первый концерт состоялся в большом зале консерватории²⁷. Симфонический оркестр под управлением Э. П. Грикурова исполнил Первую симфонию Д. Д. Шостаковича и фантазию П. И. Чайковского "Франческа да Ри-мини". 11 мая в зале им. П. И. Чайковского прошел вечер опер, на котором исполнялись отрывки из опер "Мазепа", "Иоланта", "Паяцы". Двумя днями позже были даны концерты в Доме ученого и на Всесоюзном радио.

18 мая бригада начала работу в Ленинграде. Выступали практически без перерыва в Доме печати, Доме флота, филармонии, подшефном госпитале. Дали концерт работникам финансовых органов, награжденных правительственными наградами. 24 мая артисты были приглашены на встречу в редакцию газеты "Смена", во время которой о работе театра в военные годы рассказал артист В. И. Кильчевский, затем был дан концерт. В эту бригаду вошли наиболее известные артисты и работники театра: главный дирижер Э. П. Грикуров, заслуженные артисты РСФСР О. Н. Головина, Б. О. Гефт, А. Ю. Модестов, лауреат Всесоюзного конкурса исполнителей Е. А. Тропина, солист оперы Н. Н. Бутягин, артисты В. И. Кильчевский, И. К. Руваненко, С. И. Шапошников и другие. После завершения кратковременных гастрелей артисты вернулись в Оренбург.

Благодарные жители города с чувством благоговения вспоминают незабываемые встречи с артистами, которые в те трудные дни были нужны, как глоток родниковой воды в жаркий день. Они вселяли надежду, давали заряд бодрости. Около трех тысяч концертов в клубах и палатах госпиталей, более двадцати шефских спектаклей дал театр за три года войны. Кружки художественной самодеятельности, руководимые работниками театра, занимали первые места на смотрах городской самодеятельности, а школа № 22 заняла первое место по Кировскому району.

Многие артисты выезжали на фронты. Солист оперы К. С. Ливанов дал за время войны около 750 военно-шефских концертов, артисты оркестра А. П. Крюгер и З. Н. Карпачевский, дважды побывавшие на фронте, больше тысячи раз выступили в госпиталях и воинских частях.

Только Александр Петрович Крюгер дал за войну 600 военно-патриотических концертов. С ним вместе часто выступала восьмилетняя дочь, игравшая на ксилофоне. На счету юной артистки - пятьдесят концертов, которые проходили в госпиталях и на оборонных предприятиях.

А вот как сказано в официальной характеристике о Зиновии Наумовиче Карпачевском: "Весь свой досуг отдает работе в госпиталях, особенно в палатах для тяжелобольных. Очень часто выступает по собственной инициативе. Имеет огромное количество отзывов и благодарностей от раненых бойцов и офицеров. Многие из них, возвращаясь на фронт, поддерживают с ним переписку". Так, Бунченко, вылечившийся в госпитале, писал артисту с фронта: "Ваша игра на скрипке радует сердце настолько, что не чувствуешь боли"³⁰.

Артисты никогда не оставляли без внимания больных и раненых, в свободное от работы время старались отправиться в госпиталь, чтобы доставить минуты радости больным. В мае 1944 года в "День культурного обслуживания раненого бойца и офицера" восемь концертных бригад театра дали в госпиталях 18 концертов³¹. Благодаря активности Малегота Оренбургская область держала одно из первых мест в военно-шефской работе в республике³².

Деятельность театра на Уральской земле получила высокую оценку оренбуржцев. Свидетельством этого является малоизвестный документ - ходатайство секретаря Оренбургского обкома ВКП(б) Г. А. Денисова в Комитет по Сталинским премиям 6 января 1944 года. В нем, в частности, говорилось: "...следует особо отметить работу театра над советской оперой и балетом, в первую очередь над оперой И. И. Дзержинского "Надежда Светлова", посвященной Великой Отечественной войне советского народа с фашистскими захватчиками. В

спектакле ярко звучит героическая тема о русских людях - несгибаемых, полных мужества и воли...

Опера "Иоланта" и "Надежда Светлова" пользуются большим вниманием и успехом у трудящихся Чкаловской области.

Областной комитет ВКП(б) выдвигает спектакли "Иоланта" и "Надежда Светлова" Ленинградского государственного ордена Ленина академического Малого оперного театра на соискание Сталинской премии и просит комитет командировать в г. Чкалов комиссию для просмотра и оценки указанных спектаклей".

Сохранилось еще одно доказательство признания таланта ленинградцев. Г. А. Денисов, руководитель области, обращался в центр с просьбой об открытии в Оренбурге оперного театра.

Специалисты театра в военное время читали лекции на музыкальные темы, проводили семинары, шефствовали над художественной самодеятельностью. С большим успехом, например, прошла лекция, посвященная жизни и деятельности А. С. Пушкина, после нее были исполнены сцены из опер "Русалка", "Борис Годунов", "Пиковая дама", а также арии и романсы на стихи А. С. Пушкина. Через месяц состоялся вечер русского романса.

Для студентов оренбургских институтов, а также курсантов военных училищ композитор М. И. Чулаки прочел в 1944 году цикл лекций по истории русской музыки. Лекции сопровождалась выступлениями ведущих мастеров Малого оперного театра.

Значителен и материальный вклад артистов театра в Победу. Они внесли в Фонд обороны значительные суммы денег за концерты и лекции, облигации государственных займов, различные ценности. Только в 1944 году, 1941-1942 годах в этот Фонд было перечислено 154 тысячи рублей и отправлено облигациями на 96 тысяч рублей. Артисты активно участвовали в подписке на государственные военные займы, подписывались дружно и в очень короткий срок.

В период прорыва блокады Ленинграда в 1943 году театр собрал 300 тысяч рублей и подписался на облигации на 273 тысячи рублей. 1 марта 1944 года Малегот перевел взнос в сумме 30 тысяч рублей на восстановление разрушенных гитлеровцами памятников культуры города Ленинграда и его пригородов. В связи с этим событием из Оренбурга в Ленинград была отправлена телеграмма: "Отдавая свой досуг и организуя в выходные дни спектакли и концерты, работники театра уже собрали в фонд помощи детям ленинградских фронтовиков 45 тысяч рублей", далее в телеграмме шла информация о сборе денег на восстановление памятников³⁴.

24 января состоялся "Большой патриотический концерт", весь сбор, от которого передали на приобретение подарков для воинов Ленинградского фронта. В нем приняли участие артисты В. И. Кильчевский, О. Н. Головина, Б. О. Гефт, С. Н. Шапошников, Ф. А. Андрукович, Г. И. Исаева, Н. Р. Мириманова и другие. Часть средств принес бал-маскарад, проведенный 19 февраля 1944 года. Сохранился пригласительный билет, на нем есть такие слова: "В фонд помощи детям фронтовиков. Костюмы и маски обязательны. Немаскированные платят штраф 10 рублей". В программе бала - выступления лучших артистов театра.

В трудных военных условиях театр сохранил свой музей, добившись у Государственной штатной комиссии при СНК СССР выделения штатной единицы заведующего музеем. Коллектив бережно хранил свои традиции, преумножая их.

29 августа был сыгран последний спектакль в Оренбурге. Перед отъездом театр организовал прощальные концерты в госпиталях, клубах, театре. За несколько месяцев до отъезда журнал "Огонек" верно заметил, что "Малегот прочно вошел в жизнь города. Трудно будет чкаловскому зрителю расставаться с театром, который он крепко полюбил, с которым отныне связан большой дружбой".

Годы войны были годами упорной творческой работы. На маленькой оренбургской сцене театр восстановил все ленинградские постановки. Десять раз в два года афиши возвещали о его премьерах.

Окреп и вырос его творческий коллектив. Рядом с "ветеранами", заслуженными артистами РСФСР Б. О. Гефтом, О. Н. Головиной, А. Ю. Модестовым работала молодая плеяда артистов, в которую вошли Е. А. Красовская, В. И. Кильчевский, С. Н. Шапошников, завоевавшие любовь зрителей. Три года искусство Ленинграда жило на Уральской земле.

Июль и август 1944 года - время последних концертов и спектаклей. 15 июля в Окружном Доме культуры Красной Армии Южно-Уральского военного округа был организован прощальный вечер солистов театра для командования округа³⁷. 18 июля солисты театра дали прощальный концерт для одного из военных училищ города. 20 июля состоялся концерт в подшефном госпитале. "Задолго до начала концерта помещение клуба госпиталя заполнили раненые и больные, а также медицинский персонал. Театр организовал большой концерт, в котором участвовал симфонический оркестр под управлением дирижера, заслуженного артиста РСФСР А. Н. Когана. Были исполнены отрывки из опер П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова. С

участием ведущих солистов театра были исполнены сцены из "Евгения Онегина", - говорилось в отчете.

В те дни театр получал много благодарственных писем, в одном из них, написанном капитаном Окуневым, были такие строчки: "...письмо навеяно теми двойственными чувствами, которые испытываем мы, ценители и любители руководимого Вами театра. Все мы глубоко сожалеем, что в Чкалове не будет такого квалифицированного коллектива, и очень рады тому, что вы возвращаетесь в Ленинград".

И как бы в ответ на эти слова директор театра Г. М. Коркин и главный дирижер Э. П. Грикуров в прощальной статье заметили: "Уезжая из Чкалова, театр сохранит о нем лучшие воспоминания".

2 сентября - день официальных проводов театра в Ленинград. Ровно три года ленинградские артисты своим искусством дарили наслаждение оренбургским поклонникам оперы и балета.

Концерт в блиндаже

Спасибо вам уж многие сказали.
На фронте и в тылу вам жали руки,
Но я хочу, чтоб песню написали
О фронтовой, о театральной труппе.

И. Виноградов

Среди тех, кто приближал победу, были не только артиллеристы, летчики, моряки, пехотинцы, разведчики, но и артисты. О людях в погонах написано немало. А вот певцов, танцоров, фокусников, акробатов - молодых и в почтении возрасте - печать не особенно балует. А между тем их талант творил чудеса.

"Фронту нужно искусство, как хлеб, как окопная махорка", - говорил командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков на встрече с артистами Большого театра 11 ноября 1941 года. И он не преувеличивал. Военные документы, мемуары артистов свидетельствуют о тесном сотрудничестве работников всех искусств с Красной Армией в то грозное время. Фронтовые артистические бригады начали формироваться в первый день войны и уже утром 23 июня выехали в расположения воинских частей. Артисты старались выступать так, чтобы воодушевить воинов на ратные подвиги. Среди этих бригад были и артисты из Оренбурга.

Первым среди оренбургских коллективов на передовой выступила бригада под руководством артиста областного драматического театра имени А. М. Горького К. С. Олега. Она отправилась на фронт в ноябре 1941 года. В состав бригады вошли эвакуированные из Ленинграда заслуженные артисты РСФСР В. А. Овчаренко, Е. А. Красовская, Ю. Н. Калганов, артисты Ленинградского государственного академического Малого оперного театра В. В. Андреева, Н. Р. Мириманова, В. А. Варковицкий, Я. Е. Гринман, Ф. А. Андрукович. От Оренбургского драматического театра в бригаде выступали К. С. Олегов и М. Ф. Крушинский. От артистов эстрады на фронт поехали М. Поздняков (Мишель) и И. А. Кошпур.

Н. Р. Мириманова, член первой артистической бригады, поделилась впечатлениями о поездке: "Передовая позиция. До врага 700-800 метров. В небольшой землянке собрались бойцы, они пришли из окопов послушать наш концерт. Сидящие впереди держали в руках лампы и свечи, чтобы осветить маленькую импровизированную сцену. Лица здоровые, энергичные, оживленные. С каким вниманием ловят они каждый звук, каждое слово и движение! В эти минуты отдаешь им все свое умение, все свое искусство".

За двадцать восемь дней артисты на Северо-Западном фронте дали пятьдесят концертов. Дополнительно шесть концертов было организовано в пути следования.

Вернувшись из поездки в воинские подразделения, М. Поздняков (Мишель) писал в газете "Чкаловская коммуна" (февраль 1942 года): "Отрадно было видеть, как мои шутки, остроты, фельетоны, в которых высмеиваются фашистские воины, вызывали у бойцов и командиров веселый здоровый смех. Характерно, даже в это грозное время бойцы, презирая врага, смеялись!"

Артист Ф. А. Андрукович после одного из выступлений получил от руководителя истребительного отряда Б. И. Горбачева в подарок боевой кинжал. Он вспоминал: "...как я был взволнован этим подарком. Слезы подступили к горлу. И Горбачев был тронут. Мы молча обняли друг друга и крепко расцеловались. Кинжал героя я бережно храню, как символ дружбы певца и бойца".

5 декабря 1941 года артисты первой бригады дали концерт на командном пункте фронта. Армейская газета "Героический штурм" на своих страницах поместила заметку: "Сегодня у бойцов командира Ефремова был незабываемый день. К нам на передовые позиции с творческим рапортом приехали артисты. Обстановка не позволила всем собраться в одно

место. Выступление артистов состоялось в блиндажах и дзотах. У бойниц за пулеметами и орудиями сидели бойцы, зорко наблюдая за противником. Свободные от наряда слушали. Но не всем до конца пришлось остаться на концерте. Взглянув последний раз на сцену, тихо встали разведчики, строились и уходили в морозную ночь, в леса на боевые операции". Когда кончился концерт, в общем порыве поднялись бойцы и запели вместе с актерами.

Командование Северо-Западного фронта объявило первой бригаде оренбургских артистов благодарность.

Комитет по делам искусства при Совнаркомом СССР рекомендовал театрам обращать внимание на репертуар и на состав артистических бригад: "В концертную бригаду включать высококвалифицированных артистов концертных организаций со специально подготовленным репертуаром".

Руководство оренбургских театров несомненно следовало предложениям Комитета по делам искусств. В феврале 1942 года на фронт отправилась делегация Оренбургской области, приурочив поездку к годовщине Красной Армии. Делегация везла бойцам и командирам подарки, собранные тружениками области. Бригаду артистов возглавил директор Оренбургского драматического театра М. П. Сахновский. Ленинградский театр представляли И. В. Лелива, Всеволодская, И. М. Лившиц, от драматического театра поехали заслуженный артист Белоруссии Андреев, Захаревич, Бендицкий, от концертного бюро - Звягинцев, Белинник, Поздняков и другие.

Сохранились фронтовые дневниковые записи артистка И. В. Леливы, сделанные в начале 1942 года: "...нас окружают бойцы. Теплые слова приветия и крепчайшие рукопожатия.

...Во время концерта раздается дружное "ура" - это зрители приветствуют товарища-героя, которому артисты посвящают свое выступление. Концерт идет под аккомпанемент наших и вражеских орудий.

...Порывы ветра, кажется, вот-вот сорвут нашу тонкую брезентовую защиту. Но, как ни странно, в палатке тепло уютно, и злой ветер не в силах помешать нашему празднику

Кончается концерт митингом. Политрук в заключительном слове просит передать всем товарищам в тылу уверенность в том, что никогда фашисты не вырвут инициативу боя из рук Красной Армии и что окончательная победа над гнусным врагом близка.

...Поем мы часто по заказам бойцов. И каждый раз бываем, удовлетворены их запросами. Не легкие песенки, а серьезные арии из классических русских и иностранных опер требуют от нас".

Следующей была бригада, возглавляемая дирижером Ленинградского государственного академического Малого оперного театра К. П. Кондрашиным, выехавшая на фронт в апреле 1942 года. За два месяца бригада дала восемьдесят один концерт. От коллектива оперного театра в нее вошел артисты Н. П. Федорова, С. Н. Шапошников, Н. Н. Мокиенко, Всеволодская, Замориц, от областного драматического - Побегалов. И вновь в бригаде - М. Поздняков - от концертно-эстрадного бюро. Вскоре после этой поездки руководителя артистической бригады Кирилла Кондрашина пригласили на должность дирижера в Большой театр Имя К. П. Кондрашина широко известно в музыкальных кругах, ныне в Голландии регулярно проходят конкурсы его имени. И с этой будущей знаменитостью виделись многие бойцы.

Встреча с артистами - в памяти нынешних ветеранов войны. Участник Великой Отечественной войны оренбуржец Д. И. Гацков рассказывал: "Помнится, в деревню, где стоял штаб дивизии, прибыли артисты Оренбургского драматического театра. Импровизированную сцену сделали в сарае. Прибыли зрители по 4-5 человек от роты и батареи. Но концерт был недолгим. Видимо, как-то пронюхали немцы, открыли ураганный артиллерийский огонь по деревне. Снаряды все ближе и ближе ложились к сараю. Несколько человек было убито и ранено. Пришлось зрителям, прикрывая собой артистов, выводить их в безопасное место. Но все равно приезд артистов-земляков поднял боевой дух наших войск". Так артисты делили фронтовые будни наравне с бойцами, отдавали свои силы и талант борьбе с врагом.

После двухмесячного пребывания на Ленинградском и Волховском фронтах в декабре 1943 года М. И. Чулаки делился впечатлениями с читателями "Чкаловской коммуны": "Я получил огромный творческий заряд, который во многом определили характер моих будущих работ". Результатом его поездки на фронт стала кантата "На берегах Волхова", которую впервые исполнили в Оренбурге 31 декабря 1943 года.

По над Волковым
Мы их доняли,
Чтоб глаз они Не мозолили...
Бей захватчиков
Во глуши лесной!
Мы вступили в бой,
Чтоб идти к тебе,
Ленинград родной.

Будем драться мы
Вместе с братьями –
Ленинградцами...

Эти строки трогали сердце, волновали душу слушателей. На фронте М. И. Чулаки привлекли фронтовые частушки, многие из которых он записал.

Всего Оренбург сформировал семнадцать фронтовых бригад, девять из них - от Ленинградского оперного театра. Его артисты побывали в только что освобожденном Сталинграде, Воронеже, на Северном Кавказе, на Волховском, Южном, Карельском и Ленинградском фронтах. Оренбургский театр кукол выезжал в действующую армию на Карельский фронт.

Одну из семнадцати оренбургских бригад возглавил дирижер Малого оперного театра Э. П. Грикуров. Перед бойцами выступали А. И. Ступальская, С. М. Казбанов, Г. В. Ольшевский, К. С. Ливанов и другие.

В 1943 году бригада артистов Оренбургской филармонии (бригадир - Задворянская, художественный руководитель - Гуревич) в течение двух месяцев давала концерты в частях 1-го Украинского фронта. С концертными номерами выступали И. Ю. Гуревич (аккордеон), Н. А. Шварц (скрипка), русские народные песни и арии из опер исполняли Н. Н. Мокиенко и И. И. Киселева, жанровые песни - У. А. Чудновский, художественное чтение - В. А. Менчинский. Большим успехом пользовались украинские песни в исполнении Я. А. Зориной. Украсили программу номера артистов Л. Спокойской и И. Рузанова. Всего дали 71 концерт. Концертная бригада Оренбургской филармонии выезжала на фронт и в 1945 году, в ее составе были артисты Л. Столповская, Б. Казанский и другие.

В свои программы артисты тех лет включали лучшие произведения советских авторов, классиков, народные песни, сочиняли стихи и музыку, сами придумывали сценки, прославляющие бойцов. Заслуженный работник культуры РСФСР В. Эуфер вспоминает: "...что во время концертов... как будто немного отодвинулась война, когда играли Чайковского, Леккока. И вновь придвигалась, когда звучала музыка Соловьева-Седого".

Приходилось давать концерты в самых тяжелых условиях - при артобстрелах, бомбежках, в блиндажах и землянках. Случалось, что пока одна группа бойцов слушала артистов в землянках, другая вела перестрелку с противником, ожидая своей "очереди" попасть на концерт. Зачастую артистам приходилось выступать пять-семь раз в день.

Участница четырех фронтовых бригад, солистка балета Н. Р. Мириманова не раз делилась впечатлениями о встречах с бойцами. Вот одно из ее свидетельств: "Первый концерт в стрелковом полку. Наш зрительный зал чрезвычайно живописный. Бойцы расселись на холме. Все в шлемах, вооруженные, с автоматами наперевес, гранатами за поясом. Плетеная сцена внизу, у подножия холма, а холм высокий-высокий и весь утопает в полевых цветах. Колоссальный, красочный амфитеатр. Шлемы, васильки, автоматы, ромашки, гранаты...

Слушают нас воины, которые завтра пойдут в атаку. Сознание этого чрезвычайно волнует артистов. Хочешь превзойти все, на что способен был до сих пор. И когда с вершины холма сходит боец и читает свой адрес артистам, написанный карандашом в походной тетради, и передает его вместе с букетом цветов, мы стоим растроганные до глубины души".

В мае 1944 года в Оренбург вернулась девятая по счету группа артистов Ленинградского оперного, выступавшая на Волховском, Ленинградском и 2-м Украинском фронтах п. Бригадир - артистка балета М. В. Уланова. Артисты испытывали удовлетворение от хорошо исполненного долга.

Газета "Литература и искусство" 3 июля 1944 года информировала читателей, что фронтовая бригада артистов в составе В. Овчаренко, Н. Федоровой, Г. Радолеско и других провела за три месяца около 80 концертов. В освобожденном Конотопе бригада дала концерт, весь сбор от которого передан в фонд восстановления города.

48 концертов были даны в частях, принимавших участие в разгроме немецких войск под Ленинградом. В Ленинграде артисты выступили в подшефном госпитале. В одном из отзывов раненые офицеры написали: "За вашу большую работу и теплоту, проявленные к раненым, искренне вас благодарим. В скором времени в решающих боях с фашистами будем впереди, и в трудную минуту мы вспомним о вас".

На 2-й Украинский фронт бригаду переправили на самолете. Концерты проходили на аэродроме и в землянках, перед боевыми вылетами и в часы затишья. Затем коллектив пригласили в Москву участвовать в концерте, посвященном 15-й годовщине литературно-художественного журнала "Красноармеец", а также в юбилейном концерте, который был дан в честь установления звания Героя Советского Союза. Концерт прошел в Красноармейском зале Центрального Дома культуры имени М. В. Фрунзе.

Некоторые актеры побывали на фронте в составе артистических бригад не единожды. Участниками концертных групп четыре раза были солисты оперы Елена Антоновна Красовская, Иосиф Михайлович Лившиц и солистка балета Нина Рубеновна Мириманова. Трижды выезжали

на передовую солисты оперы заслуженная артистка РСФСР Вера Анатольевна Овчаренко и Сергей Николаевич Шапошников, артист оркестра скрипач Ш. Х. Ланде.

Во время концертов на передовой большой успех имели массовые песни. Многие из них приобрели воистину всенародную признательность: "Вечер на рейде" В. Соловьева-Седого, "Песня о Днепре" М. Фрадкина, "Заветный камень" Б. Мокроусова, партизанские В. Захарова и С. Каца, "Дороги", "Синий платочек", "В землянке", "Огонек"... Музыка в годы войны повезло. Она попала в руки высоких профессионалов. Это были песни-события, песни-открытия, песни-откровения.

Отправляясь в бой или выходя из него, солдаты тянулись к лирической песне, задушевному слову, едко разящей сатире и веселому юмору про свои промахи. Хотели увидеть и услышать то, что было в той мирной жизни, и то, что будет после победы.

"Нет более благодарного, внимательного зрителя, чем фронтовик, - считали артисты. - Они нам были дороги, дороже всего - эти знаки внимания и уважения: записка с благодарностью, стихотворение на память, письмо, написанное на клочке бумаги: "Дорогим артистам от гвардейцев-артиллеристов на память о концерте в лесу".

Многие участники войны не забыли того благодарного чувства, с каким они слушали концерты фронтовых бригад. Для двух оренбургских коллективов война закончилась под гром аплодисментов на территории Югославии и на польской земле.

Сегодня артисты военной поры обращаются сердцем в далекие годы, вспоминая своих товарищей по фронтовым дорогам, своих слушателей. И вновь их наполняет гордость за то, что их искусство помогло приблизить победу в самой страшной войне на земле.

Из всех театров, а их в Оренбурге перед войной было четыре, в Красную Армию призвали почти всех мужчин. Так, из театра кукол ушли на фронт семь человек, четверо из них погибли¹⁴. С оружием в руках защищала Отечество половина актеров татарского колхозно-совхозного театра. Начавшаяся война внесла свои коррективы - из Оренбурга в Орск был переведен театр оперетты.

Артисты выступали на концертах-митингах, ставили одноактные пьесы на злободневные темы, читали сатирические рассказы, участвовали в вечерах, проводившихся общественными организациями, сборы от которых шли в Фонды обороны и помощи эвакуированным детям фронтовиков.

Репертуар оренбургского драматического театра был разнообразным. Только за первый год войны театр выпустил десять премьер. Директор театра М. П. Сахновский, выступая на собрании работников искусств 20 июля 1942 года, отметил: "Военная тематика имеет большое значение, но не нужно забывать и о перлах мировой драматургии". И репертуар художественного коллектива был самым разнообразным. В программу театра вошли следующие спектакли: "Фронт" А. Е. Корнейчука, "Кремлевские куранты" Н. Ф. Погодина, "Жди меня" К. М. Симонова, "Оптимистическая трагедия" В. В. Вишневского, "Генерал Брусиллов" И. Л. Сильвинского, "Собака на сене" Лопе де Вега. В театре была поставлена пьеса "Тимур и его команда", в которой была занята вся молодая часть труппы.

В военное время активно работал коллектив Оренбургского кукольного театра. Мастера сцены выступали в городе, в сельской глубинке, неоднократно выезжали за пределы области.

Зимой 1943 года театр кукол выехал в только что освобожденный Воронеж. В состав фронтовой бригады вошли двенадцать человек, среди них художественный руководитель М. И. Саввина, актеры А. Н. Плешков, А. Н. Мухина, Л. В. Ведерникова и другие. В программе театра были постановки "Неумирающий Антон" Преображенского, "Волшебная калоша" Матвеева и эстрадная программа "Фашистских гадов бей как надо". В поездке театр находился девять дней, работал на территории Воронежской, Ростовской и Тамбовской областей. Только в Воронеже коллектив дал 49 спектаклей. Всего же было обслужено 16 городов и поселков, и в каждом населенном пункте было неоднократное выступление. В Миллерово выступили десять раз, в Талловой - восемь, в Россосах - семь, в Чертково - восемь, в Поворино - пять, в Новохоперске - два и т. д. Всего во время гастролей артисты сделали 129 постановок, обслужив почти пятьдесят тысяч зрителей.

Директор театра А. Ф. Козловская писала: "Несмотря на трудные условия, на отсутствие должного музыкального инструмента и реквизитов, спектакли проходили с большим подъемом..."

В поездке по линии Юго-Восточной железной дороги коллектив театра вечерами, в темноте, по грязи шел со спектаклей с мокрыми ногами, и не единой жалобы не поступало в дирекцию на трудные условия".

Воронежский областной исполком наградил театр Почетными грамотами и вынес благодарность. Театр кукол в годы войны не имел помещения для стационарной работы, в связи с этим встал вопрос о его переезде в Воронеж, куда коллектив пригласили на постоянную работу. Однако эту проблему со временем уладили.

Оставшиеся в тылу артисты татарского колхозно-совхозного театра практически все время находились в поездках по области. Так, 15 июля 1942 года театр послал в сельские

населенные пункты пять артистических бригад, которые обслужили семнадцать районов а. За годы войны коллектив театра дал 1061 спектакль, зрителями, которых стали 361 455 человек. Неизменным успехом пользовались постановки "Галия бану" М. Файзи, "Банкрот" Г. Камала, "Ильучен" Р. Ишмуратова и другие.

Театр музыкальной комедии вернулся из Орска весной 1943 года. Пока было холодно, работали в клубе имени Ф. Дзержинского, а затем начали выступать на летней сцене в городском парке "Тополя". Как и в драматическом театре, в театре музыкальной комедии каждый месяц - премьера. После отъезда Ленинградского оперного театра коллектив театра музыкальной комедии перешел в свое постоянное помещение. На сцене шли как классические спектакли - "Баядера", "Марица", "Нитуш", так и современные - "Свадьба в Малиновке", "Раскинулось море широко", "Ветер с востока", "Девушка из Барселоны" и другие *. Публика принимала на "бис" "Любовь моряка" (опереточный вариант "Мадам Баттерфляй"), "Талисман". Заслуженный работник культуры России, бывший солист театра О. Е. Милохин вспоминает: "С лета 44-го начались победные салюты. Идет спектакль. Все свободные бегут к Дому Советов, там репродуктор был, слушали все последние известия. Кто первый прибежит - перед занавесом объявляет, какие города взяты, сколько залпов в салюте".

Состав труппы был сильный - Н. Бегма, С. Бравина, А. Морское, В. Котов, Б. Казанский, о котором О. Г. Милохин сказал: "Какой это был Суворов в "Суворочке", а ставила его И. Ф. Щеглова! И еще: по-моему, это был самый лучший Кутайсов из всех, что я видел в "Холопке".

В военные годы перестроил свою работу и цирк. Новая программа открывалась осенью 1941 года эмоционально-насыщенной интермедией "Враг будет разбит". Коллектив работников Оренбургского госцирка принял активное участие в создании Фонда обороны. Артисты, рабочие и служащие решили ежемесячно отчислять в Фонд обороны свой однодневный заработок. Кроме того, коллектив цирка в сентябре 41-го сдал облигации госзаймов на 11 960 рублей. 9 сентября 1941 года в цирке был выходным. Но коллектив отказался от отдыха и дал представление, денежный сбор от которого был перечислен в Фонд обороны.

Оренбуржцам в военную пору посчастливилось принимать известных в стране артистов цирка, среди них заслуженный артист РСФСР Ю. В. Дуров, заслуженный артист РСФСР дрессировщик А. Н. Александров. Программа, насыщенная интересными номерами, с участием дрессированных леопардов, с успехом принималась в июне 1944 года в городском цирке.

В области также работало Оренбургское концертно-эстрадное бюро, возникшее в начале войны. К июню 1942 года бюро дало две тысячи концертов, обслужив пятьсот тысяч зрителей. Помещение театра эстрады, как его иногда называли, находилось на территории колхозного рынка.

В военные годы, несмотря на трудности, город приобрел новые учреждения культуры: концертно-эстрадное бюро, филармонию. Последняя родилась в 1943 году и уже в первый год своего существования проделала значительную работу, осуществив постановку оперы "Иван Сусанин" в концертном исполнении. Прекрасно были приняты симфонические концерты, посвященные творчеству П. И. Чайковского. Филармония провела авторский вечер композитора В. П. Соловьева-Седого в связи с присуждением ему Сталинской премии. В том же году филармония обслужила девятнадцать районов, отправила в села тринадцать артистических бригад, которые дали 189 концертов, на которых побывало 45 тысяч зрителей.

Сезон 1944 года филармония открыла вечером русской народной песни, которые исполнялись солистами и хором Ленинградского оперного театра. Был проведен цикл лекций-концертов по истории русской музыки. В программе: М. И. Глинка, М. А. Балакирев, А. П. Бородин, М. П. Мусоргский, П. И. Чайковский, А. К. Глазунов, С. И. Танеев, С. В. Рахманинов, В. П. Соловьев-Седой, И. И. Дзержинский и М. И. Блантер.

В 1944 году в воинских частях и госпиталях Оренбурга филармония дала 72 шефских концерта. В фонд семей фронтовиков артисты собрали пятнадцать тысяч рублей. При филармонии был создан ансамбль русских народных инструментов (домбро-балалаечного состава).

Радовали оренбуржцев и выступления артистов эстрады. В июле 1944 года прошли гастроль популярной еврейской артистки Сиди Таль при участии артистов М. Бланк, А. Тэфнер, А. Беркович, Я. Фишер. В программе концертов - пародии, фельетоны, куплеты.

Бригада артистов узбекской филармонии дала свои концерты в октябре 1944 года.

В годы войны важную роль в культурной и общественной жизни области играло музыкальное искусство - профессиональное и самодеятельное. Как и другие виды искусства, оно выступало не только как форма художественного, но и политического воспитания масс. Многочисленные бригады, созданные в городе, ставили концерты на мобилизационных пунктах, в райвоенкоматах, агитпунктах, в трудовых коллективах, в воинских частях. Артисты театров поддерживали высокий моральный дух населения области. Большой вклад внес и Дом народного творчества, который с первых дней войны организовал четыре агитбригады для обслуживания призывных пунктов и воинских частей.

Концертные бригады создавались и для работы в райцентрах, колхозах и совхозах области. Также к июню 1942 года двадцать три артистические бригады дали 365 концертов в тридцати районах области для ста тысяч зрителей³⁶. Все это было до того, как Комитет по делам искусства при СНК РСФСР издал приказ "О художественном обслуживании трудящихся колхозов, совхозов и МТС в период уборочных работ", где предложил областным отделам немедленно приступить к формированию концертных бригад и направить их в колхозы, совхозы и МТС, утвердить репертуары музыкальных коллективов и программы концертных выступлений.

В июле 1943 года на полевых станах и в колхозах области работало пять бригад Оренбургской государственной филармонии, театр миниатюры. В полном составе выехал в Илекский район театр кукол.

В годы войны на заводах, фабриках, в учреждениях, учебных заведениях, госпиталях уделял ось постоянное внимание развитию художественной самодеятельности. В начальный период войны ввиду массового ухода на фронт руководителей и участников многие самодеятельные художественные кружки распались, резко сократилась их численность. Тем не менее в первый год войны коллективы художественной самодеятельности Оренбурга дали 1250 концертов.

В организации художественной самодеятельности большим препятствием являлось отсутствие музыкальных инструментов, декораций, костюмов и т. д. Несмотря на трудности, городская художественная самодеятельность не пришла в упадок. После временного спада в начале войны наступает ее подъем. В 1943-1944 годах повсеместно прошли смотры художественной самодеятельности, в которых участвовали сотни оренбуржцев. В 1943 году на смотре художественной самодеятельности Кировского района первое место занял коллектив авиазавода и швейной фабрики, второе место - завод "Автозапчасть" и госпиталь № 165838.

В исполнении самодеятельных коллективов и солистов звучали замечательные песни того времени - "Священная война", "Подымайся, народ...", "Заветный камень", "В лесу прифронтовом", "Землянка", читались патриотические стихи и страстные памфлеты, клеймившие врага. Наряду с героическими исполнялись народные лирические песни и, конечно, частушки. Голосистые девчата в сороковые с подъемом запевали:

Эх, какую нынче радость
Мне доставил почтальон!
Милый пишет: за отвагу
Он медалью награжден.

Немцы лезли к Сталинграду
И кричали "Хайль" и "Хох".
А обратно покатались! –
Только слышно: "ох" да "ох".

Размах культурно-массовой работы всколыхнул народные таланты. Кружки художественной самодеятельности создавались и в ходе самого смотра, что говорило о всеобщем энтузиазме.

В 1944 году на городском смотре художественной самодеятельности Железнодорожный район города представил семнадцать номеров. Помощь в подготовке школьной самодеятельности оказали преподаватель географии школы № 40 В. В. Борщанская, директор школы № 15 В. А. Михайлюк. Лучшими в Кировском районе города в 1944 году стали самодеятельные артисты средней школы № 22 и начальной школы № 29. В подготовке и проведении смотров принимали участие представители партийных и советских организаций. На смотрах свое мастерство демонстрировали хоровые, драматические, хореографические коллективы, духовые, струнные оркестры.

Выступали на оренбургских подмостках и курсанты оренбургских военных училищ. В июне 1944 года в госпиталях, в Доме Красной Армии шла опера "Запорожец за Дунаем", в главной роли майор Харчев, офицеры Фоменко и Франчук, младший сержант Кошевой. Слаженно звучал оркестр под управлением старшего лейтенанта Бельского.

Развитию художественной самодеятельности помогали профессиональные артисты. Так, огромную помощь госпитальным кружкам оказали артистка областного драмтеатра О. М. Валентинова, артист В. И. Фомичев, режиссер Вы-боргского Дома культуры М. И. Козаков.

В годы войны Оренбургское музыкальное училище готовило квалифицированные кадры вокалистов, скрипачей, дирижеров, хормейстеров, педагогов. В 1941 /42 учебном году училище обучило сто семь студентов. В училище работала бригада по обслуживанию госпиталей. Давались тематические концерты, посвященные П. И. Чайковскому, Н. А. Римскому-Корсакову. В первый год работы эта бригада дала 170 шефских концертов.

В военное время в Оренбургском драматическом театре работал композитор Даниил Григорьевич Френкель (1906-1984 гг.). Он заведовал музыкальной частью и был дирижером театра. В Оренбург Д. Г. Френкель прибыл вместе с эвакуированным Малеготом уже известным в стране композитором. Творческие интересы композитора в тридцатые годы были

сосредоточены главным образом на оперном искусстве. Это одноактные оперы "Закон и Фараон" и "Ущелье" по рассказам О. Генри, затем опера "Рассвет" о революционном движении в России в конце XIX века.

"Чкаловская коммуна" так писала о Д. Г. Френкеле, чьи произведения исполнялись на городском вечере советских композиторов в апреле 1942 года: "Интересно было представлено творчество Даниила Френкеля. Заслуженные артисты РСФСР О. Головина и А. Модестов исполнили сцену из оперы "Угрюм-река", песню "В поход" из только что законченной композитором кантаты "Отечественная война"- одного из первых вокально-симфонических произведений, посвященных этой большой теме". Зимой 1944 года Д. Г. Френкель работал над поэмой "Ленинград" для симфонического оркестра, закончил оперу "Диана и Теодоро" по мотивам комедии Лопе де Вега "Собака на сене".

25 августа 1944 года Д. Г. Френкель был освобожден от должности в связи с возвращением в Ленинград. Содержание приказа по Оренбургскому областному драматическому театру им. А. М. Горького позволяет выделить основные направления его деятельности на Южном Урале в военное время: "Всегда строгая требовательность к себе самому как к художнику позволяла Даниилу Григорьевичу быть столько же требовательным к руководимому им оркестру, работа которого за это время стала органическим компонентом многих спектаклей.

Помимо организационной деятельности, выразившейся в руководстве музыкальной частью театра, должно особо отметить заслуги Даниила Григорьевича как художника-композитора, всегда оригинального по музыкальным краскам, тонко чувствующего замысел автора и режиссера, своим участием в немалой степени помогавшего успеху театра". Это цитата из приказа, заканчивающегося вынесением благодарности композитору.

Д. Г. Френкель оформил следующие спектакли: "Собака на сене" Лопе де Вега, "Горе от ума" А. С. Грибоедова, "Бесприданница" А. Н. Островского, "Давным-давно" А. Н. Арбузова, "Лодочница" Н. Ф. Погодина.

Много внимания он уделял шефской работе. В частности, под его руководством жила художественная самодеятельность в Доме Красной Армии Военно-воздушной академии.

С Оренбургом военного времени связана жизнь двух известных виолончелистов Леопольда и Мстислава Ростроповичей, отца и сына. Они эвакуировались из Москвы, в свое время семья пережила в этом степном городе лихолетье гражданской войны.

Ростроповичей приняла Е. Лонткевич, которая в эвакуации постоянно заботилась о семье Ростроповичей, старалась достать немного продуктов, чтобы как-то продержаться. Профессор С. Хентова, работающая в жанре биографической литературы и издавшая книгу о творчестве М. Л. Ростроповича, пишет: "Славе - четырнадцать лет. Из красивого ребенка он вытянулся в долговязого парня, всегда плохо одетого, говорливого и обаятельного. Его определили в железнодорожную школу и местное музыкальное училище, где стал преподавать отец. Из кладовой училища Славе выдали кустарный инструмент, настолько прочный, что на нем можно было сидеть. Ценой утомительных упражнений Слава, щедушный из-за полуголодного существования, все-таки овладел этим деревянным ящиком, и с тех пор уже никакие инструменты его не пугали".

Отец Леопольд Витольдович, знаменитый виолончелист, играл в кинотеатре "Молот" перед сеансами вместе с талантливой пианисткой Софьей Вакман и московской скрипачкой из оркестра Большого театра Э. Гиттер. Славе Ростроповичу хотелось привлечь внимание слушателей, и он предложил отцу изменить репертуар, с тем, чтобы программа была ближе публике.

Именно Оренбург стал профессиональной школой Мстислава Ростроповича. Этому помог эвакуированный Ленинградский Малый оперный театр, на спектаклях которого пропал юный Ростропович. Композитор М. И. Чулаки, чьи балеты шли в театре, занимался с Ростроповичем композицией. В Оренбурге Слава создал фортепианный концерт, поэму для виолончели, прелюдию для фортепиано. Его включили в концерт советских композиторов. Он играл прелюдию для фортепиано и виолончельную поэму. 10 апреля 1942 года местная газета опубликовала рецензию известного московского музыканта Р. Глезер: "Произведения Славы Ростроповича свидетельствуют о большом мелодичном даровании, тонком гармоническом чутье и музыкальном вкусе. Юный автор подкупает слушателя и своими прекрасными исполнительскими возможностями".

После этого концерта последовало одно выступление за другим. Он играл с оркестром Малого театра, исполнившим "Вариацию на тему рококо" П. И. Чайковского. Работавшая в местном музыкальном училище, Р. Глезер помогла организовать два концерта С. Ростроповича. Он выступил в ансамбле с Софьей Вакман, женой дирижера Малого театра Э. П. Грикурова. С. Ростропович выезжал с концертами в колхозы, окрестные райцентры и, конечно, госпитали.

Во время двухдневного визита М. Ростроповича в Оренбург в октябре 1993 года на пресс-конференции журналисты задавали в основном вопросы, связанные с современной жизнью и работой музыканта. Автор этих строк адресовала Ростроповичу вопрос о военной поре: "Сквозь

призму времени, что больше всего запомнилось четырнадцатилетнему мальчику в Оренбурге военной поры?" Музыкант ответил: "Я готов рассказывать об этом очень долго, я ничего не забыл. В первую оренбургскую холодную зиму в доме замерзла вода. Не знаю, как пережили мы ночь, а утром какой-то незнакомый человек принес в дом "буржуйку" и дрова. Благодаря этому мы выжили.

Когда у меня умер отец, я написал в тетради: "Приказ № 1. Немедленно начать заниматься виолончелью не менее трех часов в день. Главнокомандующий Ростропович".

Я стал выступать с концертами - так я мог добывать средства к существованию. Другим источником дохода были копилки, которые я делал из лабораторных склянок.

Помню я и талоны на питание, которые мне отдал композитор Чулаки, помню и столовую, выкормившую меня своими супами. Помню, как мы с артистами Малого оперного отправились в Орск. В насквозь промерзшем вагоне нам выдали по одному одеялу. Я лег и подумал, хорошо бы сейчас уснуть и никогда не проснуться. Среди ночи вдруг почувствовал тепло. Негнущимися пальцами ощущал то, что на мне лежало. Оказалось, шесть одеял. Каждый отдал свое. Все эти шесть одеял, "буржуйку", дрова и обеды я никогда ничем не оплачу".

Леопольд Витольдович Ростропович умер 31 июля 1942 года, перед смертью завещав не продавать рояль и виолончель, несмотря ни на какие трудности, а Славе учиться у Семена Козолупова.

После смерти отца Славу поддерживали многие знакомые, но особенно ему дорога поддержка композитора М. И. Чулаки, он стал для него добрым другом, заменившим во многом отца. Ни слова не говоря, ничего не спрашивая, он помогал, облегчая очень трудные в то время условия жизни.

Спустя год М. Ростропович вместе с матерью и сестрой по вызову, присланному С. Козолуповым, уехал в Москву.

Прошли годы. Из юного виолончелиста вырос известный на весь мир маэстро, руководитель Национального симфонического оркестра США. Его дружеские связи с Оренбургом продолжают. Когда в 1993 году состоялся неофициальный визит М. Л. Ростроповича в Оренбург, за два дня пребывания в Оренбурге Ростропович успел не только посетить могилу отца, но и встретиться с главой областной администрации В. В. Елагиным, мэром города Г. П. Донковцевым, митрополитом Оренбургским и Бузулукским владыкой Леонтием. Прошли встречи со студентами музыкального училища, с оренбургскими журналистами и творческой интеллигенцией, собравшейся по такому случаю в музее изобразительных искусств и в театре драмы им. М. Горького.

* * *

Оренбург театральный в военные годы был интересен и плодотворен. С тыловым провинциальным городом связали свои судьбы многие российские знаменитости. Они подарили городу свой талант, горожане им - свое сердце. И эта дружба продолжилась и в послевоенные годы. Поэт А. Коваленков по этому поводу заметил:

Наша дружба продолжается,
Хоть разлука не легка,

Искусство на протяжении всей войны поддерживало и тех, кто шел в бой, и тех, кто стоял по восемнадцать часов за станком, за штурвалом комбайна.

Вспоминая об этом, И. С. Козловский заметил: "Артистам хотелось, чтобы солдаты и офицеры верили, что война, ворвавшаяся в нашу мирную жизнь, не может заставить замолчать искусство. И чем тяжелее нам всем, тем громче должен звучать голос людей искусства, - а как иначе им выразить свою веру, свои убеждения, свои чувства..."

И музы приближали Победу

Я эти песни написал не сразу
Я с ними по осенней мерзлоте,
С неначатыми,

по пластунски лазал
Сквозь черные поля на животе.

Е. Винокуров

К началу войны в Оренбурге работала большая группа литераторов, художников, работников культурно-просветительских учреждений. Выходил альманах "Степные огни".

Защищать Отечество ушли многие оренбургские писатели и поэты. Среди них Л. Гарбарь, И. Бортников, Е. Евстигнеев, А. Возняк, И. Сидякин, Н. Хохлов, М. Яровой *. Поэт Николай Хохлов писал с фронта: "Вы от меня далеко, но мысли мои часто бывают в Оренбурге... За всю заботу о нас мы обещаем бить врага до тех пор, пока не истребим фашистских оккупантов всех до единого".

Ушедших на фронт заменили литераторы, эвакуированные из Москвы, Ленинграда и других городов, - среди них Е. Рысс, А. Коваленков, В. Альбертон, В. Герасимова и другие. Они тут же включились в литературную и общественную жизнь, объединив свои усилия с пишущими орен-буржцами.

Антифашистские тексты для концертных программ писали Н. С. Клементьев, В. И. Пистоленко, В. А. Альбертон, М. С. Клипиницер. Они создали для театральных бригад патриотическую программу "Отечественная война", для цирка - "Удар по врагу". Цирковые артисты особенно нуждались в такой помощи. Об этом говорил на собрании работников культуры в июле 1942 года заслуженный артист РСФСР Ю. В. Дуров: "Артист цирка одинок, не имеет помощников: режиссера, художника, драматурга. Варится в собственном соку. Особенно в разговорном жанре. В этом отношении работники театра в лучшем положении, и поэтому мы обращаемся к поэтам, композиторам, драматургам с призывом помочь в выработке репертуара"⁴. И люди, владеющие пером, не заставили долго ждать - для концертно-эстрадных выступлений были написаны различные антивоенные программы.

Литераторы, работающие в Оренбурге, много времени отдавали начинающим поэтам и писателям. К лету 1942 года они отрецензировали свыше 600 рукописей начинающих авторов⁵. Литературные группы за годы войны провели более двадцати творческих собраний. Плодотворно работали группы, руководимые С. М. Лубэ и Н. Е. Прянишниковым.

В годы войны литераторы жили одной судьбой с народом. Поражает тот творческий подъем, который пережили многие из них в суровое военное время. В докладе "Четверть века советской литературы" на юбилейной сессии Академии наук СССР 18 ноября 1942 года А. Толстой говорил: "Казалось бы, грохот войны должен заглушить голос поэта, должен огрублять, упрощать литературу, укладывать ее в узкую щель окопа. Но воюющий народ, находя в себе все больше и больше нравственных сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или смерть, - все настоятельнее требует от своей литературы больших слов. И советская литература в дни войны становится... голосом героической души народа".

Оренбургская писательская организация внесла свою лепту в дело победы над врагом. По данным 1942 года, 14 членов Союза советских писателей и около 50 членов литературной группы Оренбуржья работало в тылу. За семь месяцев войны писатели создали около ста стихотворений, тридцати рассказов и пятнадцати пьес. Пять месяцев спустя насчитывалось уже двести стихотворений и около двадцати статей и других произведений. В первый год войны вышел сборник Евгения Евстигнеева "Под красной звездой Отчизны". Областное издательство выпустило сборник произведений прозаиков - "Патриоты", а также поэтический сборник "От всего сердца".

Внимание читателей привлекли очерки Валерии Герасимовой, фронтовые стихи Ивана Бортника, погибшего в июле 1942 года под Старой Руссой⁶. Писатели участвовали в написании либретто для спектаклей, готовившихся к постановке на оренбургской сцене: Е. Рысс подготовил либретто для оперетты И. И. Дзержинского "Жди меня", И. Левицкая - либретто для оперетты "Ветер победы".

В годы войны в числе раненых был привезен в госпиталь известный в то время поэт А. Коваленков. Перед войной поэт опубликовал три поэтических сборника: "Зеленый берег" (1935 г.), "Перед боем" (1939 г.), "Прощание" (1940 г.). А. Коваленков - автор нескольких оперных либретто: "Восходящее солнце", "Возвращение Дон Жуана", "Капитанская дочка". Перед войной была написана песня "Храброе сердце" (музыка Р. Глиэра).

С первых дней Отечественной войны поэт находился на Северном фронте. Здесь им написаны стихи, которые вошли в сборники "Ее Карелией зовут", "На высокой волне", "Северный бастион". За плодотворную работу во фронтовой печати награжден орденом Красной Звезды. В Оренбурге после лечения в госпитале закончил новую книгу стихов "Линия прицела".

А. Коваленков принимал активное участие в общественной жизни города. Так, в июне 1944 года он выступил на литературном вечере, посвященном творчеству И. Эренбурга, рассказав о личных встречах с известным писателем.

Близок стал поэту Оренбург, ему он посвятил такие строки:

Чем хорош этот город в степи,
Что для глаз и для сердца
В нем ново?
Здесь окрестность - куда ни ступи -
Вспоминает шаги Пугачева.
Золотистым тюльпаном степным
Здесь апрель расцветает и дышит,
Май шумит сарафаном цветным -
Весь сиренью и ландышем вышит.

В 1942 году решался вопрос о создании в Оренбурге оргбюро Союза советских писателей. Для его обсуждения оренбургские литераторы собирались в феврале 1942 года.

Перед членами и кандидатами Союза советских писателей, представителями литературной общественности выступил ответственный секретарь оренбургской литературной группы Н. С. Клементьев. Оргбюро было избрано. В него вошли О. Гольдес, Н. С. Клементьев, Н. Е. Прянишников, кандидатами избрали В. И. Пистоленко и С. М. Лубэ.

Война для многих стала новым этапом в творчестве. Об этом написал в документе, названном "Нечто вроде автобиографии", известный поэт А. И. Фатьянов: "Начало своей настоящей и профессиональной деятельности отношу к дате вступления в ряды Красной Армии. Точнее - к началу войны. Только тогда я стал писать много и получал всякую поддержку и поощрения в гуще красноармейских масс. Стал писать стихи, которые узнал фронт; статьи, очерки, которые узнала армия; песни, которые узнал и запел Советский Союз".

Свои стихи А. Фатьянов печатал на страницах окружной армейской газеты "Сталинец", в редакции которой встречался с московским поэтом А. Коваленковым, молдавским поэтом П. Дариенко. Стихи А. Фатьянова редакция не всегда соглашалась печатать, обнаружив в них безнадежность и предлагая писать о войне конкретно. Так произошло со стихотворением "Тальяночка" (первоначальное название песни "На солнечной поляночке").

Большой успех имело творческое содружество А. И. Фатьянова и В. П. Соловьева-Седого. Когда в 1943 году в Оренбурге стало известно о подвиге Александра Матросова, А. И. Фатьянов и сотрудник окружной газеты М. Зорин ездили в Краснохолмское пехотное училище, в котором учился герой, для сбора материала о нем. В результате поездки была написана песня "Баллада о Матросове", музыку к которой написал В. П. Соловьев-Седой. В оренбургский период А. И. Фатьянов написал известные на всю страну песни "Соловьи", "Гармошка", "Ехал казак воевать", "Южно-Уральская", "На солнечной поляночке".

Эти песни А. И. Фатьянова пользовались огромным успехом. В Оренбурге А. И. Фатьянов создал и проникновенные лирические песни о родном доме, солдатской дружбе и товариществе, о любви к далекой подруге. В. П. Соловьев-Седой заметил в связи с судьбой одной из своих песен: "Оказалось, что душевность и даже иногда грусть и печаль могут быть не менее мобилизующими...". Это можно сказать об известной песне "Соловьи":

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна –
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Песни А. И. Фатьянова, написанные в военное время, в том числе и на Южном Урале, помогали преодолевать трудности на пути к победе, выражали самую суть духовной жизни, чувств и переживаний сражающегося народа.

Другой поэт, Н. С. Клементьев (1908-1947 г.г.) встретил войну в Оренбурге. Из-за тяжелой болезни не смог пойти на фронт, что очень тяжело переживал, о чем поделился в поэме "Одна ночь":

Никогда мне не бывать в бою.
Как случилось? Я и сам не знаю.

Н. С. Клементьев начал печататься с 1924 года. Это были в основном стихи, частушки, небольшие драматические произведения. В 1930 году он работал в газете "Красная Мордовия", в 1934 году переехал в Оренбург.

В военное время поэзия Николая Сергеевича переполнена любовью к Родине и ненавистью к врагам, его стихи - это волнующие человеческие документы. В 1943 году вышел сборник стихотворений Н. С. Клементьева "В тревожный час". В "Чкаловской коммуне" было опубликовано несколько его поэтических произведений: в марте 1942 года - стихи "Отстаивая нашу честь" (памяти друга Васи Власова); в 1943 году - два отрывка из "Поэмы о генерале".

В соавторстве с эвакуированным поэтом А. Коваленковым Н. С. Клементьев написал стихи "Наглядный урок", напечатанные в областной газете в 1944 году. В произведениях, посвященных войне, выразились полнота и многообразие духовного мира поэта.

Мы нынче забываем понемногу,
С чего все это началось в стране...
Я смутно помню первую тревогу
Людей, еще не знавших о войне.

Ни песен не было, ни разговора,
А люди шли и толпами, и врозь.
Двенадцать дня. У рупоров весь город...
Вот с этого, пожалуй, началось.

Таково поэтическое свидетельство автора о начале Великой Отечественной.

Его стихи привлекли композиторов. Появились песни на слова Н. С. Клементьева - "Степная комсомольская", музыку к которой написал ленинградский композитор Д. Г. Френкель¹⁸, "Песня о летчике", "Уральская казачья". Эти песни включались в репертуар фронтовых артистических бригад.

Произведения Н. С. Клементьева тех лет впечатляюще раскрывают ту непреложную и горькую истину, что победа не пришла сама: она далась ценой неисчислимых жертв и потерь. Тема и образ победы раскрываются во многих стихах как итог нелегкого пути.

С предельной достоверностью и поразительной силой скорби предстает тема героического подвига простого солдата в стихотворении поэта "Сын".

Казак вернулся с дальнего похода.
Все время на войне да на войне.
Легко сказать, а он почти три года,
Три года не был в этой стороне!

Три года шел он с конницей на запад.
Вернулся. Дома рады без конца.
А сын забыл. Он шепчет: "Дядя папа", -
И плачет на коленях у отца.

С творчеством Н. С. Клементьева были знакомы знаменитые литераторы страны - писатель А. А. Фадеев, поэт М. И. Исаковский. Н. С. Клементьева связывала давняя творческая дружба с М. И. Исаковским. Сохранились некоторые письма известного советского поэта Н. С. Клементьеву. А. А. Фадеев отметил в одном из писем: "...естественность и народность Вашего стиха мне лично по сердцу".

В военное время в Оренбурге был издан сборник очерков "Родная земля" Валерии Анатольевны Герасимовой (1903-1970 гг.). Выпускница Московского университета В. А. Герасимова начала публиковаться в двадцать лет. К началу войны у нее вышли повести "Ненастоящие" (1923 г.), "Жалость" (1933 г.), "Хитрые глаза" (1938 г.), рассказ "Панцирь и забрало" (1931 г.).

Оказавшись в военное время в эвакуации на Южном Урале, В. А. Герасимова много сил отдавала консультированию начинающих литераторов, рецензированию рукописей. Читала лекции в самых разных аудиториях, выступала перед ранеными в госпиталях. В. А. Герасимова, являясь ответственным секретарем Оренбургского отделения Союза советских писателей, пыталась издать книгу "День Чкаловской области". Адресуя руководству области письмо, она писала: "Мы боимся, что мысль о создании книги заглохнет или осуществление ее затянется на неопределенный срок" *. Книга была готова к изданию в 1942 году, но в начале 1943 года в ее издании было отказано.

В 1944 году в Оренбурге опубликовали очерки В. А. Герасимовой "Родная земля".

Немало стихов о войне написал оренбургский поэт А. А. Возняк. К началу войны он уже был признанным автором двух поэтических сборников, членом Союза писателей. В 1934 году был издан первый сборник его стихов "Расцвет", второй - "Стихи и песня" - вышел в 1938 году.

А. А. Возняк на фронте сначала был рядовым солдатом 2-го Особого Люберецкого полка, а затем корреспондентом армейской газеты "Фронтовик" 3-й Ударной армии. После ранения в 1943 году вернулся в Оренбург, где работал в местных газетах.

В 1943 году в Куйбышеве вышел сборник его фронтовой лирики "Когда мы в бой идем". А. А. Возняк посвящает свои стихи великому подвигу нашего народа, мужеству и стойкости советского солдата, выстоявшего в любых испытаниях, грудью своей и сердцем своим прикрывшего Родину.

Другой наш поэт-фронтовик М. С. Клипиницер так написал об А. А. Возняке: "Участник Великой Отечественной войны, Александр Александрович увидел на фронте своих героев, тех, кто... в военное время шел на подвиг во имя России". Самыми проникновенными и взволнованными словами прославляет поэт негибаемую волю и твердость.

Все это видеть надо,
чтоб познать,
Как смертным боем
мы за правду бились.
Не для того
мы на земле родились,
Чтобы ее навеки потерять!

Неизменен мотив всех фронтовых стихов А. А. Возняка - "Мы победим!". Это стихи о любви к Родине, к людям. Много места в его творчестве занимает тема возвращения с войны воина-победителя.

Сухарь солдатский,

Вклад фронтового поколения в поэзию военных лет неоспорим, голос этого поколения на Оренбургской земле был представлен А. С. Возняком, Н. С. Клементьевым, И. Бортниковым, Н. Хохоловым, Е. Евстигнеевым, М. С. Клипиницером и другими.

В военную пору в Оренбурге работал известный краевед, литературовед и театральный критик Н. Е. Прянишников (1890-1963 гг.). В 1939 году вышла в свет первая книга. Е. Прянишников "Проза Пушкина и Толстого", получившая высокую оценку К. И. Чуковского и В. П. Катаева. В 1943 году выходит его научная работа "Образ русской патристики в художественной литературе". В военные годы творчество литературоведа пронизывает тема патриотизма. На страницах "Чкаловской коммуны" опубликованы его статьи "Патриотизм Лермонтова" (1941 г.), "Отечественная война 1812 года" (1941 г.), "Русский человек в поэзии Кольцова" (1942 г.), "Пушкин-патриот" (1943 г.), "Тургенев-патриот" (1943 г.). В областной газете в 1944 году была напечатана его статья "Певец Родины", посвященная А. В. Кольцову".

Николай Ефимович в войну продолжал работу над кандидатской диссертацией и после окончания войны, в 1946 году, защитил ее.

Н. Е. Прянишников можно считать летописцем театральной жизни Оренбурга в годы Отечественной войны. На страницах "Чкаловской коммуны" регулярно публиковались его рецензии на спектакли Оренбургского областного драматического театра им. М. Горького, Ленинградского Малого оперного театра: Привлекают внимание рецензии на спектакли "Парень из нашего города" К. М. Симонова, "Шел солдат с фронта" В. П. Катаева, "Фронт" А. Е. Корнейчука и другие. Из классического репертуара Н. Е. Прянишников опубликовал рецензии на оперу "Евгений Онегин" П. И. Чайковского, на спектакль "Бесприданница" А. Н. Островского, "Горе от ума" А. С. Грибоедова и т. д.

В годы войны им написаны две рецензии на кинофильмы, в частности на фильмы "Болотные солдаты" (1941 г.) и "День войны" (1942 г.).

Кропотливый исследователь и знаток литературного прошлого Оренбургского края, в военное время он продолжал глубоко изучать творчество писателей-классиков, особенно А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого. Первопроходец литературного краеведения, Н. Е. Прянишников является автором семи книг, 150 статей о творчестве писателей и 79 статей о театре и рецензий на спектакли.

В 1941 году в Оренбург эвакуировался литературовед Н. В. Измайлов, выпускник Петроградского университета. С 1941 по 1953 год он вел курс древнерусской литературы и литературы первой половины XIX века в Оренбургском педагогическом институте. В Оренбурге ученый продолжал исследовать документы и материалы, связанные с творчеством А. С. Пушкина. Он работал над архивными документами оренбургского генерал-губернатора И. А. Рейнсдорпа и делами секретной экспедиции Государственной военной коллегии о Пугачеве. Эти исследования стали основой для двух печатных работ - "Оренбургские материалы Пушкина для "Истории Пугачева" и "Капитанской дочки" и "Об архивных материалах Пушкина для "Истории Пугачева".

Духовным оружием в борьбе с фашизмом стала областная газета "Чкаловская коммуна", укрепившая в военное время веру в победу. Важнейшей темой газеты той поры стала героико-патриотическая. Издание оперативно рассказывало читателям о всех наиболее ярких проявлениях патриотизма. Нельзя без волнения читать материалы газеты о первых откликах оренбуржцев на вероломное нападение Германии на СССР. Газета широко пропагандировала патриотизм, беспредельную преданность Родине советских воинов.

События первых часов и дней войны отодвинули на задний план второстепенные производственные дела. Первый военный приказ по редакции появился только 25 июня³⁴.

В первые дни войны из редакции ушли на фронт несколько человек. 29 июля 1941 года 32 сотрудника редакции, собравшись на митинге, приняли решение отчислять в Фонд обороны Родины ежемесячно однодневный заработок.

В годы войны изменилась тематическая направленность "Чкаловской коммуны". Другой стала структура редакционных отделов, что позволило проявлять больше оперативности и целеустремленности. Интерес оренбуржцев к газете в это сложное время был особенно велик, что еще больше усиливало ответственность журналистов. Спокойный, мужественный тон газеты, ее глубокая уверенность в силы нашего народа, в возможности Красной Армии давали оренбуржцам духовный заряд. Газета искала не только доходчивые, емкие жанры, но и оттачивала свой язык, добиваясь того, чтобы слово затрагивало самые глубокие и сокровенные чувства читателя.

На страницах стала постоянной тема прошлого Родины. Газета поддерживала и развивала различные формы народной инициативы, направленной на помощь фронту, давала толчок всему новому, что рождалось в народе, что ускоряло нашу победу.

При этом надо учесть, что сотрудники работали в крайне тяжелых условиях, испытывали острую нужду. В связи с этим 19 августа 1944 года редактор газеты "Чкаловская коммуна" М. И.

Рябов обратился к секретарю Оренбургского обкома партии Г. А. Денисову и председателю облисполкома А. М. Кутыреву.

"...У нас очень плохие материально-бытовые условия работников. Зарплата у нас низкая, как была она в 1937 году, так и осталась... Снабжение работников также не налажено. Каждый месяц надо униженно, может быть, в ущерб делу, выклянчивать пропуска в столовую, в магазины и т. д. Создается недопустимая зависимость редакции от многих. Вольно или невольно кое на кого у работников редакции "не поднимается рука", где нужно смелое, критическое выступление.

Еще хуже с промтоварами. Работники редакции обносились до невозможного. Зав. промышленным отделом Кондратьев ходит в ботинках, из которых вылезают пальцы, не имеет никакого костюма, не имеет белья; пальто у него страшно рваное. Литработник Янчук имеет только одно платье, не имеет смены белья. В дни стирки сидит дома, нечего сменить. Большинство работников редакции имеют такой вид (одежда и обувь), что им стыдно ходить в общественные места, на пленумы, конференции, собрания...

Поверьте, Георгий Апполинарьевич, что такое положение вредит делу. Вместе с трудностью у работников появилось чувство вечной зависимости и приниженности... ограниченности. Я уже не говорю о трудностях в работе, связанных с этой стороной дела. Например, половину работников нельзя посылать в командировку - не в чем ехать..."

Письмо дает исчерпывающую характеристику бытовой стороне жизни журналистов в годы войны. И надо сказать, что писалось оно не в первый, самый острый период войны, а за несколько месяцев до ее конца. В самой редакции дела обстояли не лучше. Приведем еще одно документальное свидетельство: "В редакцию стыдно войти: она не освещена, в дверях нет замков и ключей, мебель вся изношена до неузнаваемости, во время дождей с потолков течет вода, закопчены стены от "буржук".

В маленьком здании, предназначенном исключительно для редакции, размещено еще несколько организаций: управление облисполкома по делам печати, книжно-журнальное издательство, редакция районной газеты, обком союза печатников, Союз писателей". Это письмо руководству области было написано ответственным секретарем газеты В. Кузнецовым 17 сентября 1943 года.

Несмотря на трудности, журналисты старались сделать газету интереснее, что было связано с постоянными командировками. Например, во второй половине 1941 года зав. отделом Кондратьев выезжал в Кваркенский, Адамовский, Покровский, Екатериновский, Гавриловский, Саракташский и другие районы.

Газету любили. Подписка была затруднена, и это вызывало целый поток писем с просьбами. Приведем одно из них, пришедшее из воинской части № 63484, сформированной в Оренбурге: "Просим Вас прислать нам несколько номеров газеты "Чкаловская коммуна", учтя, что в части более 50 процентов чкаловцев, в том числе командир части - капитан Ширшов, его заместитель по политической части - майор Кисельников и парторг - капитан Андреев". На письме указана дата - 5 января 1944 года.

Листая в архиве или библиотеке подшивку "Чкаловской коммуны" военных лет, ловлю себя на мысли: "До чего же много важного и интересного вместили ее страницы". Журналисты сороковых оставили потомкам бесценный клад знаний об Оренбурге и его жителях, уникальные материалы, раскрывающие историю города в годы войны.

В городе в военное время выходила и газета Южно-Уральского военного округа "Сталинец". Редакция "Сталинца" находилась по адресу: ул. Ленинская, 4640. Важнейшее место в ее деятельности занимала пропаганда требований присяги и уставов. Бойцу, впервые столкнувшемуся с армейской дисциплиной, армейскими порядками, необходимо было разъяснять требования воинской службы буквально с азов. Материалы об опыте войны, публиковавшиеся в газете Южно-Уральского военного округа "Сталинец", являлись той плодотворной почвой, которая давала возможность бойцам и командирам не слепо копировать в учебе методы, успешно примененные когда-либо на фронте, а творчески осваивать опыт боев.

Взаимная выручка в бою, презрение к смерти во имя Победы над врагом, инициатива и сметка при выполнении приказа командира, готовность защитить командира в бою, даже ценой своей жизни, стойкость и упорство в обороне, умение мужественно переносить тяготы походно-боевой обстановки - таков далеко не полный перечень тем, посвященных показу высоких морально-боевых качеств фронтовиков.

Окружная газета "Сталинец" помещала на своих страницах критические материалы. В условиях короткого срока пребывания воинов в запасных частях каждый, даже незначительный, на первый взгляд, недостаток в боевой подготовке или политической работе отрицательно сказывался на качестве пополнения, идущего на фронт. Редакция газеты "Сталинец" воздействовала на волокитчиков и бюрократов, используя печатное слово (фельетоны, критические статьи и т. д.), а также через командование и политические органы.

Понимая необходимость заставить всех руководителей своевременно и по-деловому реагировать на критику, начальник штаба ЮЖУРАЛВО издал 21 июля 1944 года следующую директиву:

"Командирам частей, начальникам военных училищ, учреждений и отделов округа. По донесению редактора окружной красноармейской газеты "Сталинец", некоторые командиры частей, начальники училищ, отделов и учреждений округа не реагируют на сигналы газеты, направленные редакцией войсковым частям, и не только не реагируют, но и не отвечают на неоднократные запросы редакции". Далее в приказе перечислены критические материалы редакции, на которые не поступили ответы.

"...Начальник окружного военторга не ответил на семь писем, посланных в февралемарте 1944 года. Не отвечают на письма и некоторые другие командиры и начальники".

Командующий войсками округа приказал: "1. Командирам частей, начальникам военно-учебных заведений, учреждений, отделов округа срочно реагировать на сигналы газеты... 2. На лиц, допустивших волокиту в ответах и... накладывать строгие взыскания". Вмешательство командующего возымело действие. Редакция "Сталинца" стала без лишних напоминаний регулярно и в кратчайшие сроки получать деловые ответы на критические выступления газеты.

Окружная газета много внимания уделяла жизни города, особенно работе учреждений культуры: драматическому театру, Ленинградскому оперному театру. На страницах газеты давались репортажи о работе фронтовых концертных бригад.

Полвека спустя, привлекает внимание военная лирика. Стихотворения, опубликованные в окружной газете, написаны рядовыми, сержантами, офицерами. В патриотической лирике военных лет центральное место занимает образ сражающегося народа. И поэтами становились в окопах, блиндажах, танках.

В глухую ночь свинцом нависли тучи,
Седыми космами налег туман густой.
Бродила смерть в лесу, трещали сучья
Под пьяною фашистскою ногой.

Сдавайся, рус, - и пули хлещут градом,
Гремят снаряды озверелых банд.
А за деревней с небольшим отрядом
Ждал встречи с фрицем Петька-партизан.

Вперед, за Родину! - он закричал ребятам. -
За красный флаг! За наш родной народ!
И он взмахнул тяжелой гранатой,
И с криком первый бросился вперед.

Густая кровь текла из жгучей раны.
Вперед, вперед! - он хлопцев призывал,
И каждый слышал Петьку-партизана
Сквозь грохот мин, сквозь пулеметный шквал

...Окончен бой... Ребята у баяна
Слагают песнь о славе боевой,
О жарких днях, о смелых партизанах,
О Петьке, не вернувшемся домой.

Это стихотворение сержанта Николая Шуликова было опубликовано в газете 15 сентября 1942 года.

В лирическом творчестве, созданном непосредственно бойцами, большое место занимает тема подвига.

Подарила Родине ты сына -
Боевого, крепкого бойца, -
Волей наделив его, и силой,
И чертами своего лица,
У него веселая походка,
Разговор уральский боевой.
Как бы ни надвинул он пилотку, -
Виден взгляд горячий и живой.

Он погиб. Ну что же, эта участь
Выпадает воину в бою.
Он упал под пулями, не мучась,

И не предал Родину свою.
Отомстим за кровь его святую,
А потом, в последний день войны,
Мы тебя обнимем, дорогую,
Мы придем к тебе - твои сыны.

Эти стихи курсанта П. Седнева были написаны в 1943 году.

В военное время в соединениях, в военных училищах Оренбуржья было много представителей Украины, Белоруссии. В их творчестве личная тема нераздельно сплетается с темой Родины.

Слышу голос твой, край родимый, -
Это родичей наших зов,
Матерей и невест любимых,
Постаревших от горя вдов.

Я пойду через все невзгоды,
Наступления и бои
За твою, Беларусь, свободу,
За поля и леса твои.

Автор стихотворения "Белоруссии" красноармеец И. Хомченко опубликовал их в "Сталинце" в июне 1943 года.

В годы войны не каждый солдат или курсант имел возможность лично выписывать окружную газету. Директивой Главного политического управления от 25 октября 1942 года тираж окружной газеты устанавливался из расчета 1 экземпляр на 15 человек. Заботясь о том, чтобы газета стала важнейшим центром партийно-политической работы в войсках, Главное политическое управление потребовало "развернуть в частях массово-политическую работу вокруг газет".

Киноискусство также находилось на службе идейно-эстетического воспитания трудящихся.

Перед войной в областном центре функционировало три кинотеатра: "Молот" (он имел два зала), "Октябрь" и "Буревестник", последний в самом начале войны закрыли.

С первых недель войны в Оренбурге демонстрировались документальные фильмы о войне. 10 июля 1941 года в "Чкаловской коммуне" было дано объявление кинотеатра "Октябрь": "В нижнем фойе ежедневно до начала киносеанса демонстрируются звуковые фильмы оборонной тематики".

В начале войны в оренбургском городском кинотеатре "Молот" шел фильм "Если завтра война". А война, принеся на своих плечах горе и лишения советским людям, уже полыхала на советской земле.

Летом 1941 года на оренбургских экранах начался показ первых номеров киноборников. Пресса подробно информировала жителей города об их содержании. Так, 31 августа 1941 года "Чкаловская коммуна" рассказала о киноборнике № 2, показывающем борьбу белорусов с ненавистным врагом, зверства фашистов в Югославии. Демонстрация фильмов проходила и в парках города.

Боевые киноборники состояли из короткометражных киноновелл на злободневные военные сюжеты. В этих новеллах участвовали лучшие герои кино - Чапаев, Максим, Александр Невский, веселая письмоносица Стрелка. В них показывались подвиги летчиков, танкистов, пехотинцев, патриотов-партизан, высмеивался Гитлер и его злобные, жадные и малодушные солдаты.

Привлекала внимание жителей Оренбурга заключительная юмореска из киноборника № 2 "Победа за нами". Юмореска называлась "Случай на телеграфе". Посетитель отправляет необычную телеграмму-молнию. "Берлин - Гитлеру. Пробовал - не вышло". Телеграфистка, прочитав текст, с удивлением поднимает глаза на отправителя: перед ней стоит мрачный человек в треуголке - Наполеон".

В сентябре 1941 года областная газета писала о киноборниках: "...они являются... лучшими рассказчиками о героической борьбе красных воинов с гитлеровскими бандами и пользуются успехом у нашего зрителя. Здесь, глубоко в тылу, мы видим кусочек фронта..."

С этого времени в кинотеатрах города стали регулярно демонстрироваться киножурналы, отображавшие события на фронтах. Во время показа документальных фильмов кинозалы были переполнены.

Огромную популярность в городе получил фильм "Парад наших войск на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года". Первые просмотры фильма становились для зрителей всенародным праздником. Ходили смотреть картину семьями, целыми коллективами. Анна Анишкина, работница швейной фабрики имени И. В. Сталина, отмечала: "Этот фильм зовет к подвигам. Пусть мы не на фронте, но в тылу тоже хочется быть героем, хочется отдать все

силы, чтобы не отстать от тех, кто с оружием в руках громит подлых врагов". Офицер Капулин сообщал в "Чкаловскую коммуны": "С нетерпением я ждал, когда в кинотеатрах Чкалова будет демонстрироваться фильм о параде, провести который не помешали ни близость фронта, ни его грозное дыхание". Общей настрой выразила в печати начальник сортового управления областного земельного отдела Соболева: "Зритель покидает зал с чувством уверенности в победе, с желанием еще больше работать на благо Родины".

Особым интересом пользовались следующие фильмы: "Секретарь райкома", "Радуга", "Во имя Родины", "Она защищает Родину", "Непобедимые". За десять месяцев 1944 года фильм "Секретарь райкома" - первый полнометражный художественный фильм о войне, созданный режиссером И. А. Пырьевым в 1942 году. С большой агитационной силой и художественным мастерством кинолента раскрыла народные истоки образа партизанского вожака, поднявшего людей на смертельную схватку с врагом. Этот фильм, как и другие лучшие произведения военной поры, отвечал настроениям зрителей, жаждущих увидеть поверженного врага, воочию ощутить героическую борьбу народных мстителей.

В Оренбурге и Оренбургском районе демонстрировались фильмы "Богатая невеста", "В шесть часов вечера после войны", "Малахов курган", "Сердца четырех", "Сын Таджикистана", "Северная звезда", "Технический уход за тракторами". В 1944 году в Оренбургском районе работало пять киноустановок. Во время весеннего сева 1945 года в Оренбургском районе "автозвучковой и звуковой передвижками было проведено 95 киносеансов. Из них в полеводческих и тракторных бригадах - 48. Обслужено 5950 человек", - сказано в официальном отчете.

В то время оренбургская контора "Главкинопрокат" могла дать районам в месяц только две новинки, тем не менее она старалась выходить за пределы этого лимита. Так, в зерносовхозе "Электрозавод" Новосергиевского района в июле 1944 года отправили фильмы "Битва за Россию", "Орловская битва", "Подводная лодка Т-9", "Северная звезда".

На село выезжали кинопередвижки. В те годы выезды назывались агитрейсами кинопередвижек. В сентябре-октябре 1941 года такие агитрейсы открыла кинопередвижка областного киноуправления, выехавшая из Оренбурга в Илек. Она побывала в селах Дедуровке, Никольском, Крас-нохолме и других. Во время весеннего сева 1944 года кинопередвижки обслуживали 28 районов области, 148 сельских Советов. Каждая из них снабжалась радиоустановкой, библиотечкой, патефоном с пластинками, материалами "Окно ТАСС".

Сотрудники кинопроката в годы войны активно помогали сельским труженикам. В зимние месяцы сотрудники областной конторы "Главкинопрокат" обучались на сельскохозяйственных курсах, а затем выезжали работать на село. Неоднократно приходилось им участвовать в борьбе с заносами на железнодорожных дорогах.

Областное управление кинофикации в годы войны оказало значительную помощь армии. В 1941-1942 годах в Красную Армию было отправлено 60 проекторов различных марок, 41 двигатель Л-3, 22 автомашины. Летом 1943 года часть киноаппаратуры направили в районы, освобожденные от фашистской оккупации. Из Оренбурга в Курскую, Смоленскую, Московскую области и Ставропольский край было послано 33 киноаппарата.

Приходилось преодолевать много трудностей: не хватало киномехаников, ощущался острый недостаток горючего, электроэнергии, аппаратуры, фильмов и т. д.

Мешало работе наличие большого количества старой изношенной аппаратуры, главным образом немых кинопередвижек, технически годных на 30 процентов. Деталей и запасных частей к ним не поступало. Поэтому из 101 имеющегося аппарата (на 1 июня 1943 года) работало только 48.

В январе 1944 года в Оренбурге демонстрировался документальный фильм "Урал кует Победу". Съемки фильма производил главный оператор Н. Степанов (с 1944 года он работал специальным корреспондентом кинохроники по Оренбургской области) и О. Рейзман. Фильм рассказывал о напряженном труде рабочих оренбургских заводов и фабрик в годы войны.

В военное время кинематограф справился со своими задачами, в ряду других искусств он звал к победе, помогая людям выстоять в тяжелую годину.

Большинство киномехаников ушли на фронт, их заменили женщины. В приказе по Оренбургскому областному управлению кинофикации от 23 сентября 1941 года говорилось: "Комплектовать кадрами киномехаников и мотористов все киноустановки главным образом за счет привлечения к этой работе женщин".

Однако киномехаников все равно не хватало. Так, в 1943 году кинопрокату недоставало 37 киномехаников. Областное управление кинофикации направляло на учебу юношей и девушек в Алма-Ату, Свердловск, Орск.

Кинофильмы постоянно демонстрировались в госпиталях. В архиве хранится отчет, отправленный председателю Центрального Комитета помощи раненым и больным бойцам и командирам Красной Армии. В нем сказано: "В среднем ежемесячно в каждом госпитале

демонстрировалось 25 кинофильмов. А в госпитале № 3641 в месяц показывали до 45 кинокартин".

Сотрудникам кинотеатров оказывала помощь общественность города. Так, в 1943 году студенты эвакуированного из Харькова медицинского института проводили перед сеансами беседы с детьми.

С начала войны наблюдалось бурное развитие агитационно-массовой работы, однако культурно-просветительские учреждения тыловых районов были закрыты и отданы под общежития, госпитали, интернаты, склады. А что может сделать учреждение без своей базы?

В военное время Оренбургскую областную библиотеку переводили из одного помещения в другое несколько раз. Это обстоятельство заставило руководство библиотеки обратиться к наркому Л. П. Берии. Только вмешательство Наркомата внутренних дел дало возможность устроиться ей в 1942 году в здании на улице Советской, 20. И все-таки она работала в сложных условиях - зимой в служебных помещениях стояла низкая температура, не хватало электроэнергии, постоянно ощущался недостаток кадров. Только за 1942 год сменились 17 человек из 27 работающих.

Однако руководство библиотеки имело возможность постоянно увеличивать книжный фонд. Только за два месяца 1942 года он пополнился на семьсот томов. В библиотеку поступала сельскохозяйственная, техническая, военная, а также художественная литература. Вскоре помещения расширились; кроме абонемента, стали действовать читальные залы, начал работать справочно-библиографический отдел. Особой популярностью пользовались тогда произведения Л. Н. Толстого "Война и мир", "Анна Каренина" и "Севастопольские рассказы".

Пополнению книжного фонда способствовало распоряжение заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР Р. С. Землячки, в котором говорилось: "Обязать ОГИЗ РСФСР включить Чкаловскую областную библиотеку им. Н. К. Крупской в список организаций, получающих обязательный платный экземпляр изданий, выходящих в Союзе ССР".

Плодотворно работала в дни войны и библиотека Оренбургского сельскохозяйственного института. В середине сентября 1943 года она насчитывала 108220 экземпляров книг и журналов (без брошюр).

На 1943 год удалось выписать 43 журнала и газет. По данным, на 1 августа 1943 года в библиотеке состояло 759 читателей, в том числе: студентов - 437, научных работников - 95, рабочих и служащих - 71, работников и раненых из госпиталя - 123, читателей других учреждений города - 341.

Библиотека располагалась в трех местах. Основной функциональный и учебный фонд находился на территории госпиталя (ныне главный корпус Оренбургской сельскохозяйственной академии), остальная часть книг вместе с периодикой была свалена в двух темных и сырых сараях.

Студенты не могли пользоваться библиотекой в полной потребности, для них был организован небольшой филиал при общежитии с маленьким читальным залом на 15 человек. Второй читальный зал на 30 человек действовал при кафедре общественных наук с книжным фондом две тысячи экземпляров. Оба помещения зимой почти не отапливались.

В городе действовала также библиотека железнодорожного клуба имени В. И. Ленина⁶⁴. Все библиотечные работники шефствовали над Домом Красной Армии, мобилизационными пунктами, отрядами народного ополчения, госпиталями и вели переписку с фронтовиками, организовывали посылки, подарки, библиотечки для санитарных поездов, воинских частей, отправляли книги в освобожденные районы.

В военное время проводили закупку подержанных книг у населения. Только в начале 1945 года было куплено книг на 300 тысяч рублей. В большинстве это социально-экономическая литература, а также словари, энциклопедии, медицинские, технические и сельскохозяйственные книги. Закупка книг дала возможность увеличить книжные фонды многих библиотек.

В 40-е годы работал и областной лекторий, который располагался на улице Володарского, 19. Лекции в основном читали ученые трех институтов: педагогического, сельскохозяйственного, медицинского, а также литераторы. Состав лекторов был разнообразный: лекции на политические и исторические темы читали полковники С. Т. Федоров, Птицин, Хлусевич, капитан Медведев, историк Бреговский. Из литераторов активное участие в лекционной пропаганде принимали Прянишников, Варковицкая, Захаров, Юткевич. К лекционной работе привлекали и мастеров художественного слова, они главным образом выступали в оренбургских школах - Тарасов, Побегалов, Садовская. В практику лектория вошло проведение вечеров-концертов, посвященных известным писателям. Один из таких вечеров состоялся 11 января 1942 года, и он был посвящен Н. В. Гоголю. Лекцию о творческом пути писателя прочитал известный в области литературовед Н. Е. Прянишников. Артисты Ленинградского академического Малого оперного театра исполнили несколько сцен из оперы П. И. Чайковского "Черевички" и из оперы "Сорочинская ярмарка" Римского-Корсакова.

Большую работу с населением проводил городской агитпункт, устраивавший в военную пору встречи, выставки и т. д. Так, например, накануне Дня Красной Армии в феврале 1942 года он открыл выставку "Русский народ в борьбе за Родину". Центральное место в ней занимал раздел о Великой Отечественной войне. Здесь были представлены документы, в том числе фронтовые письма и фотографии. На выставке демонстрировались работы оренбургского скульптора Г. А. Петина. Его "Воля к победе" вызвала интерес специалистов и привлекла внимание зрителей.

Скульптор Г. А. Петин плодотворно работал все военные годы. Высокую оценку получил бюст Героя Советского Союза Трифонова: "Гордая посадка головы, широкие плечи, простое и мужественное лицо летчика-героя остро схвачено скульптором". В 1944 году скульптор также сделал новый вариант фигуры знаменитого летчика В. Чкалова.

Оценивая в целом деятельность скульптора Петина в годы войны, обратимся к характеристике, данной его творчеству "Чкаловской коммуной": "Его влечет монументальная скульптура, широкая пластическая линия... Постановка фигуры, движение - все говорит о монументальности".

В антивоенной агитации использовались плакаты и лозунги. В Оренбурге к июлю 1941 года областное издательство отпечатало 22 лозунга тиражом 110 тысяч экземпляров.

Изобразительное искусство Оренбурга обогатилось картинами, посвященными военной тематике. Отделение Союза советских художников с первых дней войны приступило к антифашистской агитации. Художники Н. В. Кудашев, А. Ф. Степанов, М. У. Петунии, Ф. Г. Живаев оформляли призывные пункты Оренбурга, размножали особо острые карикатуры, как в форме "Окон ТАСС", так и в виде плакатов. За первый год войны оренбургские художники выпустили 98 номеров "Окон ТАСС". Среди них было несколько оригинальных: "Молодец против овец" (Вершинин), "Мечты Гитлера в 1941 году и действительность в 1942-м" (Яновский), "Урожаем бьем врага" (Петунии), "Гитлеровский весенний набор" (Степанов). Пять лучших "Окон ТАСС" отправили на Всесоюзную выставку в Москву.

Художники Н. В. Кудашев, М. У. Петунии, Н. М. Ледяев и другие выезжали в колхозы, писали там портреты героических тружеников тыла.

Заметную роль в среде оренбургских художников играл Николай Васильевич Кудашев. Он был активным участником создания Оренбургской художественной организации, в 40-х годах возглавлял местное отделение художников, был уполномоченным Оренбургского отделения Художественного фонда РСФСР. Он объединил несколько художников в своеобразную бригаду, в которую вошли Ф. Г. Живаев, Н. М. Ледяев, А. Я. Барановский. Бригада создала галерею портретов героев войны, тружеников тыла. Художники объездили всю область, побывали в колхозах, на стройках новых заводов, в госпиталях.

Творческий коллектив художников области пополнился живописцами из других районов. Быстро вошли в среду оренбургских художников приехавшие во время войны в Оренбург украинский живописец В. Н. Костецкий, латышский художник Л. Скульме. Интересные работы в войну создавал талантливый плакатист В. А. Зеленский.

Ежегодно в Оренбурге устраивались художественные выставки. В 1942 году художники города вели подготовку к Всесоюзной художественной выставке "Отечественная война". Н. В. Кудашев работал над картиной "Грабители-убийцы", А. Ф. Степанов писал "После ухода фашистов", Афанасьев - "Допрос пленника".

В течение 1943 года оренбургские художники вместе с художниками Свердловска, Перми, Челябинска и Уфы готовились к межобластной выставке "Героический Урал", которая вошла составной частью во Всесоюзную выставку "Героический тыл и фронт". Художественный совет принял на выставку пейзаж Ф. Г. Живаева "Огни города Чкалова", портреты стахановцев А. Я. Барановского и другие картины.

Интерес у населения к выставкам был высокий. Так, за два месяца работы январские выставки 1945 года посетили четырнадцать тысяч человек.

Общаясь, художники постоянно обсуждали принципиальные проблемы живописи. Внук художника Н. В. Кудашева, журналист Л. Бураков, вспоминает: "Перед Отечественной войной Н. В. Кудашев и Н. М. Ледяев преподавали в школах. Организовали конкурсы рисунков. Так, они однажды присудили первое место пионеру Феде Козелкову, ныне известному нашему художнику. Помню, в мерзлом, голодном сорок третьем году приехал больной Ф. И. Козелков к Н. В. Кудашеву. В печке тлела просяная лузга. На столе скудная снедь. Но запомнилось больше другое: жаркий разговор об искусстве: "настроение", "колорит", "правда", "виденье"... шел нелюбезный, трибунальный разбор работ, шла острая дискуссия двух художников, которые в те часы жили не черствым куском хлеба, а вечностью".

В 1945 году десять оренбургских мастеров живописи вступили в Союз художников: С. Н. Александров, А. Я. Барановский, Ф. Г. Живаев, В. А. Зеленский и другие. Их работы оставили заметный след и были очень важны в те тяжелейшие годы.

Всеми художественными средствами - пером, кистью, музыкой, художественным словом - работники культуры и искусства вдохновляли оренбуржцев на борьбу с ненавистным врагом, а значит, вместе со всем народом приближали Великую Победу.

Страницы одной судьбы

Гнездо родное сожжено врагами,
Отец в солдатах.

На чужбине мать...

Вам приходилось видеть под ногами
Птенцов, не научившихся летать?

П. Железное

Лет двадцать тому назад открыла для себя эту историю. В педагогическом институте висело объявление, которое извещало о встрече студентов с человеком, о котором написала в одной из своих книг известная поэтесса А. Л. Барто. В объявлении называлось имя, хорошо мне знакомое, - Н. Д. Заводчикова, доцента Оренбургского сельскохозяйственного института. Событие, согласитесь, неординарное, можно ли пройти мимо него? И я занялась сбором всех документов, относящихся к этой истории. Письма, телеграммы, воспоминания рассказывают о том, как Агния Барто помогла Николаю Дмитриевичу соединить семью. В них - глубокие переживания, открытость душ, чистота чувств, слезы и радость, в доверительной переписке, как в зеркале, отражена одна из людских судеб, опаленных войной.

А. Л. Барто в течение нескольких лет занималась благородным делом - искала и находила потерявшихся во время войны людей по их детским воспоминаниям. В 1972 году в газете "Правда" она писала: "Почти восемь лет на волне печальной и радостной ведет радиостанция "Маяк" поиски детей и родных, оторванных друг от друга войной. Поиски, в основе которых лежат не факты, не точные данные, а такая тонкая материя, как воспоминания детства... Для тех, кто ищет родных без точных данных, яркое детское воспоминание - подарок особенно ценный. Скольким родным людям память детства уже сослужила неоценимую службу: соединила их в случаях, подчас безнадежных".

- К Агнии Львовне Барто, - вспоминает Н. Д. Заводчиков, - я обратился с письмом после нескольких лет безуспешных поисков родных по официальным каналам. Казалось, что уже никто не может помочь. У меня не было настоящего отчества, национальности, места эвакуации, а фамилия (по детскому дому) вызывала сомнение. Бегленовым мог быть назван любой потерявшийся мальчонка. Только имя Коля не вызывало сомнений. В памяти были окопы, бомбежки, горящие поля, железная дорога, ребятишки и няня.

Директор детского дома сообщила много лет спустя, Николаю Дмитриевичу, что он прибыл по эвакуации из Савенцов в марте 1942 года. До конца этого года маленький Коля жил под одной крышей с такими же, как он, ребятишками, эвакуированными с территории, захваченной оккупантами.

Из первого письма Н. Д. Заводчикова Агнии Барто

"В начале войны я потерял родных. Как мне помнится, зимой у печки мы стояли по росту. Я - самый маленький, затем сестренка Нюра и брат постарше - Саша. На кровати справа от нас лежала мать... Я подбежал к кровати, потянул ее за рукав: "Вставай, мама!" Но мать не шевелилась, Нюра и Саша тоже не смогли разбудить: мама была мертвой.

Потом пришла война. Наш поселок бомбили. Огонь бушевал там, где был наш дом, озаряя все вокруг. Где были сестренка и братья в это время - не помню... Потом нас, детишек, эвакуировали. Долго ехали по железной дороге, добрались до детского дома. Здесь было хорошо, но я постоянно ожидал, что меня возьмет отсюда мама. Возможно, кто-либо разыскивает меня?"

В конце 1942 года Николай был усыновлен супругами Заводчиковыми.

Вспоминает Ф. С. Заводчикова

"Детей у нас не было, и мы с мужем решили взять на воспитание ребенка. Когда пришла в детский дом, ко мне подошел худенький мальчик. Я спросила:

- Как тебя зовут?

- Коля.

Это меня сильно разволновало. У нас умер ребенок, так его тоже звали Коля. Я решила взять этого мальчика и сказала ему, что у него есть родители, только его потеряли. Когда мы пришли вторично в детский дом, на этот раз с мужем, мальчик уже ждал нас, смотрел в окно. Только мы открыли дверь, он закричал:

- Папа! - заплакал и кинулся к нам. - Где же вы были, я вас давно жду...

И все присутствующие, глядя на это, плакали".

Мальчик рос и воспитывался в доме, постоянно ощущая на себе материнскую ласку, заботу, любовь. Феодосия Семеновна и Дмитрий Гаврилович Заводчиковы воспитали Николая. После окончания средней школы он стал студентом Оренбургского сельскохозяйственного института, учился хорошо, чем радовал отца и мать. Во время работы агрономом в одном из колхозов Оренбуржья был приглашен на преподавательскую работу в родной институт. Время шло, и отец часто советовал сыну:

- Коля, ищи родных, напиши подробно, что помнишь.

В 1968 году Николай Дмитриевич посылает письмо на радио. На Харьковщине в Балаклеевском районе на хуторе Устиновка услышал подготовленную Агнией Барто передачу Иосиф Федорович Белевцов. Связавшись с Агнией Барто, с Николаем Заводчиковым, он убеждается, что Николай - его племянник, сын родного брата. Только после этого о своих догадках он сообщает близким родственникам.

Из второго письма Н. Д. Заводчикова Агнии Барто

"...В ответ на Вашу телеграмму сообщая, что письмо от Иосифа Федоровича Белевцова получил. Мне кажется, что данные, действительно, сходятся. Как трудно ждать письма теперь..."

После томительных дней ожидания Николай Дмитриевич получил сразу пять писем: от четырех братьев и сестры.

Из письма сестры Анны

"Мне, конечно, не верится, что это действительно ты, Коля, тот, которого у нас отняла война вместе с отцом и матерью. У нас была большая семья, но за несколько месяцев этой семьи не стало. Шестеро сирот осталось в доме без одежды, еды, топлива. Мама простудилась и умерла. В марте 1942 года пришли нас забирать в детский дом, но мы не пошли, а тебя, как маленького, забрали, потому что среди нас не было совершеннолетних. Когда тебя отдали, все трое наказывали, чтобы ты не забыл, что ты Белевцов Николай Петрович. Ты обещал..."

Из воспоминаний Н. Д. Заводчикова

"Решение ехать, и немедленно, было принято, как только я получил фотографии моих родных 10-15-летней давности. Что-то в их лицах мне казалось знакомым и родным.

В тот же день получил разрешение на отпуск и выехал в Харьков.

Перед отъездом послал письмо моим дорогим приемным родителям, которые воспитывали меня с четырех лет. Написал, а сам беспокоился, как они отнесутся, как встретят мою радость. Послал телеграмму сестре, братьям и дяде о своем выезде. Всю дорогу волновался, узнают ли? Признают ли родным? А вдруг ошибка?..

Собрались они на встречу сразу же, хотя расстояние было порядочным: Вася приехал из Донецкой, Аня - из Ворошиловградской, Володя - из Днепропетровской области, а Саша с Федей - из Балаклеевского района Харьковской области. После нескольких десятков секунд растерянности я робко обращаюсь:

- Браток, неужели не узнаешь меня?

Теперь уже ничто не могло сдержать нашей радости".

Из письма брата Федора Агнии Барто

"Братским советом мы решили, чтобы отец и мать Коли Заводчикова приняли нас в свою семью и стали нам отцом и матерью. Дали маме и папе телеграмму: "Папа, мама, принимайте нас в свою семью. Саша, Вася, Володя, Федя, Нюра, Коля". Они нам сразу ответили: "Радуетесь вашей встрече, принимаем вас в нашу семью".

В своей книге "Найти человека", где Агния Барто рассказывает о радостной встрече Заводчикова с семьей, есть такие строки: "Получила я письмо от приемных родителей Николая, в котором они сообщали, что у них появились сразу дочь, еще четыре сына, четыре невестки и пятнадцать внуков. С удовольствием я поздравила их по радио с таким мощным прибавлением семейства".

Белевцовы и Заводчиковы не раз обменивались визитами. В 1972 году с Украины в Оренбург приезжали 14 человек, чтобы познакомиться с далеким краем, в котором живет близкий им человек.

Семья Заводчиковых и Белевцовых благодарна Агнии Барто за ее доброе сердце, отзывчивость, за ее любовь к детям. Когда у Заводчиковых родилась дочь, они назвали ее Таней, в честь дочери Агнии Барто, с которой они встречались в Москве.

Сегодня Николай Дмитриевич продолжает работать в родном институте. Он - декан экономического факультета, профессор, человек, уважаемый в институте и за его пределами,

автор нескольких изданий. Зная его двадцать лет, замечу, что это очень скромный человек, поэтому-то мало кто знает о его судьбе, о его встречах с Агнией Барто. Семья Заводчиковых хранит все ее телеграммы. 25 ноября 1975 года она телеграфирует Николаю Дмитриевичу: "Милые Коля, Люда, Саша, Таня. Всегда с радостью читаю ваши письма. Спасибо, что помните меня. Привет сердечный найденным братьям и сестре. Ваша Агния Барто". Пожеланием мирной жизни звучит другая ее телеграмма: "Желаю, чтобы ни в одном поколении Заводчиковых, ни в следующих поколениях никто никогда не терялся. Ваша Агния Барто".

Человек приходит в мир. Этого события с волнением ждут в каждой семье. Но разве не мы должны делать все, что в наших силах, чтобы ему жилось спокойно?

Вместо заключения

Написана последняя страница этой книги. История Оренбурга в годы Великой Отечественной войны еще ждет своих новых исследователей, казалось бы, изданы сборники документов о военном лихолетье, опубликованы интересные исследования о людях и трудовых делах города в то суровое время, воспоминания участников тех событий. Однако в фондах архивов, как оренбургских, так и тех, которые находятся теперь за пределами России, сконцентрировано большое количество документов. Богаты в этом плане фонды Государственного архива и Центра документации новейшей истории Оренбургской области.

Специализируясь на документах военной поры, научный сотрудник Центра Г. И. Хвостова проделала значительную работу, особо следует отметить ее материалы в сборнике-справочнике "Урал ковал Победу", вышедшем в 1993 году. В нем можно найти списки оренбургских орденосных трудовых коллективов, наименования предприятий, получивших на вечное хранение переходящие Красные знамена, и трудовых коллективов, граждан, оказавших помощь фронту и получивших благодарность от Верховного Главнокомандующего, воинских формирований и госпиталей. Наиболее познавательную ценность имеют биографии знатных южноуральцев. В фондах архива обращает на себя внимание разноплановые документы об эвакуации, переписка оренбуржцев с руководителями страны, списки добровольцев, письма с фронта и ответы на них, и другие интересные документы. Большой интерес представляют некоторые публикации научного сотрудника Оренбургского госархива Т. В. Судоргиной. Работая со списками эвакуированных в Оренбургскую область, она обратила внимание на фамилию Ростроповичей. Исследуя их фамильную биографию, изучила местную печать, фонд областного комитета по делам искусств, установила связь с родной сестрой известного маэстро Вероникой Леопольдовной Ростропо-вич. Завязалась переписка и с родственниками музыканта, проживающими в Саратове. Т. В. Судоргиной удалось передать видеоматериалы в США, где работает известный виолончелист М. Л. Ростропович. Кропотливая работа исследователя позволила выявить целый пласт интересных событий, она же в какой-то мере содействовала приезду маэстро в Оренбург. Основное внимание Т. В. Судоргина уделяет вопросам культуры, представляя читателям подчас неожиданные архивные материалы.

История города военной поры отражена и на стендах заводских музеев, которые стали хранилищем бесценной информации. Прекрасные музеи созданы на заводе сверл, авиазаводе (ныне предприятие "Стрела"), на заводе "Автозапчасти" и заводе имени С. М. Кирова (современное наименование - акционерное объединение "Радиатор").

У истоков создания музея на "Радиаторе" стоял участник Великой Отечественной войны Сергей Владимирович Оминский. При полной поддержке генерального директора акционерного объединения Льва Александровича Фольца появился этот музей. Он вообрал в себя много ценных фотографий, свидетельств трудной военной поры. В фондах музея хранятся записи воспоминаний большинства рабочих и инженеров, трудившихся на заводе в годы испытаний. Музей служит духовным центром для ветеранов войны и труда этого известного в стране предприятия. Чтобы увековечить память о тех, кто своим трудом приближал победу, Л. А. Фольц предложил создать книгу о заводском коллективе - подробную летопись. Работа над книгой подходит к концу, ее авторами наряду с профессиональными историками станут рабочие завода, участники событий военных лет.

С чувством удивления и восторга покидаешь музей бывшего авиационного завода. Все стенды продуманы и подготовлены с большим вкусом. Представленные здесь редчайшие фотографии самолетов УТ-2, ЯК-1, ЯК-6 и другие материалы украшают музейные витрины. Во время знакомства с музейными экспонатами осознаешь одно: как мало мы знаем о родном городе.

В послевоенные годы, особенно в шестидесятые и семидесятые, активно работали в городе поисковые группы школьников и студентов. Энтузиасты разыскали множество свидетельств героической деятельности оренбуржцев в годы Великой Отечественной войны. Результаты поиска выливались во встречи с ветеранами, в поездки по местам боев. Создавались школьные и институтские музеи.

В Оренбургской сельскохозяйственной академии на протяжении пятнадцати лет работает поисковая группа при кафедре истории Отечества. Она собрала десятки фронтовых документов оренбуржцев, но основное внимание уделила выявлению и сохранению фронтовых писем.

Фронтовые письма... В суровое военное время они живой и трепетной нитью соединяли разлученные людские сердца... Сегодня каждое из этих писем, самое, на первый взгляд, незначительное, пусть глубоко личное,- исторический документ величайшей ценности, ибо он отмечен неповторимой печатью времени, печатью теперь уже далеких, но памятных лет.

Чтобы расширить рамки познания, докопаться до самых неизвестных страниц истории, необходимо работать постоянно. И только в этом случае приходит удача. Много сил поисковой работе отдал клуб "Поиск" оренбургской школы № 25 под руководством Леонида Георгиевича Удотова. Клуб "Поиск" организовал несколько замечательных встреч тружеников тыла, первая из них состоялась 10 февраля 1990 года во Дворце культуры "Дружба". На ней присутствовали 400 человек, в том числе 240 рабочих и инженеров завода № 545. На встречу приезжала гостья из Ворошиловграда А. И. Репринцева.

Клуб "Поиск" и особенно сам Л. Г. Удотов проделали огромную работу в выявлении лиц, не получивших награду за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны. В результате этого поиска в октябре-ноябре 1990 года большой группе бывших рабочих завода № 545 были вручены награды.

Особенно памятной была встреча, состоявшаяся 30 октября 1991 года, ее транслировало Оренбургское телевидение. Она посвящалась 50-летию эвакуации различных заводов в Оренбург из зоны военных действий. Взволнованные участники вспоминали события тех лет со слезами на глазах. Некоторые из них не виделись друг с другом с войны. Запомнилась трогательная сцена демонстрации парашюта, шелк для которого изготавливался на шелкокомбинате, с интересом смотрели участники и на макет кавалерийского седла. Такие седла поставляла фронту шорно-седельная фабрика.

В 1992 году клуб "Поиск" организовал встречу ветеранов войны и труда, посвященную 50-летию отправки на Сталинградский фронт двух тысяч оренбургских девушек. Бесценная работа увлеченного энтузиаста, каким является Леонид Георгиевич Удотов, - это не только дань уважения и глубокой благодарности землякам, но это и бесконечный урок патриотизма поколению юных.

Ветераны труда города многие годы вынашивали идею создания памятника тем, кто в тылу ковал победу. 30 апреля 1992 года в Оренбурге на встрече, посвященной 50-летию отправки на Сталинградский фронт эшелона оренбургских девушек-комсомолок, бывшие фронтовики и представители оренбургских заводов и фабрик, госпиталей, военных училищ обратились к общественности города с предложением увековечить память о тружениках тыла. Тогда же, на встрече, стихийно начался сбор средств на создание мемориала. Но страна переживала тяжелые времена, вести речь о памятнике было сложно, и поэтому приняли решение собрать средства на мемориальную стелу "Оренбург - фронту". Месяцем позже, 26 мая, на собрании общественности города эта инициатива была поддержана. Избрали оргкомитет "Оренбург - фронту", в который вошло девятнадцать человек, среди них ветераны труда, историки. Возглавил оргкомитет Леонид Георгиевич Удотов.

В выявлении сведений о помощи оренбуржцев фронту участвовали Г. И. Хвостова, Н. И. Сайгин, Г. Удотов.

Много времени и сил отдала комитету "Оренбург - фронту" ветеран труда Клавдия Тимофеевна Степанова, включившись в его деятельность по сбору средств на строительство общегородского мемориала у Вечного огня. Только за август и сентябрь 1993 года она обошла более пятидесяти предприятий, учреждений, организаций и смогла убедить многих руководителей поддержать прекрасное начинание. К осени 1994 года Клавдия Тимофеевна приобщила к этой акции уже триста предприятий и учреждений. Солидные вклады на создание стелы "Оренбург - фронту" внесли такие предприятия, как Аэропорт, "Оренбургэнерго", "Оренбургавтострой", "Оренбургтаможня" и другие.

"Все мы, кто в те годы отдавал для победы последнее здоровье, последние сбережения, а зачастую - последнюю зарплату в Фонд обороны, - говорит она, - должны не жалеть своих сил для сохранения правды о минувшей войне".

Да, это были тяжелейшие годы. Они напоминают людям о многом. Они говорят о том, какой ценой завоевывалась мирная жизнь, какая цена шелеста колосков пшеницы, цветущих яблонь, красных тюльпанов, тихо осыпающих свои лепестки на зеленые, набирающие силу степные травы. И как сказал неизвестный поэт, посвящая стихи убеленному сединой героическому поколению:

Пройдут года. Мы станем стариками,
Падет на лоб волос седая прядь.
Но будем мы дрожащими руками
Страницы жизни прожитой листать.

Фотографии.

Полковые командиры 8-й гвардейской кавалерийской дивизии

Когда мы были молодыми.

Переправа.

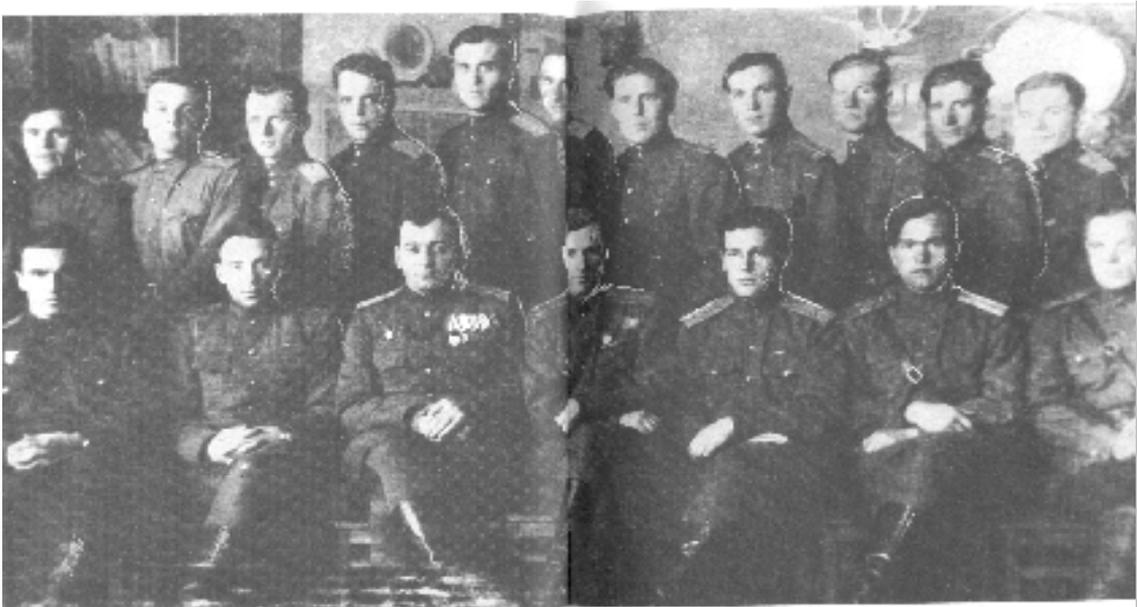
На учениях.

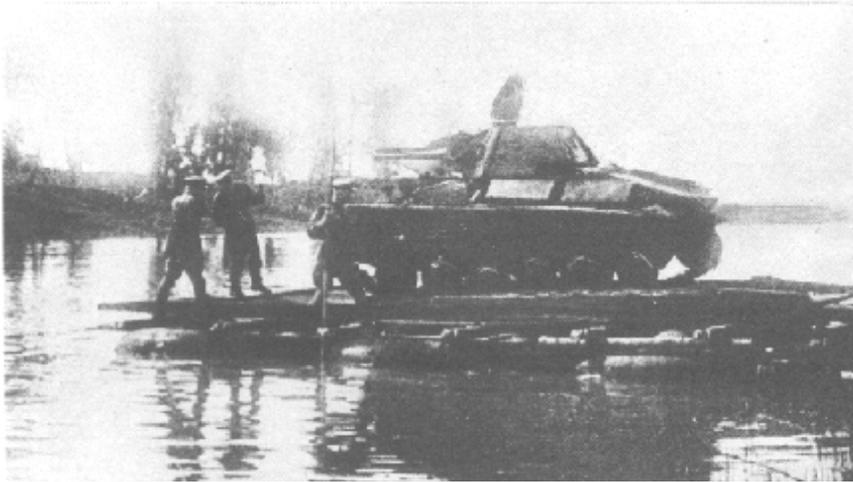
Беседа с курсантами.

Командование Чкаловского танкового училища.

Чкаловское летное училище. Летный состав самолетов ПЕ-2

Готовясь к предстоящим боям.

У самолета.

Книга на память. Выпускник Оренбургского летнего училища Герой Советского Союза М.П.Девятаев и А.В. Федорова. Ноябрь 1993 г. Фото А. Щербак.

На полевых занятиях Чкаловского училища зенитной артиллерии в 1942 году.

Зенитный расчет Худякова. Юго-Западный фронт. Харьковское направление.

Командир курсантного взвода Чкаловского пулеметного училища ст. лейтенант Н.И. Сайгин (справа) с товарищем.

Курсанты Оренбургского аэроклуба. 1943 год.

Всеобуч. Рукопашный бой.

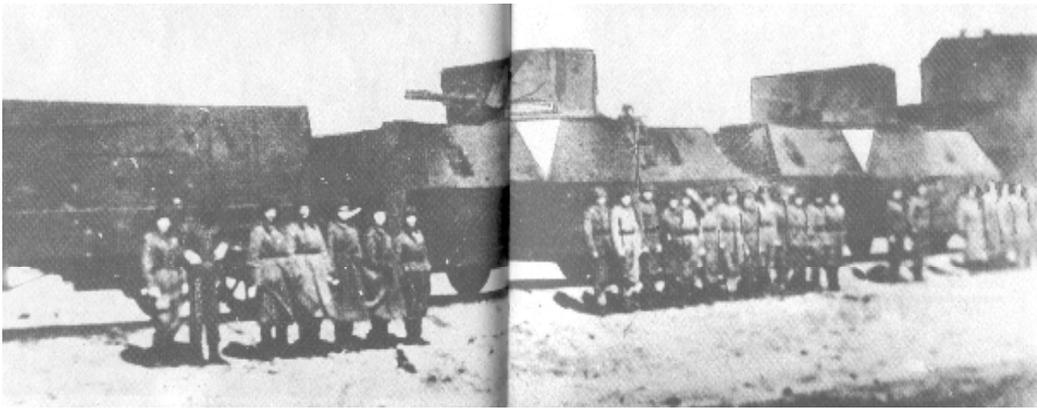
Личный состав бронепоезда «Оренбургский железнодорожник».

Оренбургские девушки за изучением пулемета. 1943 год.

Перед дежурством на станции Оренбург.

Так выглядел бронепоезд.

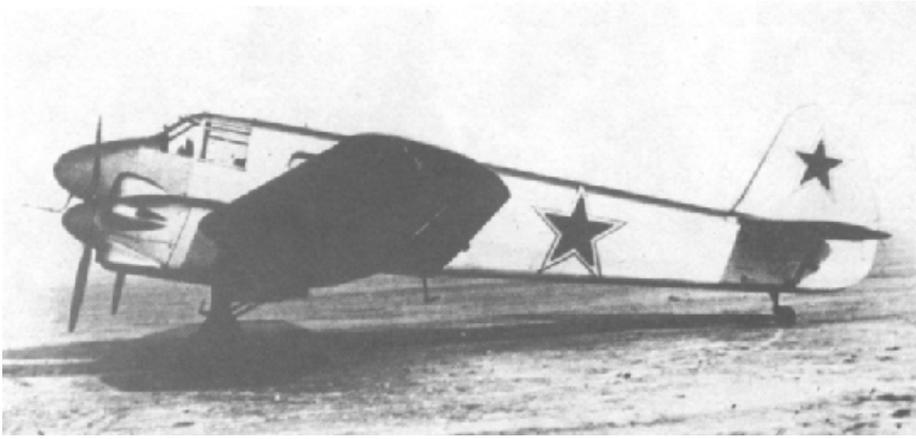
Они прибыли в Оренбург в 1941-1942 годах, чтобы наладить производство боевых самолетов.

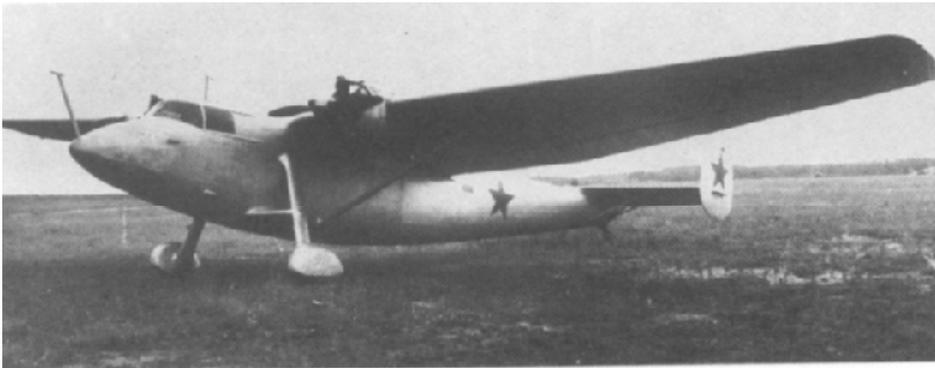
Ветераны-авиационники. Фото 1966 года.

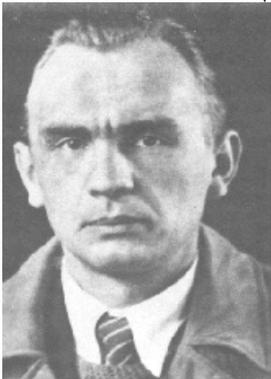
Самолет УТ-2

Самолет ЯК-6

Самолет ЩЕ-2

Главный инженер авиазавода
в 1943-1944 г.г. Г.П. Медников

Главный конструктор самолета
ЩЕ-2 А.Я. Щербаков.

Главный инженер авиазавода
в 1944-1947 гг. Н.А. Былимов

Лучшие работницы паровозоремонтного завода.

Обучение подростков токарному делу на паровозоремонтном
заводе.

Молодежная бригада завода «Автозапчасть».

Директор завода «Автозапчасть»
А.В.Саблин.

Директор Оренбургского нефтемаслозавода А.И. Гемиза.

Чествование передовиков производства завода № 545.

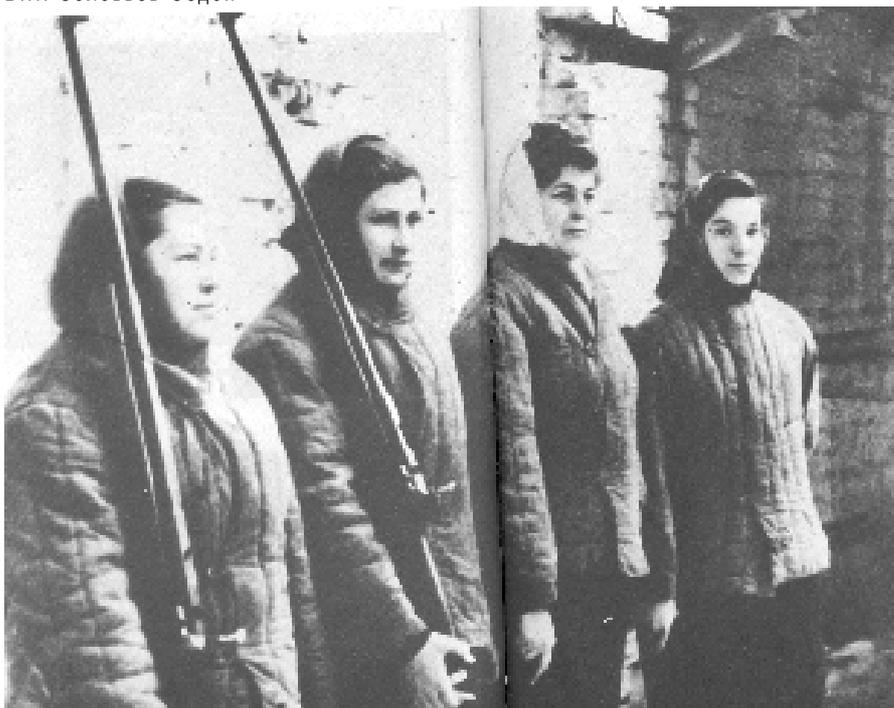
Подростки заменили отцов. Молодые рабочие завода №545.

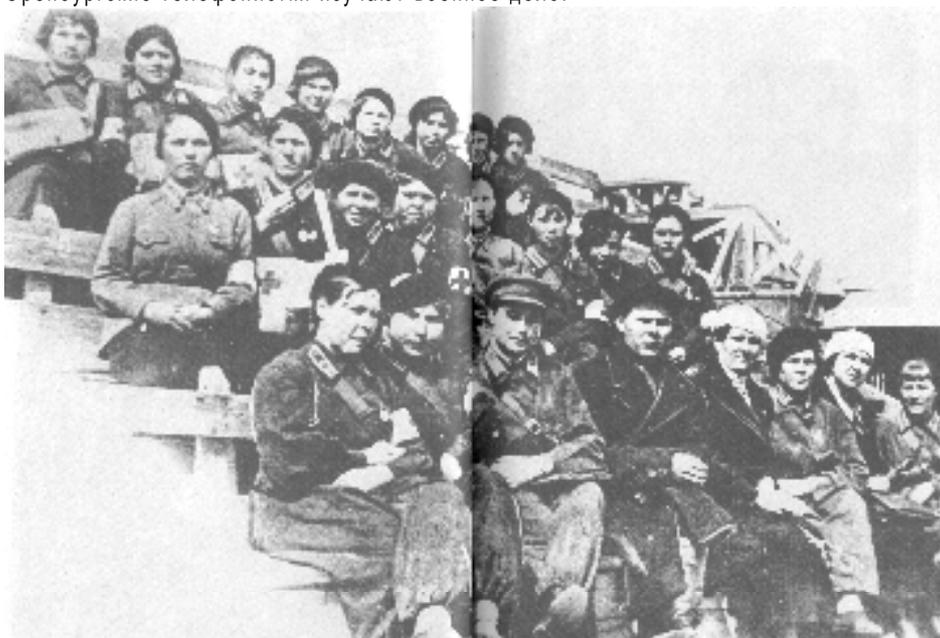
Хирург эвакогоспиталя №1658 К.И.Тушева.

В.П. Соловьев-Седой

Оренбургские телефонистки изучают военное дело.

Сандружина г. Оренбурга.

В.П. Соловьев-Седой и А.И. Фатьянов.

Поэт А. Возняк.

Художник Н.В. Кудашев.

Бригада Колыхаловой. 1945 год.

Выпускники 10-го класса Оренбургской школы № 33. 18 июня 1941 года.

Танцевальный кружок при Ленинградском академическом Малом оперном театре в Оренбурге. 1943 год.

Встреча с ветеранами войны в Каргале.

Мстислав Ростропович на могиле отца. Фото Н. Лазина.

Не забудется боевая юность. Фото В.Верстукова.

Этот праздник со слезами на глазах. 9 мая 1985 года. Фото В. Верстукова.

Литература

- РСФСР - фронту, 1941 -1945 гг.: Документы и материалы /Главархив РСФСР, ЦГА РСФСР, ЦГАНХ СССР, Ин-т истории СССР АН СССР. Отв. сост. Н. П. Беликова.- М: Сов. Россия, 1987.- 384 с., 8 л. ил.
- Об обл. см. геогр. указ.: с. 378.

- Подвиг оренбуржцев: Документы и материалы об участии трудящихся Оренб. обл. в Великой Отеч. войне [1941 -1945] /Сост. А. З. Безверхний и др.- Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1969.- 271 с.
- В годы Великой Отечественной [войны. Вклад обл. в победу]//Зобов Ю. С., Фурорьянский Л. И. Родной истории страницы.- Оренбург, 1994.- С. 85-87.
- В тылу, как на фронте (1941-1945) //Оренбург: Путеводитель-справочник.- Челябинск, 1977.-С. 40-45.
- История родного края: Учеб. пособие для учащихся VIII-X кл. сред. шк. [Оренб. обл.] /Сост. П. И. Сучков; Науч. ред. Л. И. Фурорьянский.- Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988.-176 с., ил.
- Из содерж.: Оренбуржцы - фронту.- С. 128-133; Помощь Красной Армии.-С. 139-140.
- Лапаева М. Г. Оренбуржье - фронту//Воен.-ист. журн.-1980.- №12.- С. 78.
- Оренбургскому краю - 250 лет: Материалы юбил. науч. конф., посвящ. 250-летию Оренб. губ. и 60-летию Оренб. обл. Администрация Оренб. обл., ОГПИ, Союз краевед, о-в Оренб. обл., Гл. упр. об-ния Оренб. обл.; Отв. ред. Л. И. Фурорьянский.- Оренбург, 1994.- 208 с.
- Из содерж.: Федорова А. В. Оренбургская обл. в годы Великой Отечественной войны.- С. 86-90; Хвостова Г. И. Экономика Оренбуржья в годы Великой Отечественной войны.- С. 90-92; Кузахметов Р. К. Художественная жизнь Оренбуржья в годы Великой Отечественной войны. - С. 92-95.
- Пешков П. Д. Оренбуржцы на фронте и в тылу//Блокнот агитатора. - 1984.- № 21.- С. 11-15; № 22.- С. 10-14.
- Рощенко О., Ходорович А. Оренбуржье - фронту//Блокнот агитатора.- 1988.- № 10-11.- С. 29-32.
- Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне (ноябрь 1942-1943 гг.)/ [В. Т. Анисков, А. Р. Басов, И. И. Белоносов и др.; Отв. ред. А. В. Митрофанова]; АН СССР, Ин-т истории СССР. - М.: Наука, 1989. - 391, [1] с.
- Из содерж.: [Оренб. обл.].- С. 53,153,157,159,163,186.
- Урал ковал Победу: Сб.-справочник /Сост. С. Д. Алексеев, Л. М. Ев-теева, Г. Д. Иргалин и др.- Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1993.- 382 с.
- Урал - фронту /П. Г. Агарышев, М. Н. Евлакова, А. Г. Наумова и др.; Под ред. А. В. Митрофановой. - М.: Экономика, 1985.- 344 с., ил.
- Федорова А. В. Вклад Южного Урала в достижение Победы над фашистской Германией: [Оренбуржье - Карелии и рос. северу] //Карелия,
- Заполярье и Финляндия в годы второй мировой войны: Тез. докл. меж-дунар. науч. конф. (6-10 июня 1994 г.) - Петрозаводск, 1994. - С. 31 -32. - Парад, на англ, яз.- [С. 71-721).
- Федорова А. Во имя жизни: [Женщины Оренбуржья - фронту] //Блокнот агитатора.- 1984.-№ 8.- С. 6-9.
- Федорова А. В. Фронтвые треугольники//Блокнот агитатора.- 1985.- №5.- С. 6-9.
- Фурорьянский Л. И. Вклад оренбуржцев в Великую Победу: (Материалы в помощь пропагандистам, лекторам, политинформаторам). - Оренбург, 1985.-25 с.
- Швыдченко В. Все для фронта, все для Победы.//Блокнот агитатора. -1980.- №8.- С. 11-15.

ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ КАДРОВ

- В бой - с Урала!: Южно-Урал. воин, формирования в боях с фашизмом и яп. милитаристами: [СбУСост. А. П. Моисеев, А. К. Окороков]. - Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1990.-240 с., [8] л. ил.
- Герасимов П. Чкаловское пулеметное [уч-ще, организованное в середине лета 1942 г.] //Новое поколение.- 1991.- 5 мая.- С. 9.
- Копылов И. С., Лазукин А. И., Райкин Г. Л. Оренбургское летное: Очерк истории Оренб. высш. воен. авиац. Краснознам. уч-ща летчиков им. И. С. Полбина.- М.: Воениздат, 1976.- 268 с., ил.
- Новиков Г. Оренбургские зенитчики в годы войны //Аргументы и факты.- 1994.- № 44.- (По Оренбуржью.- 1994.- № 37).
- Судоргина Т. В. И вновь о потомках А. С. Пушкина: [О курсанте Оренбургского училища зенитной артиллерии, праправнучке А. С. Пушкина - С. Е. Клеменко, 1943-1944 гг.] //Архивные находки. Вып. 4./Госархив Оренб. обл.- Оренбург, 1993.- 12 с.
- Удотов Л. Чкаловское танковое [уч-ще: История]//Оренбуржье. - 1993.- 11 июня.- С. 4.

- Швыдченко В. И. Роль комсомола Оренбургской обл. в подготовке боевых резервов для Красной Армии в годы Великой Отечественной войны //Учен. зап. Оренб. пед. ин-та.- 1973.- Вып. 40.- С. 3-14.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

- Безверхний А. З. В едином боевом лагере: Очерк о работе Оренб. обл. парт. орг. в годы Великой Отеч. войны (1941-1945).- [Челябинск]: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1965.- 86 с., ил.
- Васильев А. Ф. Деятельность партийных организаций Южного Урала по размещению эвакуированных предприятий в 1941-1943 гг. в т. ч. в Оренбурге//Вопр. истории.- 1961.- № 6.- С. 62-74.
- Все тебе, Родина!: Очерк истории Оренб. обл. орг. ВЛКСМ. (1919-1977) [Сост. науч. ред. Л. И. Футорянский]. - Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1977.- 455 с.
- Из содерж.: Гвардейцы тыла.- С. 114-120; В едином порыве.-С. 120-129.
- Зобов Ю. С. Советы Южного Урала - фронту//Материалы науч.-практ. конф. "Советы и их роль в экон. реформе".- Оренбург, 1991.- С. 107-108
- Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941 -1945 гг.): Документы и материалы.- М.: Политиздат, 1961.- 703 с.
- Из содерж.: О работе станко-строит. завода им. С. М. Кирова, эвакуированного из Одессы: Из постановления исполкома Чкалов, облсовета
- депутатов трудящихся и бюро Чкалов, обкома ВКП(б) от 17 окт. 1941 г.- С. 457.
- Павленко В. Д. Комсомол - помощник Коммунистической партии в организации работы тыла в годы Великой Отечественной войны: (На материалах пром. предприятий и строек Курган., Оренб. и Челяб. обл.)/ Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького.- Свердловск, 1972.-25 с.
- Павленко В. Д. Подготовка комсомольских кадров в годы Великой Отечественной войны (1941 -1945 гг.) //Из истории Юж. Урала и Заура-лья/Челяб. пед. ин-т.- 1971.- Вып. 5.- С. 180-190.
- Пламенные годы: Даты, цифры и факты из истории Оренб. обл. коме. организации/Оренб. обком ВЛКСМ; Редколлегия: Л. И. Футорянский (пред.) и др.- [Челябинск]: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1968.- 96 с.- Указ, лит-ры (1958-1967): с. 78-93.
- Из содерж.: 1941-1945: [Хроника].- С. 27-42.
- Швыдченко В. И. В годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 -1945 гг.) //Очерк истории Оренб. обл. орг. КПСС. - 2-е изд., перераб. и доп.- Челябинск, 1983.- С. 301-340.
- Юность поколений: Документы, материалы и воспоминания по истории Оренб. обл. организации ВЛКСМ (1919-1979 гг.)- [Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973].- 278 с.
- Гл. 4. Гремит набат, и снова в бой.- С. 106-109.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО: ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ

- Лапаева М., Сурначев В. Подвиг тружеников тыла: [Нар. хоз-во и социал. сфера обл.] //Блокнот агитатора.- 1986.- № 9.- С. 16-19.
- Любовь и Восток: [Сб. ст. к 250-летию Оренб. губ.]- М., 1994.- 443с.
- Из содерж.: Яцкевич Т. Стальной дивизион: [Стр-во железнодорожниками г. Оренбурга в 1942 г. бронепоездов для фронта].- С. 106-107; Футорянский Л. И. Фундамент Победы: [Вклад оренбуржцев]. - С. 111 -112; Альтов В. "Прошу продать самолет..." [О трудящихся, отдавших сбережения на имен, боевые самолеты].- С. 113-114; Федорова А. В. Фронтовые письма.- С. 114-118.
- Они ковали Победу: [Биогр. тружеников тыла сопровождаются крат, библиогр. списками/Подгот. Г. И. Хвостова]//Блокнот агитатора.- 1989.- № 17-18.- С. 29-34.- [В. Д. Бузулуцкий, А. Ф. Абросимов, А. Ф. Давыдова (Белова), Я. И. Хонин, А. Ф. Туркин, А. А. Сопляков]; - № 19-20.- С. 28-32.- [В. Н. Клименков, Н. Н. Зенков, П. А. Егоров, М. К. Жежа, К. А. Зернов, И. М. Кондаков, К. И. Колыхалова (Симонова), А. И. Маренин]; - № 21-22.- С. 47-48.- [В. И. Нетёса-нов, М. И. Натальин]; - 1990.- № 1-2.- С. 42-44.- [Д. И. Тюрин, Ю. Я. Галкин, М. Сафаргалеев, М. С. Озерцова, А. Д. Гапон, А. М. Дышлевский].
- Орденосное Оренбуржье: [Сб. ст./Сост. Н. И. Мячин]. - Челябинск, 1968.- 392с.
- Из содерж.: [Оренбуржье в годы Великой Отеч. войны]. - С. 177-185.
- Хисамутдинова Р. Помощь города селу [в годы войны]//Блокнот агитатора.- 1989.- № 7-8.- С. 44-46.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

- Васильев А. Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг.- М.: Наука, 1982.- 202 с.
- Галямин М. В. Путь борьбы и труда: Из истории Оренб. тепловозремонт, 3-да. - [Челябинск]: Юж.-Урал. кн. изд-во (Оренб. отд-ние) [1967].- 104с., ил.
- Дьяков Ю. Л. Подвиг строителей индустрии тыла (1941-1945)/ АН СССР, Ин-т истории СССР; Отв. ред. А. М. Самсонов.- М.: Наука, 1981.- 175 с., ил.- (Сер. "Страницы истории нашей Родины").
- Об Оренбургской обл. см. геогр. указ.- С. 172-174.
- История: далекая и близкая...: (Материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 250-летию г. Оренбурга)/Оренб. с.-х. ин-т.- Оренбург, 1993.- 97с.
- Из содерж.: Бородай Г. Работа подростков на пром. предприятиях Чкаловской обл. в годы Великой Отечественной войны.- С. 66-97; Федорова А. В. Дети и война: [Дет. дома в годы войны в обл.]- С. 56-65; Фаина М. Театральная жизнь г. Чкалова в годы Великой Отечественной войны.-С. 71-72.
- История Оренбургского края: судьбы, события, реальность: (Материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 250-летию Оренб. губ. и 60-летию Оренб. обл.) /Оренб. с.-х. акад.- Оренбург, 1994.-113 с.
- Из содерж.: Федорова А. В., Босова Т. Оренбургские самолеты - фронту: [Эвакуация авиац. з-да № 47 из Ленинграда в Оренбург, 1942 г.] - С. 31 -35; Меркулов С., Лапшин В. Оренбургский завод им. С. М. Кирова: год 1945-й.- С. 39-41; Солодилова Н. Деятельность культурно-просветительных учреждений г. Чкалова в годы Великой Отечественной войны.- С. 41-43.
- Предприятия 1942 года рождения: К 50-летию предприятий, вступивших в строй во второй год войны [в т. ч. в обл.] //Урал, месяцеслов. 1992: Календарь-справ.- Челябинск, 1991.- С. 333-335.
- Федорова А Эшелоны идут в Оренбург: [Об эвакуации в Оренбург пром. предприятий в годы Великой Отеч. войны] //Оренбуржье.-1992.- 8 декабря.
- Федорова А "Автозапчасть": [О деятельности завода в 1941 -1945 гг.] //Оренбуржье.- 1993.- 6 апреля.
- Футорянский Л. В тылу, как на фронте: [Повышение пром. потенциала обл.] //Блокнот агитатора.- 1985.- № 6.- С. 10-12.
- Футорянский Л. И. Город в тяжкую годину: [Прием эвакуир. предприятий и перестройка нар. хоз-ва на воен. лад]; Помощь фронту //Оренбург.- Челябинск, 1993.- С. 219-227.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ

- Броун Р. М. Оренбургский госпиталь в годы Великой Отечественной войны //Вопр. практ. медицины. (2-й сб. тр. врачей Оренб. воен. госпиталя).- Оренбург, 1973.-С. 4-6.
- Развитие естественных наук и здравоохранения в Оренбургской области: Тез. конф.- Оренбург, 1972.- 72 с.
- Из содерж.: Ростислав Ф. Г., Данильченко А. С. Организация лечения раненых и больных в эвакуогоспиталях Оренб. обл.- С. 28-29; Росчислав Ф. Г., Данильченко А. С. Противозидемическая служба Оренбургской обл. в период Великой Отечественной войны.- С. 29-31.
- Федорова А. Долг милосердия: [Тыловые госпитали в Оренбуржье] //Блокнот агитатора.- 1987.- № 12.- С. 11-13.
- Федорова А. В. Забота оренбуржцев о раненых бойцах и командирах Красной Армии в годы Великой Отечественной войны//Урал в период Великой Отечественной войны. Тезисы регион, науч. конф., посвящ. 45-летию Победы.- Уфа, 1990.- С. 158-161.

КУЛЬТУРА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Культура в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) //Культурное строительство в Оренбуржье: Документы и материалы (1942-1987).- Челябинск, 1989.- С. 15-44.
- Берзязева Б., Злыднева Я. Ополчение из пединститута: [ОГПИ в годы войны] //Новое поколение.- 1992.- 21 марта.- С. 5.
- Бураков Л. Кочегар "жар-птицы": [Об оренбургском поэте А. А. Воз-няке].- 1994.- 3 сентября.
- Варзацкая О. Песня народной славы: [Оренб. писательская организация в годы войны] //Блокнот агитатора.- 1985.- № 8.- С. 25-27.

- Каган И. И. Очерк истории и летопись Оренбургского гос. медицинского института.- Оренбург, 1994.- 70 с.
- Из содерж.: Организация и становление ин-та.- С. 9-16.
- Кузахметов Р. К. Научно-техническая интеллигенция Оренбуржья в годы Великой Отечественной войны //2-е Рычков. чтения: Социал., экон. и экол. развитие Юж. Урала в XIX-XX вв.: Тез. и материалы. - Оренбург, 1991.-С. 55-56.
- Ленинградский гос. ордена Ленина Академический Малый театр оперы и балета: (Сб. материалов к 50-летию театра). 1918-1968.- Л.: Музыка, 1968.-219 с.: ил.
- Из содерж.: [Пребывание театра в Оренбурге в годы войны].- С. 29-30,175-176.
- Максакова Л. В. Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны /АН СССР, Ин-т истории СССР. - М.: Наука, 1990. -133с.
- Из содерж.: [Об эвакуации в г. Чкалов документов архивов Прибалт. республик и картин Рязан. музея].- С. 52, 53, 54, 74,118.
- Медведева Л. С. Художники Оренбургской области. - Изд. 2-е, пере-раб. и доп.- Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985.- 200 с.: ил.
- Из содерж.: [Художники Оренбурга в годы войны].- С. 18-20.
- "Молодые ученые - здравоохранению": Материалы XII итоговой конф. молодых ученых-медиков, посвящ. 50-летию института /М-во здравоохранения и мед. пром-сти РФ, Оренб. мед. ин-т. - Оренбург, 1994.- 86с.
- Из содерж.: Федорова А. В. Из истории Оренбургского медицинского института (1941 - 1945 гг.). - С. 3 - 7; Жолобова Г. А., Федорова А. В. Оренбургская с.-х. академия в годы Великой Отечественной войны. - С. 84-86.
- Незнамов М. Старейший русский театр на Урале/Под общ. ред. Ю. Юзовского.- Чкалов: Чкалов, изд-во, 1948.- 129 с., ил.
- Из содерж.: [Оренб. обл. театр им. М. Горького в дни войны].- С. 102-103.
- Оренбургу - 250 лет: Программа и материалы науч. конф., посвящ. 250-летию города.- Оренбург, 1993.- 115 с.
- Из содерж.: Хромов Е. Воспитание молодежи Оренбурга в годы Великой Отечественной войны [в частности, на Чкалов. ПВРЗ].- С. 18-20; Федорова А. В. Из истории эвакуации в Оренбург в годы Великой Отечественной войны.- С. 67-69; Хисамутдинова Р. Р., Пирогов С. Чкалов-ский гос. педагогический институт в годы Великой Отечественной войны.- С. 87-88; Хисамутдинова Р. Р., Казадаева Н. П. Деятельность 1-го Харьковского медицинского института в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).- С. 89-90.
- Прокофьева А. Страницы истории: [Поэт А. Фатьянов в Оренбурге в военное время] //Блокнот агитатора.- 1985.- № 9.- С. 17.
- Судоргина Т. В. Место эвакуации - Чкаловская область: [Культурная жизнь Оренбурга в годы Великой Отечеств, войны] //Архивные находки. Вып. 5./Госархив Орен. обл.- Оренбург, 1994.- 21 с.
- Сохор А. Василий Павлович Соловьев-Седой: Очерк его жизни и творчества:- Л.: Музыка, 1977.- 127 с.
- Из содерж.: [Деятельность композитора в Оренбурге в 1942- 1944гг.].-С 28-31.
- Федорова А. В. Культура Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: [Оренб. обл.] //Духовная культура: пробл. и тенденции развития: Тез. докл.- Сыктывкар, 1994.- С. 46-48.
- Федорова А. В. И музы воевали: [Театры в годы войны]//Юж. Урал. -1990. - 22 июня.
- Федорова А. В. Фронтовой театр В. П. Соловьева-Седого//Духовная культура народов Южного Урала/Под общ. ред. А. В. Федоровой. - Оренбург, 1993.-С. 52-65.
- Хентова С. Ростропович /[Филармон. общ-во Санкт-Петербурга].- СПб: МП РИД "Культ-информ-пресс", 1993.- 300, [2] с., ил.
- Из содерж.: [М. Ростропович в Оренбурге, [1941-1943].- С. 26.

Составители:
О. В. ФЕДОСОВА,
А. В. ФЕДОРОВА

Сокращения

БГТО - Будь готов к труду и обороне - комплекс физических упражнений.
ВКП(б) - Всероссийская Коммунистическая партия (большевиков).
ВО - военный округ.
Всевобуч - всеобщее военное обучение трудящихся.
ВЮЗИ - Всесоюзный юридический заочный институт.

ГАУ - Главное артиллерийское управление.
ГВФ - Гражданский воздушный флот.
ГВСУ - Главное военно-санитарное управление Красной Армии.
ГКО СССР - Государственный Комитет обороны СССР.
комсорг - комсомольский организатор.
ГТО - Готов к труду и обороне СССР - комплекс физических упражнений.
МТС - машинно-тракторная станция.
Наркомсредмаш - Наркомат среднего машиностроения.
Наркомюст - Наркомат юстиции.
НКАП - Народный комиссариат авиационной промышленности.
НКВ - Народный комиссариат вооружения.
НКВД - Народный комиссариат внутренних дел.
НКЗ - Народный комиссариат здравоохранения.
НКО - Народный комиссариат обороны.
НКПС - Народный комиссариат путей сообщения.
НКТП - Народный комиссариат танковой промышленности.
ОГСХА - Оренбургская государственная сельхозакадемия.
ОРС - отдел рабочего снабжения.
ОТК - отдел технического контроля.
парторг - партийный организатор.
ПВО - противовоздушная оборона.
ПВРЗ - паровозоремонтный завод.
РККА - Рабоче-Крестьянская Красная Армия.
РОКК - Российское Общество Красного Креста.
САУ - самоходная артиллерийская установка.
СНК СССР - Совет Народных Комиссаров СССР.
совпартшкола - советско-партийная школа.
ФЛ - флегматизатор.
ФЗО - фабрично-заводское обучение.
ЧТУ - Чкаловское танковое училище.
ЧУЗА - Чкаловское училище зенитной артиллерии.
ЭГ - эвакогоспиталь.
ЮЖУРАЛВО - Южно-Уральский военный округ.

В книге использованы материалы из архивов:

ВММ - архив Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ (г. Санкт-Петербург).
ГАОО - Государственный архив Оренбургской области.
ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации (бывший ЦГАОР СССР).
РГА - Российский государственный архив (бывший Центральный ЦГА РСФСР).
РГАЭ - Российский государственный архив экономики (бывший ЦГАНХ).
РАМО - Российский архив Министерства обороны РФ (бывший ЦАМО СССР).
ЦГАЛИ СПб - Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга.
ЦГА СПб - Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (бывший ЦГАОРСС г. Ленинграда).
Т Т ДНИ ОО - Центр документации новейшей истории Оренбургской области (бывший ПАОО).